

Анатолий Шигапов

ЦВЕТЫ И РЕЙХСТАГ

Военные

Анатолий Шигапов

ЦВЕТЫ И РЕЙХСТАГ

«Автор»

2026

Шигапов А.

ЦВЕТЫ И РЕЙХСТАГ / А. Шигапов — «Автор»,
2026 — (Военные)

ТОМ 3. «ЦВЕТЫ И РЕЙХСТАГ» (1939–1945- 24.02.2022) Самая страшная война. Потомок Берёзовых - Александр, инженер и убеждённый атеист, отправляется на фронт, не веря в Бога. Но среди дыма Сталинграда, крови и отчаяния он находит ту веру, которую когда-то отверг. Его брат Николай, священник в гонимой церкви, молится за него каждый день. Война проходит через судьбы семьи, через окопы и блокаду, через потери и надежду. И когда Знамя Победы поднимается над Рейхстагом, на руинах расцветают цветы - имвол жизни, пробившейся сквозь смерть. Третий том о том, что вера, прошедшая через ад, становится крепче стали. И о том, что Берёзовы всегда возвращаются.

© Шигапов А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Шигапов

ЦВЕТЫ И РЕЙХСТАГ

Дорогой читатель!

Два тома позади. Два этапа. Две главы одной великой истории.

Первый том - «Корни».

1756-1762. Семилетняя война. Мы стояли у истоков. Там, в пороховом дыму Цорндорфа и славе Кунерсдорфа, в триумфе берлинского взятия и горечи предательства, мы видели, как рождаются корни. Как русский человек, пройдя через огонь, обретает ту самую опору, которая не даёт упасть, даже когда земля уходит из-под ног. Как вера, пусть ещё робкая, пусть ещё не окрепшая, начинает прорастать в душе, проходя через испытания смертью и кровью. Берёза тогда была ещё ростком - тонким, хрупким, но уже тянущимся к свету, уже впитывающим силу родной земли.

Второй том - «Древо».

1805-1814. Наполеоновские войны. Наша Берёза стала Древом. Крепким, высоким, с могучими корнями, которые уходят глубоко в русскую землю. Оно выдержало бурю Семилетней войны, выдержало предательство союзников, выдержало смерть императрицы и перемену курса. Оно выстояло. И теперь оно стоит, раскинув свои ветви над полями России, готовое к новому испытанию. Наполеон думал, что сможет срубить это Древо. Он ошибался. Древо не сломало ни отступление, ни пожар Москвы, ни ледяная Березина. Оно лишь окрепло. И когда наши солдаты снова дошли до Берлина, Древо стояло - выше, сильнее, непоколебимее прежнего.

Теперь - третий том. «Цветы и Рейхстаг».

Время - 1939-1945. Самая страшная, самая кровавая, самая беспощадная война в истории человечества. Та, где на кону стояло не просто существование государства - само существование нашего народа, нашей веры, нашей души. Та, где враг пришёл не грабить и не завоёвывать - он пришёл уничтожить. Уничтожить всё: наши города, наши храмы, наши семьи, нашу память, нашу веру, нашу жизнь.

Здесь наша Берёза уже не росток и не Древо. Она зацвела. Она дала цветы - те самые, которые превратятся в плоды. Цветы - это наша надежда, наша вера, наши дети, вставшие на защиту Отечества. Цветы - это солдаты, которые уходили на войну мальчишками, а возвращались - если возвращались - уже седыми, с глазами, видевшими смерть, но не потерявшими способность любить. Цветы - это молитвы матерей, жён, сестёр, которые ждали, верили, надеялись, не теряя веры даже тогда, когда похоронка приходила на каждого второго. Цветы - это наша правда, которая, пройдя через ад, осталась правдой. Потому что правда не умирает. Она только крепнет.

А Рейхстаг - это символ. Символ той силы, которая хотела уничтожить цветы, которая хотела вырвать Древо с корнем, которая хотела выжечь всё живое на нашей земле. Рейхстаг - это воплощение зла, возомнившего себя властелином мира. Зла, которое думало, что его ложь сильнее нашей правды, его ненависть сильнее нашей любви, его смерть сильнее нашей жизни.

Но Рейхстаг падёт. И цветы на его руинах расцветут. Потому что цветы - это жизнь. Это надежда. Это Россия. Это вера, которая не умирает, даже когда вокруг одна тьма. И Знамя Победы, поднятое над Рейхстагом, станет тем самым цветком, который расцвёл вопреки всему. Вопреки смерти. Вопреки войне. Вопреки врагу.

Почему снова три книги?

Потому что повторенье - мать ученья. Потому что так устроен мир: сначала предчувствие, потом страдание, потом победа. Сначала тьма сгущается, потом она обрушивается всей своей

тяжестью, а потом - свет пробивается сквозь неё, и ты понимаешь, что тьма не всесильна, что она лишь тень, которая исчезает, когда приходит настоящий свет. Так устроена жизнь христианина. Так устроена судьба России. Так устроен путь Берёзовых.

Книга первая. «Тревожный покой» (1939 - 21 июня 1941).

Это книга о предчувствии. О том, как мир замирает перед катастрофой. О том, как люди ещё пытаются жить, как будто ничего не происходит, но в воздухе уже висит та тяжёлая, липкая тревога, от которой невозможно избавиться. О том, как цветы ещё не знают, что их ждёт. Как солдаты ещё стоят в казармах, как матери ещё верят, что их сыновья вернутся, как дети ещё не знают, что такое война. О том, как вера проверяется страхом. Как человек, стоя на пороге бездны, ещё не знает, есть ли у него силы шагнуть в неё - и выжить.

Это книга о последних мирных днях. О субботе 21 июня 1941 года, когда солнце ещё светило, а люди ещё не знали, что завтра мир рухнет. О том, как предчувствие беды становится тяжелее самой беды. О том, как вера рождается не тогда, когда ты спокоен, а тогда, когда ты чувствуешь, что земля уходит из-под ног, и ищешь, за что ухватиться.

Книга вторая. «Сквозь ад» (1941-1944).

Это книга о страдании. О том, как цветы проходят через огонь. Когда Москва горит, когда Сталинград дерётся за каждый дом, когда Ленинград умирает от голода, но не сдаётся. О том, как человек, стоя на пепелище, продолжает верить. Потому что иначе нельзя. Потому что если он перестанет верить, он умрёт - не телом, а душой. А душа, потерявшая веру, - это уже не душа. Это пустота.

Это книга о том, как вера проходит через испытание смертью. Как человек, теряя товарищей, друзей, братьев, находит в себе силы идти дальше. Как он учится молиться в окопах, под бомбёжками, в промёрзших землянках. Как он понимает, что война - это не просто битва за землю. Это битва за душу. За то, останешься ли ты человеком, когда вокруг всё рушится.

Это книга о том, что ад - это не место. Ад - это состояние души. Это когда ты потерял надежду. Это когда ты перестал верить. Это когда ты сдался. Но мои герои не сдаются. Они проходят сквозь ад - и остаются людьми. Потому что с ними вера. С ними молитва. С ними любовь к тем, кто ждёт их дома.

Книга третья. «Берлин-1945».

Это книга о триумфе. О том, как цветы расцветают в полную силу. Когда Знамя Победы поднимается над Рейхстагом. Когда враг повержен. Когда мир наконец вздыхает свободно. Когда солдаты, прошедшие через ад, могут наконец сказать: «Мы победили». Когда те, кто ждал, могут обнять тех, кто вернулся. Когда те, кто не вернулся, остаются в памяти навсегда.

Это книга не о мести. Это книга о справедливости. О том, что правда, какой бы долгой ни была дорога к ней, всегда побеждает. О том, что зло, каким бы сильным оно ни казалось, обречено. О том, что вера, прошедшая через огонь, становится крепче стали.

Это книга о возвращении домой. О том, как после долгих лет войны, после потерь и страданий, после всего, что было пережито, человек может наконец вздохнуть и сказать: «Я жив. Я выстоял. Я не сдался. Я вернулся». О том, как цветы, пробившиеся сквозь асфальт, становятся символом жизни, которая сильнее смерти. О том, как Рейхстаг, этот символ вражеской гордыни, падает, а на его руинах расцветает наша победа.

Три книги - три шага. Предчувствие, страдание, победа духа. Так устроена жизнь. Так устроена судьба России. Так устроен путь Берёзовых.

Почему снова тринадцать?

Потому что повторенье - мать ученья. Потому что истина не открывается с первого раза. Потому что человеку нужно тринадцать раз услышать одно и то же, прежде чем он действительно поймёт. Не умом - сердцем. Не головой - душой.

Тринадцать раз мы возвращаемся к одной истине. К той самой, которая держит человека, когда всё остальное рушится. Которая не даёт упасть, когда земля уходит из-под ног. Которая шепчет: «Иди. Не останавливайся. Не бойся».

Вера - это не про то, чтобы не бояться. Страх - это нормально. Страх - это признак того, что ты жив, что ты понимаешь цену жизни, что ты не хочешь умирать. Вера - это не отсутствие страха. Вера - это умение идти, несмотря на страх. Когда колени дрожат, когда руки трясутся, когда внутри всё сжимается от ужаса, - и ты всё равно делаешь шаг. Потому что знаешь: если не сделаешь его сейчас, то не сделаешь никогда. А если не сделаешь никогда - значит, проиграешь. Проиграешь не врагу. Проиграешь самому себе.

Вера - это когда ты идёшь в атаку, хотя знаешь, что можешь не вернуться. Когда ты пишешь письмо домой и не знаешь, дойдёт ли оно. Когда ты молишься в окопе, и голос срыгается, и слова путаются, и кажется, что тебя никто не слышит, - но ты продолжаешь шептать. Потому что знаешь: если остановишься, то умрёшь. Не телом - душой.

Тринадцать раз мы видим, как герои падают и встают. Как они сомневаются и находят опору. Как они теряют и обретают. Как они, пройдя через отчаяние, продолжают верить. Как они, стоя на краю, делают шаг вперёд. И каждый раз - это одно и то же. Каждый раз - это вера. Каждый раз - это выбор. Каждый раз - это путь.

Тринадцать - число апостолов вместе с Христом. Двенадцать учеников и Сам Господь. Полнота. Истина. Путь, который ведёт к свету. Путь, на котором ты не один. Путь, на котором тебя ведут. Путь, на котором ты учишься верить, надеяться, любить - даже когда кажется, что надежды больше нет.

Тринадцать глав в каждой книге - это тринадцать ступеней. Тринадцать шагов через тьму к свету. Тринадцать раз ты читаешь, и каждый раз ты становишься чуть сильнее. Потому что каждый раз ты видишь: герои идут. Идут, несмотря ни на что. Идут, потому что иначе нельзя. Идут, потому что за ними - их вера, их семья, их страна, их Бог. И ты идёшь вместе с ними.

Тринадцать раз ты возвращаешься к этой истине. И на тринадцатый раз ты её запоминаешь. Не умом - сердцем. Не головой - душой. Потому что истина, услышанная сердцем, остаётся с тобой навсегда. И когда придёт твой час - ты вспомнишь. И сделаешь шаг. Даже если будет страшно. Даже если будет темно. Даже если будет казаться, что ты один. Потому что ты не один. Потому что с тобой - вера. Потому что с тобой - те, кто уже прошёл этот путь. Потому что с тобой - Берёзовы.

И когда ты сделаешь этот шаг, ты поймёшь: страх не исчез. Он остался. Но он перестал быть твоим хозяином. Ты идёшь, несмотря на него. Ты идёшь, потому что вера сильнее страха. Потому что надежда сильнее отчаяния. Потому что любовь сильнее смерти.

Тринадцать раз. Тринадцать уроков. Тринадцать шагов к свету.

Что посеешь, то и пожнёшь.

Эту истину мы знаем с детства. Она проста, как хлеб, и глубока, как вера. В ней - вся мудрость жизни. В ней - весь смысл истории. В ней - ответ на вопрос, почему мы победили тогда и почему мы победим всегда.

Потому что мы сеяли не ненависть. Мы сеяли не ложь. Мы сеяли не смерть.

Что посеяли наши предки в 1756 году?

Веру. Не ту, что на словах, а ту, что в деле. Веру в то, что русский солдат не убивает безвинных, не грабит слабых, не предаёт доверившихся. Веру, которая не позволяла ударить в спину, когда враг уже пал. Веру, которая требовала быть человеком, даже когда вокруг была война.

Честь. Честь, которая дороже жизни. Которая не позволяет поступиться совестью ради выгоды. Которая заставляет держать слово, даже если его никто не слышит. Которая делает русского солдата не просто воином, а защитником.

Милосердие. Милосердие к поверженному врагу. К женщинам и детям. К тем, кто слабее. К тем, кто просит пощады. Потому что русский не мстит. Русский освобождает. И когда наши солдаты в 1760 году вошли в Берлин, они не грабили и не убивали. Они освобождали. И жители встречали их с цветами. Потому что цветы - это благодарность. А благодарность - это ответ на милосердие.

Что посеяли наши деды в 1813-м?

Надежду. Надежду на то, что Европа запомнит: русские приходят не с цепями, а с освобождением. Что русские - это не та тьма, которую так боялись короли. Что русские - это свет. Свет, который не гаснет, даже когда вокруг одна тьма.

Свет. Свет, который несёт правду. Свет, который показывает: мир может быть другим. Мир может быть свободным. Мир может быть без тиранов и диктаторов. Свет, который зажигается в сердцах тех, кто видит русского солдата. И этот свет не гаснет.

Освобождение. Освобождение от того, кто считал себя властелином мира. От того, кто думал, что его топор острее, его рука сильнее, его воля твёрже. Наполеон думал, что может срубить Древо. Он ошибался. Древо выстояло. И когда наши солдаты снова дошли до Берлина в 1813-м, жители снова выходили на улицы с цветами. Потому что поняли: русские освобождают, а не завоёвывают. Русские несут правду, а не ложь. Русские приносят мир, а не рабство.

Что посеяли наши отцы в 1945-м?

Мир. Мир, который был оплачен кровью миллионов. Мир, который выстрадали в окопах Сталинграда, в блокадном Ленинграде, на Курской дуге, на всех полях этой страшной войны. Мир, который стал возможен только потому, что они не сдались. Не отступили. Не предали. Они верили. Они надеялись. Они любили. И они победили.

Мир, который они оставили нам. Мир, который мы обязаны хранить. Мир, который мы передадим своим детям. Потому что мир - это не просто отсутствие войны. Мир - это жизнь. Мир - это надежда. Мир - это возможность растить детей, строить дома, молиться в храмах, любить, верить, надеяться.

Мир, оплаченный кровью миллионов. Мир, который не имеет цены. Мир, который мы не имеем права потерять. Потому что если мы его потеряем, то предадим тех, кто отдал за него свои жизни. А предавать мы не умеем. Потому что мы - Берёзовы. А Берёзовы не предают.

Что мы пожали?

Цветы. Те самые цветы, которыми встречали наших солдат в освобождённых городах. Цветы, которые расцвели на руинах Рейхстага. Цветы, которые стали символом жизни, пробившейся сквозь смерть. Цветы, которые мы видим каждый день - в садах, в парках, на клумбах. Цветы, которые напоминают нам о том, что жизнь продолжается. Что смерть не окончательна. Что победа - это не просто слово. Что вера, надежда и любовь сильнее всего, что может встать на нашем пути.

Благодарность. Благодарность от тех, кого мы освободили. От тех, кто понял: русские - это правда. И правда всегда побеждает. Благодарность, которая не умирает. Которая передаётся из поколения в поколение. Которая напоминает о том, что добро не забывается. Что оно возвращается. Что оно живёт.

Жизнь. Жизнь, которую мы получили в наследство. Жизнь, которая продолжается. Жизнь, которая - главный плод того, что посеяли наши предки, деды и отцы. Жизнь, которую мы должны защищать. Жизнь, которую мы должны передать дальше.

Что посеешь, то и пожнёшь.

Мы сеяли веру, честь, милосердие, надежду, свет, освобождение, мир. Мы пожинаем цветы, благодарность, жизнь.

А что сеют те, кто против нас? Ненависть. Ложь. Разрушение. И они пожинают то же самое. Потому что закон работает для всех. Нельзя сеять ложь и пожинать правду. Нельзя сеять ненависть и пожинать любовь. Нельзя сеять смерть и пожинать жизнь.

Что посеешь, то и пожнёшь.

Это не магия. Это закон. Закон, который нельзя обмануть. Закон, который действует в жизни каждого человека и каждой страны. Закон, который мы знаем с детства. И который мы никогда не забудем.

Четвёртый том - «Плоды» - пишется сейчас.

Нами. Всеми, кто живёт, дышит, верит, надеется, любит. Всеми, кто не сдаётся. Всеми, кто помнит. Всеми, кто каждый день делает выбор - между правдой и ложью, между верой и безверием, между жизнью и смертью. Мы пишем его своими поступками, своими словами, своими молитвами. Мы пишем его каждым своим шагом. Каждым решением. Каждым дыханием.

Этот том не будет написан пером. Он пишется жизнью. Он пишется судьбами. Он пишется теми, кто сегодня стоит на передовой, кто ждёт дома, кто молится в храмах, кто верит в победу, кто не теряет надежды, даже когда кажется, что надежды больше нет. И когда этот том будет дописан - а он будет дописан, потому что мы его пишем, - в нём будет одна-единственная строчка. Самая важная. Та, ради которой всё. Та, ради которой жили, умирали и воскресали наши предки.

Что посеешь, то и пожнёшь.

Мы сеяли веру, честь, милосердие. Мы сеяли надежду, свет, освобождение. Мы сеяли мир. Мир, оплаченный кровью миллионов.

Мы пожинаем цветы. Благодарность. Жизнь.

И мы будем пожинать плоды. Потому что пришло их время. Потому что корни дали Древо, Древо дало цветы, цветы дадут плоды. Так устроен мир. Так устроена жизнь. Так устроена судьба России. И никакая сила не может остановить этот рост. Никакая тьма не может заглушить этот свет. Никакой враг не может переписать этот закон.

Для тех, кто не понял три раза.

Первый раз мы объясняли в 1760-м. Когда наши солдаты вошли в Берлин, и жители встречали их с цветами. Потому что поняли: русские пришли не грабить. Русские пришли освобождать.

Второй раз мы объясняли в 1813-м. Когда наши солдаты снова вошли в Берлин. И снова жители выходили на улицы с цветами и слезами радости. Потому что поняли: русские - это правда. И правда всегда побеждает.

Третий раз мы объясняли в 1945-м. Когда наши солдаты штурмовали Рейхстаг. Когда Знамя Победы поднялось над поверженным врагом. Когда мир вздохнул свободно. Когда все - даже те, кто не хотел этого признавать, - поняли: Россию нельзя победить. Её веру нельзя сломать. Её правду нельзя уничтожить.

Три раза. Три предупреждения. Три знака. Три раза мы показывали, кто мы есть. Три раза мы доказывали, что ложь, ненависть и смерть не имеют власти над нами.

Для тех, кто не понял три раза, - четвёртый том.

Он пишется сейчас. И он станет для них уроком. Не потому что мы хотим его писать. А потому что он пишется сам. А потому что закон работает. Что посеешь, то и пожнёшь. Нельзя бесконечно сеять ненависть и ожидать, что когда-нибудь пожнёшь любовь. Нельзя бесконечно сеять ложь и надеяться, что однажды она станет правдой. Нельзя бесконечно сеять смерть и верить, что она принесёт жизнь.

Четвёртый том - это не угроза. Это предупреждение. Это напоминание о том, что история не стоит на месте. Что время не ждёт. Что каждое действие имеет следствие. Что каждое семя даёт всходы. И что те, кто продолжает сеять зло, неизбежно пожнут его.

Мы не хотим этого. Мы хотим мира. Мы хотим жизни. Мы хотим, чтобы наши дети жили без страха. Чтобы наши внуки не знали, что такое война. Чтобы наши правнуки могли просто жить, просто любить, просто верить, просто надеяться. Мы хотим, чтобы четвёртый

том стал книгой о мире. Книгой о том, как мы наконец поняли друг друга. Книгой о том, как закончилась война. Навсегда.

Но для тех, кто не понял три раза, - четвёртый том станет ответом. Не нашим. Закона. Того самого закона, который нельзя обмануть. Который действует всегда. Который неизбежен. Что посеешь, то и пожнёшь.

С Богом,
Анатолий Шигапов.

ТОМ ТРЕТИЙ. «ЦВЕТЫ И РЕЙСТАГ (1939- 24.02.2022)
КНИГА 1. «ТРЕВОЖНЫЙ ПОКОЙ»

Глава 1. Мюнхенская сделка

Осень тысяча девятьсот тридцать восьмого года стояла над Москвой не просто как время года, но как некое вещее предзнаменование, как та тягостная, давящая тишина, которая бывает в природе перед самым страшным ураганом, когда птицы умолкают, листья на деревьях замирают, даже ветер словно боится потревожить воздух, и всё живое прячется в свои норы и гнёзда, ожидая неминуемой беды. Так и в древней столице, среди её серых, строгих фасадов, среди бесконечных коммунальных квартир и прокуренных коммунальных кухонь, среди бесконечных очередей за хлебом и слухов, передаваемых шёпотом на лестничных клетках, воцарилась та особенная, тяжелая атмосфера, когда даже собственное дыхание кажется слишком громким, когда каждый взгляд, брошенный на соседа, может быть расценён как угроза, а каждое слово, сказанное вполголоса, - как преступление. Люди жили под гнётом страха, который въелся в их души, как ржавчина въедается в железо, разъедая всё живое, всё человеческое, всё то, что составляет суть человека - его веру, его надежду, его способность любить и сострадать. Боялись говорить с собственными детьми о прошлом, боялись молиться в своих домах, ибо вера стала синонимом измены, а надежда - признаком слабости, недостойной строителя нового мира.

За стенами Богоявленского собора в Елохове, этого островка старины среди сталинской Москвы, простирался город, где газеты с утра до ночи восхваляли вождя и поносили «опиум для народа», где доносители прятались за каждым углом, где люди, обезумевшие от голода и страха, готовы были предать ближнего за кусок хлеба или за обещание свободы, не думая о том, что их предательство может стоить жизни другим, не думая о том, что они переступают через ту грань, за которой человеческое в человеке умирает окончательно. Это был мир, где всё было пронизано всепроникающим страхом - страхом перед ночным звонком в дверь, перед стуком в ворота, перед знакомой машиной у подъезда, которая могла оказаться «воронком». Это был мир, где люди исчезали, не оставляя следов, где их имена вымарывали из книг и документов, как будто они никогда не существовали, и где те, кто оставался, учились молчать, учились не замечать, учились забывать.

Внутри же собора - иная вселенная. Здесь царили полумрак, прохладный воздух, наполненный запахом старого ладана и воска, и та особенная, трепетная тишина, которая сохранилась только в храмах, переживших все гонения, несмотря на те годы, когда храмы закрывались, превращались в склады, в клубы, в зернохранилища, а то и просто сносились, как ветхие постройки, мешающие торжеству социализма. Здесь, среди старых, почерневших от времени и копоти икон, огоньки лампад отражались в золоте окладов, создавая ту таинственную, почти осязаемую атмосферу присутствия, которая была так непохожа на сухой, бездушный мир за стенами. Священник отец Николай Берёзов, невысокого роста, с добрыми, глубокими глазами, в которых, казалось, сосредоточилась вся тихая, спокойная мудрость веков, служил здесь, зная, что каждый день его служения может стать последним. Ему уже перевалило за сорок пять,

но его лицо, худое и измождённое, с глубокими морщинами, словно прочерченными годами лишений и постоянной тревоги, носило на себе печать тех страданий, которые пережила его страна и его вера. Его волосы, когда-то чёрные, как вороново крыло, теперь были густо тронуты сединой, а руки, привыкшие к кадилу и кресту, дрожали от той внутренней напряжённости, которая не покидала его ни на минуту.

Он знал, что вокруг него - сеть доносчиков, что среди тех, кто приходит на исповедь, могут быть те, кто пришёл не с покаянием, а с поручением выведать его мысли. Он уже терял друзей-священников, которые были репрессированы, которые исчезли в недрах ГУЛАГа, и память о них, как неотступная тень, всегда следовала за ним, напоминая о том, что его жизнь - лишь хрупкая нить, которая может оборваться в любой миг, и что никто не сможет защитить его, кроме Господа, ибо даже те, кому он доверял, могли оказаться предателями. Но он не отрекался, не отказывался от своей веры, ибо знал, что она - его единственное спасение, его единственная опора в этом мире, где всё рушится и где ничего не остаётся, кроме веры, той веры, которая была передана ему от отца, от деда, от всех тех, кто носил имя Берёзовых, кто не сдался и не предал, кто сохранил свою веру и свою честь и передал их ему, как факел, который необходимо донести до конца, несмотря ни на какой ветер и ни на какую тьму.

Сегодня, в этот осенний день, когда за окнами храма моросил мелкий, холодный дождь, смешиваясь с серым дымом московских печей, отец Николай служил молебен о мире. Голос его, хотя и тихий, но твёрдый, звучал в полумраке, когда он произносил ектеньи, и в каждом слове его слышалось то щемящее предчувствие беды, которое не давало ему покоя ни днём, ни ночью, которое грызло его изнутри, как червь грызёт дерево, не давая спать, не давая есть, не давая просто существовать. Новости из Европы приходили одна тревожнее другой: Гитлер, Чемберлен, Даладье и Муссолини собрались в Мюнхене, чтобы решить судьбу Чехословакии, чтобы разорвать её на части, как палачи разрывают тело жертвы, и никто, никто из великих держав не встал на защиту маленькой страны, ибо каждый думал лишь о своей выгоде, о своих интересах, о том, как бы отвести угрозу от собственных границ, даже ценой предательства. Война приближалась, она уже стояла на пороге, она уже стучалась в двери, требуя своих жертв и крови, и никто не мог остановить её.

- Господи, - шептал отец Николай, стоя перед иконой Богородицы, и его пальцы, дрожащие и усталые, касались воска свечи, - защити Россию от нашествия врага, защити наш народ от этого нового бедствия, от этого нового зла, которое уже поднимает голову, которое уже готовится к прыжку, которое уже точит свои когти, готовясь вонзить их в нашу плоть. Сохрани веру нашу, даже если нас преследуют, даже если нас убивают, даже если нас стирают с лица земли, ибо мы - Твои, и мы не отречёмся от Тебя, мы не предадим Тебя, мы не потеряем веры, даже когда всё будет против нас, даже когда смерть будет стоять за нашим плечом, даже когда казаться, что надежды больше нет. Ибо Ты - наша крепость, наше прибежище, наша надежда, наша жизнь и наша смерть, и наша вечность.

Он молился не только о своей пастве, но и о тех, кто ушёл от веры, о тех, кто отрёкся, чтобы выжить, о тех, кто, как его брат Александр, променял веру на партийный билет, на безопасность, на иллюзию нормальной жизни в этом безумном мире. Он знал, что брат живёт где-то здесь, в Москве, работает на авиационном заводе, что у него семья, дети, и что они давно не виделись, ибо между ними пролегла не просто пропасть, но целая бездна, вырытая временем, страхом и идеологией. Но в душе отца Николая теплилась надежда, что когда-нибудь, в самый страшный час, они смогут встретиться не как чужие люди, а как братья, как те, кто помнит общее детство, общую веру, общую кровь.

После службы, когда прихожане разошлись по своим делам, унося с собой на улицы холодного города ту искру света, которую он пытался сохранить в их душах, отец Николай остался в храме один. Он обошёл иконы, поправляя лампы, и его движения были медленны и сосредоточенны. Он думал о том, что мир никогда уже не будет прежним, что та тонкая,

хрупкая грань между миром и войной, которую пытались сохранить дипломаты в Мюнхене, была не просто перейдена, но растоптана, разрушена, уничтожена тем цинизмом, с которым великие державы распоряжались судьбами малых народов. Он знал, что эта сделка - лишь предвестник более страшных событий, что Гитлер не остановится на Чехословакии, что его аппетиты будут расти, и что рано или поздно его агрессия обрушится и на их страну. И тогда наступит час испытаний, час, когда вера будет нужна как никогда, час, когда те, кто отрёкся, возможно, вспомнят о Боге, но будет ли поздно? Будет ли кому молиться, когда вокруг будет одна смерть и разруха?

Москва, улица Горького, одна из главных артерий столицы, где днём кипела жизнь, гремели трамваи, сновали толпы людей, одетых в одинаковые серые пальто и кепки, а по вечерам улица затихала, погружаясь в ту особенную, тревожную тишину, которая бывает в больших городах перед бурей. В одной из коммунальных квартир, расположенных в старом, ещё дореволюционном доме с облупившейся штукатуркой и длинными, тёмными коридорами, пахнувшими щами, керосином и сыростью, жил Александр Берёзов. Стены этой квартиры, казалось, дышали той особенной, тяжёлой атмосферой, которая бывает в домах, где люди живут в постоянном страхе друг перед другом, где каждый звук, каждый шорох на лестничной клетке может оказаться сигналом опасности, где каждый взгляд соседа может быть расценён как потенциальный донос, где каждый шёпот за стеной может обсуждать не погоду, а твою собственную судьбу.

Александр, инженер на авиационном заводе, сидел у репродуктора, этого чёрного, похожего на огромную ромашку рупора, который висел на стене, и слушал вечерние новости. Его лицо, сосредоточенное и усталое, с той глубокой, внутренней усталостью, которая бывает у людей, несущих на своих плечах тяжесть целого мира, которые знают, что от их работы зависят жизни других, которые понимают, что их труд может стать либо спасением, либо гибелью, было освещено тусклым светом настольной лампы с зелёным абажуром. Свет едва разгонял темноту комнаты, оставляя в углах густые, чёрные тени, которые, казалось, прятали в себе все тайны этого мира, все его страхи и надежды. Александр был братом отца Николая, но они давно не общались. Жизнь развела их, как две реки, которые когда-то текли вместе, а потом разошлись в разные стороны, чтобы никогда больше не встретиться. Один пошёл по пути веры, сохраняя традиции предков, другой - по пути новой веры, веры в партию, в Сталина, в светлое будущее коммунизма, веры, которая требовала полного отречения от прошлого, от религии, от всех «предрасудков», мешающих строить новый мир.

Александр был членом партии, убеждённым атеистом. Он отрёкся от веры не потому, что в глубине души не чувствовал её, а потому, что это было необходимо для выживания, для того, чтобы спасти свою семью от тех репрессий, которые обрушились на верующих, от той волны террора, которая прокатилась по стране в тридцатые годы, оставляя за собой лишь пепел и слёзы, лишь разрушенные храмы и опустевшие дома, лишь могилы тех, кто не сдался и не предал. Он видел, как исчезали соседи, как вымарывали имена из списков, как люди боялись даже перекреститься на улице, и он понял, что для того, чтобы сохранить свою жизнь и жизнь своих близких, нужно стать таким же, как все, нужно раствориться в серой массе, нужно говорить то, что говорят другие, и думать то, что думают другие. Он стал «как все», но в глубине души его жила та тревога, которую он не мог объяснить, то предчувствие, которое не давало ему покоя, тот грызущий червь сомнения, который грыз его изнутри, несмотря на всю его внешнюю убеждённость.

У него была семья, его жена Настя, медсестра в больнице, женщина с добрым, усталым лицом, на котором даже в самые трудные моменты сохранялась тихая, тёплая улыбка. Она работала на износ, видя смерть и страдания каждый день, но не теряла человеческого лица, той внутренней силы, которая помогала ей выживать в этом мире. Их дети - Коля, двенадцатилетний мальчик с живыми, любопытными глазами, в которых ещё теплилась та искра жизни, кото-

рая не была затухлена страхом, и Катя, десятилетняя девочка, с её светлыми косичками и веснушками, которые, казалось, светились в полумраке комнаты, как те редкие огоньки надежды, которые ещё не были погашены этим миром. Коля мечтал стать лётчиком, он верил в то, что самолёты, которые делает его отец, - это самые лучшие самолёты в мире, и что они обязательно защитят страну, когда придёт время. Катя, более застенчивая и мечтательная, часто рисовала в своей тетрадке простые картинки - домики, деревья, солнце, а иногда, тайком от родителей, - церкви и кресты, которые она видела когда-то в детстве, когда бабушка водила её в храм. Она уже начала понимать, что это нельзя показывать, что это опасно, но что-то тянуло её к этим образам, как тянет человека к забытому, но родному.

Сейчас, услышав по радиоголос диктора, сообщающий о Мюнхенском сговоре, Александр нахмурился. Его рука, лежащая на столе, дрожала от того напряжения, которое не давало ему покоя, от той тревоги, которая сжимала его сердце, как ледяная рука. Он знал, что этот сговор, эта сделка, заключённая за спиной маленькой страны, станет началом той войны, которая должна была изменить мир, той войны, которая должна была стать самой страшной, самой кровавой, самой разрушительной из всех войн, которые когда-либо знало человечество. Он был инженером, он знал, что такое сила и мощь, но он также знал, что война - это не просто цифры и чертежи, это кровь, это боль, это смерть, это разрушенные судьбы и сломанные жизни.

- Это только начало, - сказал он, не столько Насте, сколько самому себе, и его голос был глух, с той глухой, ноющей болью, которая бывает у людей, когда они видят, что их мир рушится, когда они чувствуют, что их будущее ускользает от них, когда они понимают, что ничего уже не будет как прежде. - Гитлер не остановится. Он не успокоится на Чехословакии. Он будет идти дальше, захватывая страну за страной, пока кто-нибудь не остановит его, пока кто-нибудь не скажет ему «нет». Но кто скажет? Англия? Франция? Они уже показали, чего стоят их обещания. Они готовы отдать всё, лишь бы сохранить свой покой, лишь бы отвести опасность от своих границ. А мы? Мы готовимся. Мы строим заводы, мы выпускаем самолёты, мы укрепляем армию. Но готовы ли мы морально? Готовы ли мы к тому, что война придёт в каждый дом, в каждую семью?

Настя подошла, села рядом, её рука легла на его плечо. Её голос, когда она спросила, был тихим, но в нём слышалась та же тревога, которая живёт в душе каждого, кто видит, что грядёт, кто чувствует, что мир меняется, и что ничего уже не будет как прежде, кто знает, что война - это не просто слова, не просто новости по радио, а реальность, которая войдёт в их дом, в их жизнь, в их судьбу, которая отнимет у них то, что им дорого, и которая, возможно, никогда не вернёт им того, что было потеряно.

- Что теперь будет, Саша? Что будет с нами, с нашими детьми, с нашей страной? - спросила она, и в её голосе слышалась мольба, не столько о каких-то политических решениях, сколько о простом, человеческом: о том, чтобы её дети были живы, чтобы дом не был разрушен, чтобы они не остались одни в этом безумном мире.

Александр повернулся к ней, и его лицо, обычно спокойное и сдержанное, на мгновение исказилось от той боли, которую он носил в себе. Он обнял её, прижал к себе, чувствуя тепло её тела, её дыхание, её жизнь. Она была его опорой, его тихой гаванью в этом бурном море, и он знал, что должен защищать её и детей, чего бы это ни стоило.

- Война, - ответил он, и его голос стал твёрже, хотя в нём всё ещё слышалась та же тревога. - Но мы готовы. Мы - советские люди. Мы победим, как победили всегда. Наша страна сильна, наш народ един, наша партия ведёт нас к победе. Мы выстоим, чего бы это ни стоило. Мы не допустим, чтобы враг прошёл по нашей земле.

Он говорил эти слова, которые были правильными, которые он должен был говорить как член партии, как инженер, как отец, но в душе его звучал другой голос - голос сомнения. Он не верил в Бога, он считал веру слабостью, которую нужно преодолеть, но сейчас, в этот момент тревоги, он вдруг с остротой осознал, что та вера, которую он выбросил из своей жизни, давала

людям то, чего не могла дать никакая партия - надежду, которая не зависела от обстоятельств, силу, которая не иссякала даже в самые тёмные времена. Он вспомнил своего брата Николая, его спокойное лицо, его уверенность, его способность видеть свет даже в самой глубокой тьме. И он почувствовал зависть, смешанную с болью, к этой вере, которую он отверг.

В храме, когда прихожане разошлись по домам, и только лампы продолжали гореть перед иконами, их жёлтый, трепетный свет освещал потемневшие лики святых, делая их живыми и почти осязаемыми, как будто они смотрели на отца Николая с той же любовью и той же печалью, что и он на них. В этом свете, в этой тишине, он ощущал себя не одиноким, но частью огромной, невидимой цепи, соединяющей прошлое и будущее, живых и мёртвых, тех, кто молился здесь веками, и тех, кто будет молиться после него.

Он собрал тех немногих прихожан, кто остался, кто не побоялся прийти, кто сохранил веру несмотря на все преследования, несмотря на годы, когда вера была объявлена преступлением, когда верующих ссылали в лагеря и расстреливали, когда храмы разрушали, а иконы сжигали на кострах. Это были старушки в тёмных платках, с измождёнными лицами и глазами, полными слёз; несколько молодых женщин, которые привели с собой детей; один старик, бывший офицер, который потерял всё, но сохранил веру; и несколько совсем молодых людей, которые тайком приходили сюда, рискуя своими будущими карьерами и даже жизнью. Они стояли перед ним, смотрели на него с надеждой и тревогой, и он понимал, что именно на этих людях, на их вере и стойкости, держится сейчас та невидимая Россия, которую пытаются уничтожить, но которая продолжает жить в сердцах своих верных сынов и дочерей.

- Братья и сёстры, - начал он, и его голос был тихим, чтобы не привлекать внимания соседей по дому, чтобы слова его не стали достоянием тех, кто мог использовать их против него, но в этом голосе звучала та внутренняя сила, которая передавалась только через веру. - Я знаю, что многие из вас боятся, многие отреклись от веры, чтобы спасти свои жизни, чтобы спасти свои семьи, чтобы не погибнуть в этом аду. Я не осуждаю их, ибо Господь один знает, что в душе у человека, и только Он может судить. Но вы, те, кто остался, те, кто не сдался, вы - соль земли, вы - свет мира. Вы не бойтесь исповедать имя Христово, даже когда вас преследуют, даже когда вас убивают, даже когда вас стирают с лица земли. Помните слова Спасителя: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне». Не бойтесь тех, кто может лишить вас жизни земной, ибо жизнь вечная ценнее, и она не может быть отнята ни страхом, ни тюрьмой, ни смертью.

Он говорил о Мюнхенскомговоре, о том, что мир рушится, что война уже стоит на пороге, но он не сеял панику, не призывал к отчаянию. Напротив, он призывал их к молитве, к терпению, к той тихой, но непоколебимой вере, которая способна сдвинуть горы.

- Молитесь втайне, - продолжал он, обводя взглядом их лица, - молитесь в своих домах, когда никто не видит вас, когда вы одни в своих комнатах, когда вас окружает тишина. Молитесь о мире, о нашей стране, о наших воинах, о тех, кто будет защищать нас от врага. Помните, что мы не одни, даже когда кажется, что мы брошены, когда кажется, что нас забыли, когда кажется, что наши молитвы не достигают неба. Бог слышит нас, Он видит каждую слезу, каждый вздох, каждое биение нашего сердца. И Он не оставит нас, ибо Он сказал: «Перед лицом врагов Моих приготовишь Мне трапезу». Враг силен, он жесток, он не знает пощады, но Господь сильнее его, и победа будет за теми, кто уповает на Него.

После этих слов он благословил каждого из них, перекрестив широким, размашистым крестом, и его рука, дрожащая и уверенная, касалась лба, груди и плеч каждого, передавая им ту веру, которая была его опорой, ту надежду, которая была его силой, ту любовь, которая была его жизнью. Прихожане расходились по домам, унося с собой ту искру света, которую они получили здесь, которая помогала им жить, которая помогала им не сломаться, которая помогала им идти дальше, даже когда всё вокруг рушилось, даже когда смерть смотрела им в глаза.

Когда последний прихожанин ушёл, отец Николай остался один в тёмном, безмолвном храме. Он опустился на колени перед иконой Спасителя и долго молился, не за себя, не за свою жизнь, но за всю страну, за всех её жителей, за тех, кто верует, и за тех, кто не верит, но кто сейчас, в эту минуту, возможно, впервые за долгие годы, задумался о Боге, о смысле жизни, о том, что ждёт их впереди.

Вечер опускался на Москву, и сумерки сгущались над городом, погружая его в ту особенную, тревожную тишину, которая бывает перед бурей, когда всё замирает в ожидании, и даже ветер, казалось, боится нарушить эту хрупкую гармонию. На улицах зажигались редкие фонари, отбрасывая длинные, дрожащие тени на мокрый асфальт, отражая свет в лужах, оставшихся после дневного дождя. В коммунальной квартире на улице Горького, после ужина, состоявшего из жидкого супа и хлеба с маслом, Александр сидел у окна и смотрел на темнеющее небо. Мысли его были далеко - они блуждали по прошлому, вспоминая детство, когда они с братом бегали по деревенским полям, когда они вместе молились на коленях перед иконами, когда мир казался таким простым и понятным. Теперь всё изменилось. Теперь они были по разные стороны баррикад, и между ними лежала пропасть, которую, казалось, ничем нельзя было заполнить.

Дети уже спали, утомлённые играми и уроками. Настя прилегла на кушетку, прикрыв глаза, но Александр знал, что она не спит - она тоже чувствует эту тревогу, которая витала в воздухе, как электрическое напряжение перед грозой. Он встал, накинул на плечи старое, потёртое пальто и тихо вышел из квартиры, стараясь не скрипеть половицами, не разбудить соседей. Ему нужно было побыть одному, нужно было разобраться в той сумятице чувств, которая охватила его.

Он шёл по ночным улицам, вдоль высоких домов, сквозь дворы-колодцы, где пахло мокрой листвой и дымом из печных труб. Ноги сами вели его в ту сторону, где он знал - стоит Богоявленский собор. Он не хотел идти туда, он говорил себе, что это случайность, что он просто идёт, куда глаза глядят, но в глубине души он знал, что его тянет к брату, к тому, что он потерял, к той вере, которую он предал. Он остановился за углом, в тени старого клёна, скрытый от посторонних глаз, и смотрел, как из дверей храма вышел отец Николай. Брат был в простом чёрном подряснике, на голове - старая скуфья, он выглядел ещё более измождённым, чем в последнюю их встречу, но в его походке чувствовалась та внутренняя сила, которая шла не от мышц, а от духа.

Александр хотел уйти, но ноги не слушались его. Он сделал шаг вперёд, потом ещё один, и окликнул брата. Голос его, хриплый и дрожащий, прозвучал в тишине, как выстрел:

- Николай.

Отец Николай вздрогнул и медленно обернулся. Его глаза, привыкшие к полумраку, быстро узнали брата, и в них отразилось сначала удивление, потом - тревога, а затем - та глубокая, неизбывная печаль, которая может быть только между близкими людьми, потерявшими друг друга.

- Александр? - сказал он, и голос его, хотя и тихий, дрожал от той же боли, что терзала и самого Александра. - Ты пришёл... после стольких лет... Я уж не думал, что увижу тебя снова.

- Я пришёл предупредить тебя, - резко сказал Александр, делая шаг вперёд, и в голосе его послышались те нотки, которые он привык использовать на заводе, когда отдавал распоряжения подчинённым. - Ты не понимаешь, как опасно то, что ты делаешь. Вокруг тебя - стукачи, доносители. Они следят за каждым твоим шагом, за каждым словом. Они только и ждут, чтобы донести на тебя, чтобы получить свои тридцать сребреников. Ты думаешь, что ты в безопасности, потому что ты служишь в храме? Нет, брат, ты - мишень. Ты - живое напоминание о том прошлом, которое они хотят уничтожить. Они могут прийти за тобой в любую минуту, и тогда ты пропадёшь, и никто не сможет тебя спасти.

Отец Николай выслушал его, и на лице его не было ни страха, ни удивления. Он смотрел на брата с той тихой печалью, с какой смотрят на заблудшего ребёнка, который не понимает, что делает.

- Я знаю, брат, - ответил он спокойно. - Я знаю всё, что ты говоришь. Я знаю, что могут прийти, что могут арестовать, сослать, расстрелять. Я знаю, что моя жизнь висит на волоске, и что любой день может стать последним. Но что мне делать? Отречься от Бога? Перестать служить? Сказать людям, что я больше не верю? Это было бы ложью, и это было бы предательством - не только перед Богом, но и перед теми людьми, которые приходят ко мне за утешением, за надеждой, за силой. Ты знаешь, сколько людей в этой стране потеряли всё, утратили всякую надежду, сломались? Они приходят в храм, потому что здесь, в тишине и полумраке, они чувствуют себя не одними. Они чувствуют, что их кто-то слышит, что их кто-то любит, что их жизнь имеет значение. И я не могу, не имею права бросить их, даже если мне грозит смерть.

Александр сжал кулаки, его лицо исказилось от гнева и отчаяния. Он хотел закричать на брата, сказать ему, что он глупец, что он губит себя и всех, кто с ним связан, но слова застряли в горле. Он знал, что Николай прав, что тот поступает по совести, что он верит в то, что делает, а он, Александр, всего лишь боится. Боится за себя, за свою семью, за свою школу.

- Ты погубишь себя! - выкрикнул он, и голос его сорвался. - И семью! Ты губишь мою семью! Если они узнают, что ты мой брат, они придут и к нам! Ты понимаешь это? Ты думаешь о нас? Ты думаешь о Коле и Кате?

Отец Николай побледнел, когда услышал имена своих племянников, которых он никогда не видел, но о которых молился каждую ночь. Он сделал шаг к брату, и его голос стал мягче, почти просящим:

- Александр, ты думаешь, я не молюсь о вас? Ты думаешь, я не прошу Бога защитить тебя и твою семью? Я молюсь о вас каждый день, каждый час. И я не могу отречься от вас, даже если это опасно. Вы - моя кровь, моя плоть. Вы - Берёзовы. Мы - вместе, хотим мы этого или нет. И если настанет час испытаний, мы выстоим вместе, потому что вера наша сильнее страха, потому что Господь не оставляет тех, кто уповает на Него.

Александр стоял, опустив голову, чувствуя, как внутри него нарастает волна чувств, которую он не мог контролировать. Он хотел поверить брату, хотел забыть о всех своих страхах, об этом постоянном напряжении, о том, что каждый день он живёт как на пороховой бочке. Он вспомнил, как в детстве, когда ему было страшно, он бежал к отцу, и тот клал руку ему на голову, и страх уходил. Теперь он был взрослым, сильным, самостоятельным человеком, но сейчас он чувствовал себя тем же маленьким мальчиком, который ищет защиты.

- Я не могу, - прошептал он, не поднимая глаз. - Я не могу верить, как ты. Я видел слишком много зла, слишком много несправедливости. Если есть Бог, почему он допускает всё это? Почему гибнут невинные, почему страдают дети, почему мир катится в пропасть?

Отец Николай подошёл ближе и положил руку на плечо брата. Его голос был спокоен, как тихая вода:

- Бог не обещал нам лёгкой жизни, Александр. Он обещал нам, что будет с нами, когда жизнь становится тяжёлой. Мы не можем понять Его замысел, мы не можем знать, почему страдания приходят в этот мир. Но мы можем знать одно - без веры в душе человек становится игрушкой в руках страха и зла. Ты потерял веру, но я вижу, что ты ищешь её, даже если не хочешь признаться в этом себе самому. Ты пришёл сюда сегодня - это не случайность. Бог позвал тебя сюда, чтобы ты снова почувствовал то, что когда-то было твоим.

Александр молчал, и в душе его происходила борьба, которую он не мог описать словами. Он чувствовал, что брат прав, чувствовал, что в его жизни чего-то не хватает, какой-то важной части, которая была утрачена. Он хотел попросить прощения, хотел заплакать, как в детстве, но гордость, страх, привычка быть сильным - всё это удерживало его.

- Мне пора, - сказал он глухо, отворачиваясь. - Меня ждут дома. Не провожай меня.

Он развернулся и быстро пошёл прочь, чувствуя на себе взгляд брата, чувствуя ту невидимую связь, которая их соединяла, несмотря ни на что. Он шёл по тёмным улицам, и ветер бил ему в лицо, но в груди его, где царила пустота, что-то странное зарождалось - что-то похожее на тихий, слабый огонёк, который всё ещё не погас.

Ночь опустилась на Москву, окутав её своими бархатными, холодными тенями. За окнами коммунальной квартиры на улице Горького было тихо, только где-то вдалеке слышался гул редких машин, да иногда из соседней комнаты доносился кашель старого соседа, который чинил сапоги на продажу и простудился. Александр не спал. Он лежал на своей кровати, слушая ровное дыхание Насти, которая наконец уснула, и смотрел в потолок, на котором играли тени от проезжавших машин. Мысли его метались, как загнанные звери, не находя покоя.

Он перебирал в памяти свой разговор с братом, его слова о вере, о надежде, о том, что Бог не оставляет тех, кто уповает на Него. Внутри него происходила та борьба, которую он не мог себе объяснить: он хотел отвергнуть эти мысли как слабость, как пережиток прошлого, который недостойн советского человека, но они возвращались снова и снова, терзая его совесть. Он вспомнил, как в юности, когда он вступал в комсомол, ему казалось, что он нашёл смысл жизни, что он идёт по правильному пути. Он верил в светлое будущее, в торжество справедливости, в то, что все эти трудности и лишения временны и что когда-нибудь наступит идеальное общество, где не будет ни страха, ни голода, ни угнетения. Но с годами, по мере того как страна погружалась в пучину репрессий, по мере того как его друзья и знакомые исчезали без следа, эта вера начала давать трещины. Он всё ещё говорил правильные слова, всё ещё ходил на собрания, всё ещё выполнял нормы, но в душе его поселился тот холод, который он не мог объяснить.

Он повернулся на бок и посмотрел на спящих детей - Коля, раскинувшись на своей кровати, что-то бормотал во сне, вероятно, видел сны о своих любимых самолётах, а Катя, свернувшись калачиком, держала в руке потёртую куклу. Безмятежные, чистые лица, ещё не тронутые теми страхами и сомнениями, которые мучили его. И в этот момент он осознал, что не может, не имеет права позволить этому миру разрушить их. Он должен защитить их, чего бы это ни стоило. Но как? Как можно защитить детей в мире, где сама попытка защитить их от идеологии может стать преступлением? Как можно сохранить их невинность в этом аду?

«Господи», - прошептал он, и от этого слова, которое сорвалось с его губ, он вздрогнул сам. Он не произносил этого имени много лет, считая его пустым звуком, и вдруг оно вырвалось само собой, как будто где-то в глубине его души всё ещё жил тот мальчик, который когда-то верил. Ему стало страшно, он почувствовал себя предателем - предателем партии, предателем Сталина, всего того, чему он посвятил свою жизнь. Но одновременно с этим страхом он почувствовал какое-то странное облегчение, как будто с него сняли тяжёлый груз, который он носил на плечах все эти годы.

«Если Ты есть, - продолжил он мысленно, чувствуя, как его язык отвык от этих слов, - защити их. Защити моего брата, который верит в Тебя, несмотря ни на что. Защити мою семью, моих детей. Защити Россию, эту страну, которую мы все любим, даже если мы разучились говорить об этом. Прости меня за то, что я отрёкся, за то, что я предал. Но я не знаю, как мне вернуться, я не знаю, как мне начать всё сначала».

Он лежал, прислушиваясь к тишине, ожидая, что будет ответ, какой-то знак, но ничего не произошло. Только тени продолжали плясать на потолке, только дыхание Насти было ровным и спокойным. И всё же, когда он закрыл глаза, он почувствовал, что его душа, которая была холодной и пустой, начала согреваться. Он не знал, была ли это просто усталость или что-то большее, но он решил, что завтра, когда наступит новый день, он попытается сделать шаг навстречу, попытается найти тот путь, который он потерял.

В храме, в полной темноте, нарушаемой только трепетным светом лампад, отец Николай стоял на коленях перед иконой Богородицы. Он молился уже долго, так долго, что колени

его затекли и болели, но он не чувствовал боли, ибо молитва его была не просто словами, но живым огнём, который пылал в его груди. Он молился о своей стране, о том мире, который так хрупок, о тех, кто страдает, кто боится, кто потерял веру, кто ищет свет во тьме. Он молился о своём брате Александре, которого он видел сегодня, в котором он снова почувствовал ту искру, которую считал погасшей.

- Матерь Божия, - шептал он, - Ты видишь сердце Александра, Ты знаешь его боль, его сомнения. Он заблудшая овца, которая отошла от стада, но Ты, Милосердная, знаешь, как вернуть её. Укрепи его дух, покажи ему путь, открой его глаза на истину. Не дай ему погибнуть в этом мире, полном зла и отчаяния. Сохрани его семью, сохрани его детей, сохрани всех, кто связан с ним.

Он перекрестился широко, размашисто, и его рука коснулась лба, груди и плеч. Он вспомнил, как в детстве они с Александром молились на коленях, слушая рассказы бабушки о старых временах, о святых, о чудесах. Тогда он не понимал глубины этих слов, но теперь, когда он стоял на пороге войны, когда мир рушился, он осознавал их силу.

- Мы - Берёзовы, - продолжал он свою молитву, и голос его стал твёрже, полным той веры, которая была его опорой, - мы - те, кто хранит веру и любовь к Родине, мы - те, кто не сдаётся и не предаёт, мы - те, кто идёт до конца, чего бы это ни стоило. Мы выстояли в веках, мы выстоим и сейчас, потому что вера наша крепка, потому что за нами - наши предки, за нами - наша вера, за нами - наша Россия. Мы не одни, мы не брошены, и мы не отчаемся. Ибо свет побеждает тьму, и любовь побеждает смерть. Аминь.

Он зажёл новую свечу и поставил её перед иконой. Пламя её, жёлтое и трепетное, осветило его лицо, наполняя его душу той тихой, спокойной надеждой, которая помогала ему жить, которая помогала ему идти дальше, несмотря на все страхи, несмотря на всю тьму, которая сгушалась вокруг. Он знал, что придёт время, когда эту свечу, возможно, погасят, когда храм закроют, когда его самого не станет, но он также знал, что свет не может быть полностью уничтожен, что он продолжает гореть в сердцах тех, кто верит, и что этот свет будет сиять вечно.

За окнами храма ночь сменяла вечер, и на востоке начинала пробиваться первая, бледная полоска зари. Она была бледной, как надежда, как вера, которая кажется такой хрупкой, но которая способна выдержать самые тяжёлые испытания. Отец Николай опустил голову в тихой молитве, веря, что эта заря станет не просто началом нового дня, но началом новой эпохи, полной испытаний, но и полной надежды.

Глава 2. Пакт Молотова-Риббентропа

Двадцать третье августа тысяча девятьсот тридцать девятого года встало над Москвой не просто как календарная дата, но как тот роковой, предопределённый рубеж, за которым история сворачивала на неведомую, кровавую дорогу. Летнее солнце, уже утратившее свою знойную силу, но ещё не уступившее место осенней прохладе, разливало по древней столице свой бледный, какой-то неживой свет, который не столько освещал улицы и дома, сколько подчёркивал их серость, их безмолвие, их ту напряжённую, тягучую тревогу, которая висела в воздухе подобно невидимому савану. С утра в городе было душно, та душная, предгрозовая тяжесть, когда небо кажется низким и давящим, когда даже ветер затихает, словно боясь нарушить ту хрупкую, почти мистическую тишину, которая предшествует самым великим и страшным событиям. На улицах было необычно многолюдно, но люди двигались как-то особенно, не спеша, вслушиваясь в далёкие гудки автомобилей, в обрывки разговоров, в те неясные, туманные слухи, которые уже с утра поползли по городу, просачиваясь сквозь стены коммунальных квартир, сквозь очереди у гастрономов, сквозь общие кухни, где по утрам варили манную кашу и обсуждали последние новости. Слухи были разные, они переплетались, противоречили друг другу, обрастали новыми подробностями, как снежный ком, и никто не знал, чему верить, но все чувствовали одно: что-то происходит, что-то важное, что-то такое, что изменит их жизнь,

что перевернёт всё с ног на голову, что сделает их прежний, такой привычный и надоевший, но такой желанный мир невозвратным.

К полудню напряжение достигло своего предела. Из репродукторов, укрепленных на столбах и стенах домов, раздался тот особенный, торжественный голос диктора, который всегда предвещал нечто важное, нечто такое, что требовало внимания всего народа. Голос этот, спокойный и ровный, но с едва заметной дрожью, которая выдавала то внутреннее волнение, которое испытывал и сам чтец, объявил о том, что в Москве подписан договор о ненападении между Советским Союзом и Германией. И по городу, по его длинным, пыльным улицам, по его шумным, прокуренным дворам, по его тесным, коммунальным квартирам прокатилась волна, которую невозможно описать словами - волна облегчения, волна радости, волна того наивного, почти детского ликования, которое охватывает людей, когда они вдруг понимают, что самая страшная угроза, которая висела над ними, отступила, исчезла, растворилась в дипломатических формулировках и подписях под бумагами. Люди выходили на улицы, обнимались, смеялись, некоторые даже плакали - от радости, от облегчения, от той невероятной, почти нереальной надежды, что война не начнется, что их дети не будут знать того ужаса, который пережили их отцы и деды, что их жизнь войдет в своё нормальное, спокойное русло, где не будет бомбёжек, эвакуаций, похоронок и голода.

Их голоса, радостные и взволнованные, с той искренней, детской верой в то, что мир может быть сохранён простым росчерком пера, что добрые намерения могут победить злую волю, что дипломаты могут остановить ту машину смерти, которая уже запущена, разносятся над городом, как обещание спокойствия, как тот свет, который, казалось, разгоняет тьму, как та надежда, которая, казалось, возвращается в сердца людей после долгих лет страха и тревог. На площадях собирались стихийные митинги, люди слушали речи партийных руководителей, которые говорили о мудрости Сталина, о том, что этот договор - гарантия мира, что теперь можно не опасаться фашистской агрессии, что советский народ может спокойно заниматься своими делами - строить, работать, растить детей, не думая о том, что завтра может грянуть война. Газеты вышли с огромными заголовками, прославляющими этот исторический акт, с фотографиями Молотова и Риббентропа, которыежимают друг другу руки, улыбаясь в объективы камер той холодной, дипломатической улыбкой, которая скрывает истинные намерения, ту лицемерную улыбку, которая должна была скрыть тот страх и ту ненависть, которые жили в их сердцах, ту игру, которая должна была обмануть мир, ту сделку, которая должна была разделить Европу на сферы влияния, как палачи делят одежду казнённого, как те, кто не знает ни жалости, ни сострадания, ни страха Божьего, ни любви к ближнему, ни уважения к правде, ни веры в добро.

Александр Берёзов в этот день, как и всегда, вышел на работу, на свой авиационный завод, где в цехах, пропахших машинным маслом и железом, где стоял непрерывный, оглушительный гул станков, где люди в промасленных робах работали до изнеможения, чтобы выполнить и перевыполнить план, дать стране больше самолётов, больше двигателей, больше деталей для той военной машины, которая, как все знали, была необходима, чтобы защитить страну от возможного врага. Но в этот день работа шла как-то иначе, с каким-то особым подъёмом, с той лихорадочной энергией, которая бывает у людей, когда они чувствуют, что опасность миновала, что их труд не пропадёт даром, что он служит миру, а не войне. Даже лица рабочих, обычно хмурые и усталые, озарялись улыбками, когда они переговаривались между собой, обсуждая новость, которая пришла по заводскому радио. И только Александр, пройдя по цеху, проверив чертежи, поговорив с мастерами, чувствовал в своей душе ту странную, гнетущую пустоту, которая не давала ему разделить эту всеобщую радость, ту тревогу, которая, как заноза, засела в его сердце и не давала покоя.

После работы он отправился домой, и на улице его встретил Коля, который, услышав новости из репродуктора, выбежал из дома, чтобы встретить отца. Его лицо, покрасневшее

от бега, сияло той радостью, которая бывает у детей, когда они слышат хорошие новости, когда они верят, что мир стал лучше и безопаснее, когда они думают, что их будущее будет светлым и мирным, что они смогут жить, не зная тех ужасов, которые пережили их родители. Он схватил отца за руку, и его голос, звонкий и радостный, перекрывал шум улицы:

- Папа, война не будет! Ты слышал? Мы подписали мир с немцами! Теперь всё будет хорошо! Мы можем не бояться! Нам не придётся прятаться в подвалах, нам не придётся бежать из города, нам не придётся прощаться с тобой, когда ты уйдёшь на фронт!

Александр остановился, и, глядя на своего сына, на его светящиеся глаза, на его счастливое лицо, он почувствовал, как в его душе что-то сжимается от боли, от той боли, которую он не мог объяснить, от той тревоги, которая не давала ему покоя. Он хотел разделить эту радость, хотел улыбнуться сыну, сказать ему, что всё будет хорошо, но слова застряли в горле. Он знал то, чего не знал Коля, знал то, что чувствовал всей своей кожей, всем своим существом - что этот мир, этот договор, эти обещания ничего не стоят, что Гитлер не остановится, что это лишь отсрочка, передышка перед той бурей, которая уже собирается над их головами, перед той тьмой, которая уже сгущается вокруг них, перед той войной, которая уже стоит на пороге, готовая обрушиться на мир всей своей неумолимой силой.

- Не обманывайся, Коля, - сказал он, и голос его, хотя и старался быть мягким, был глух и сух, как песок в пустыне. - Не обманывайся этими обещаниями, не верь этим улыбкам, не верь этим словам, которые говорят те, кто хочет тебя обмануть. Гитлеру нельзя верить, его слова ничего не стоят. Он обманывал всех, кто верил ему, он обманывал Чемберлена в Мюнхене, он обманывал своих собственных генералов, он обманывал весь мир. И он обманет нас. Это только отсрочка. Затишье перед бурей.

Коля посмотрел на отца с недоумением, с той смесью обиды и непонимания, которая бывает у детей, когда взрослые говорят им страшные вещи, когда они разрушают их иллюзии, когда они заставляют их смотреть на мир таким, какой он есть - мрачным и опасным. Он замолчал, опустил голову, и в его глазах, в которых ещё недавно сияла радость, появилась та тень, которая, возможно, останется в них навсегда, та тень, которая будет расти вместе с ним, которая будет питаться тревогами и страхами, которая будет напоминать ему о том, что мир не так прост, как кажется.

В тот же день, когда над Москвой разносились ликующие крики, когда на улицах играла музыка, когда люди танцевали и обнимались, веря, что страшное миновало, Богоявленский собор в Елохове стоял в той особенной, тихой, почти благоговейной атмосфере, которая бывает в храмах в дни великих потрясений, когда даже каменные стены, казалось, дышали историей, когда даже древние иконы, потемневшие от времени и копоти, смотрели на мир с той вековой мудростью, которая не подвержена сиюминутным страстям и обманам. Внутри собора было прохладно, тот спасительный холод, который контрастировал с душной, липкой жарой на улице, и пахло ладаном, воском и старой древесиной, тем особым, неповторимым запахом, который есть только в православных храмах, переживших столетия. Служили вечерню, и отец Николай, облачённый в свою старенькую, но чистую рясу, стоял у аналоя, и его голос, хотя и был негромким, но полным той внутренней силы и убеждённости, которая рождается только из глубокой, искренней веры, читал молитвы, проникая в самые сокровенные уголки душ тех немногих прихожан, которые собрались в этот вечер.

Их было не так много, как в обычные дни - страх был сильнее веры, и многие боялись, что их заметят, что на них донесут, что их арестуют, что их отправят в лагеря, что их расстреляют за то, что они пришли в храм в такой день, когда весь город ликует, когда партия и правительство празднуют победу дипломатии, когда любое проявление веры может быть истолковано как враждебность, как предательство, как то, что мешает строить светлое будущее. Но те, кто пришёл, кто сохранил веру, кто не побоялся, стояли в полумраке, слушая его голос, находя в

нѐм ту опору, которая помогала им жить, которая помогала им не сломаться, которая помогала им идти дальше, даже когда всё вокруг рушилось, даже когда весь мир, казалось, сошёл с ума.

Когда служба закончилась, и прихожане начали расходиться, к отцу Николаю подошёл один из его самых верных прихожан - старый рабочий, который всю свою жизнь проработал на заводе, который потерял на войне сына, а потом в репрессиях - жену, и который сохранил свою веру вопреки всему. Его лицо, покрытое глубокими морщинами, которые были вырезаны годами тяжёлого труда и страха, годами потерь и разочарований, годами надежд и отчаяний, было сейчас как-то особенно взволнованным, глаза его блеснули от той лихорадочной радости, которая охватила весь город, от той надежды, которая, казалось, вернулась к нему после долгих лет скитаний и страданий.

- Батюшка, - сказал он, и голос его дрожал от волнения, - слышали новости? Слышали? Мы с немцами подписали мир, настоящий мир, который будет длиться вечно, который защитит нас от войны, который принесёт нам покой и надежду! Теперь войны не будет, мы можем жить спокойно, мы можем не бояться за наши жизни и за наших детей, мы можем растить их без страха, без того ужаса, который мы пережили! Слава Сталину, слава нашей мудрой партии, которая спасла нас от войны!

Отец Николай поднял руку и перекрестился широко, размахисто, и его рука, дрожащая и уверенная, с той силой, которая передаётся только через веру, коснулась лба, груди и плеч, и он покачал головой, и в его глазах, которые видели многое, было не радость, не ликование, а та глубокая, печальная мудрость, которая рождается из веры и опыта, из той веры, которая не нуждается в дипломатических договорах, которая видит суть вещей, которая не поддаётся на обман.

- Мир? - сказал он, и голос его был тих, но в нём слышалась та твёрдая, неумолимая уверенность человека, который знает правду, которую другие пытаются скрыть. - Нет, сын мой, это не мир, это не тот мир, о котором мы мечтаем, это не тот мир, который приносит покой и надежду, это не тот мир, который защищает нас от зла, это не тот мир, который сохраняет наши души. Это передышка, это затишье перед бурей, это та тишина, которая бывает перед тем, как разразится гроза, перед тем, как небо разверзнется и обрушится на землю всеми своими стихиями. Ты думаешь, что Гитлер остановится, потому что подписал бумагу? Ты думаешь, что он уважает договоры? Ты думаешь, что он боится нас? Нет, он не боится, он не уважает, он не остановится. Он будет идти вперёд, пока кто-нибудь не остановит его силой. И этот день настанет. Молись, чтобы Господь дал нам силы выстоять, когда этот день настанет. Молись, чтобы мы не сломались, чтобы мы не потеряли веру, чтобы мы не отчаялись, чтобы мы не предали, чтобы мы сохранили свои души чистыми перед лицом Бога.

Прихожане, которые слышали его слова, зашептались, заволновались, но никто не стал спорить с ним, ибо они знали - он никогда не обманывает, он всегда говорит правду, даже если она горька, даже если она страшна, даже если она приносит боль и страх, даже если она заставляет их сомневаться и бояться. Ибо он - их пастырь, их опора, их надежда, их свет в темноте, их голос в тишине, их вера в отчаянии. И они расходились по домам, унося в своих душах не ту всеобщую радость, которая царила на улицах, а ту тихую, спокойную печаль, которая приходит с пониманием истины, и ту надежду, которая не зависит от мирских событий, которая живёт в сердце, которая не может быть уничтожена ни страхом, ни смертью.

Вечер того же дня опускался на Москву медленно, неохотно, как будто само время не решалось перевернуть страницу календаря, на которой было записано это событие. Солнце садилось за домами, окрашивая небо в багровые, кровавые тона, которые казались зловещими, которые напоминали о том, что где-то там, за тысячи километров, уже затаилась та тень, которая скоро накроет весь мир. Сумерки сгущались, окутывая город своим бархатным, холодным покрывалом, и на улицах становилось всё тише и тише, только изредка слышались отголоски далёкого смеха или обрывки песен, которые пели ещё не успевшие разойтись по домам ликую-

щие толпы. Но во дворах, в подъездах, в коммунальных квартирах уже наступала та особенная, тревожная тишина, которая бывает перед бурей, когда всё замирает в ожидании, когда даже ветер боится нарушить эту хрупкую гармонию, когда кажется, что сам воздух застыл, ожидая чего-то страшного и неизбежного.

Александр, оставив Колю, который молча пошёл домой, не задавая больше вопросов, не вернулся сразу в свою квартиру. Он пошёл по улицам, туда, где не было праздничного шума, где в старых переулках, за высокими заборами, можно было найти ту тишину, которая была нужна его душе, чтобы разобраться в той сумятице чувств, которая охватила его. Он шёл долго, не разбирая дороги, пока ноги сами не привели его к Богоявленскому собору. Он снова стоял здесь, как стоял в тот вечер, когда они с братом встретились после долгой разлуки, и снова чувствовал, как какая-то неведомая сила тянет его внутрь, к тем тёмным сводам, к тому свету лампад, к тому голосу, который звучал из глубины души брата.

Он вошёл в храм, перешагнув порог, который когда-то был для него святым, и остановился в углу, в тени, скрытый от посторонних глаз. Он не подошёл к иконам, не перекрестился, не поставил свечу - он просто стоял, вдыхая тот знакомый с детства запах ладана и воска, слушая тишину, которая здесь была особенной, не той мёртвой тишиной страха, которая царила в его душе, а той живой, полной смысла тишиной, которая была наполнена молитвой, которая говорила о вечности, о том, что всё, что происходит в этом мире, - лишь миг перед лицом Бога.

Отец Николай, уже снявший облачение, стоял у алтаря, поправляя лампы, и когда он повернулся, он увидел брата. Их взгляды встретились, и в этом мгновении, длившемся всего несколько секунд, было сказано больше, чем можно было сказать словами. Отец Николай не удивился, не вздрогнул - он знал, что брат придёт, знал, что в этот день, когда весь мир ликует, Александр будет искать ответы здесь, где их можно было найти. Он подошёл к нему, и его шаги были мягкими и бесшумными, как шаги человека, который привык ходить по святым местам, и его голос, когда он заговорил, был тих и ласков, как голос отца, который говорит с заблудшим сыном:

- Ты пришёл, брат. Снова. Я знал, что ты придёшь. Я знал, что ты не сможешь не прийти в этот день. Я знал, что ты ищешь ответы, что ты ищешь то, что потерял, что ты ищешь ту веру, которую ты считал погасшей, но которая, возможно, всё ещё теплится в твоём сердце.

Александр сжал кулаки, чувствуя, как его горло сжимается от той боли, которую он не мог высказать, от той любви, которую он не мог показать, от той веры, которую он потерял, но которая, возможно, всё ещё жила в нём, как тот маленький огонёк, который теплится в пепле давно погасшего костра, ожидая, когда его раздуют.

- Я пришёл, чтобы сказать тебе, - начал он, и голос его, хотя и старался быть твёрдым, дрожал от той внутренней борьбы, которая раздирала его душу. - Ты ошибаешься, ты не прав, ты не знаешь всего, ты не знаешь того, что знаю я, ты не знаешь того, что происходит в этом мире. Мы заключили мир, настоящий мир, который будет длиться вечно, который защитит нас от войны, который принесёт нам покой и надежду. Гитлер не нападёт, он не посмеет, он не сможет, он подписал договор, он связан словом, он не нарушит его, он не обманет нас. Ты живёшь в своём мире, в мире веры и молитвы, но ты не видишь того, что происходит в реальности. Ты не видишь нашей силы, нашей армии, наших заводов, нашей партии. Мы готовы, мы сильны, нас не победить.

Отец Николай покачал головой, и на лице его появилась та тихая, печальная улыбка, которая бывает у людей, которые знают правду, но не могут заставить других её увидеть.

- Ты думаешь, что я не знаю о силе, Александр? - сказал он. - Я знаю о ней. Я вижу, как строятся заводы, как куётся оружие, как маршируют войска. Но сила - это не только оружие и танки. Это ещё и дух. А дух наш разобщён, он разделён страхом, он ослаблен теми репрессиями, которые обрушились на наш народ. Гитлер знает это. Он чувствует слабость там, где другие видят силу. И он воспользуется этим. Он не остановится. И когда он нападёт, нам пона-

добиться не только оружие, но и вера - вера в то, что мы сражаемся за правое дело, вера в то, что Господь защитит нас, вера в то, что мы не одни. А ты, брат, ты отрёкся от этой веры. Ты выбросил её из своей жизни, как ненужный хлам. И теперь ты пуст. Ты ищешь, чем заполнить эту пустоту, но не находишь. Потому что только вера может заполнить ту пустоту, которую оставляют в душе страх и сомнения.

Александр молчал, опустив голову, и в его душе происходила та борьба, которую он не мог описать словами. Он хотел возразить, хотел сказать, что брат не прав, что он ничего не понимает, что он просто слабый человек, который цепляется за иллюзию, чтобы справиться со своим страхом. Но он не мог найти слов, потому что в глубине души он знал - брат прав. Он знал, что его жизнь, его работа, его партийный билет, его внешняя уверенность - всё это была лишь маска, за которой пряталась та же пустота, та же боль, тот же страх, который он пытался заглушить работой и словами. Он хотел поверить брату, хотел снова почувствовать ту веру, которая была у него в детстве, но он боялся, что это будет слабостью, что это будет предательством, что он потеряет всё, что у него есть.

- Я должен идти, - сказал он наконец, и голос его был глух. - Меня ждут дома.

Он развернулся и вышел из храма, оставляя брата одного в тишине, и его шаги, когда он шёл по ночным улицам, были быстрыми и решительными, но в душе его была та пустота, которую он не мог заполнить, та боль, которая не находила выхода, и та искра веры, которая, возможно, всё ещё теплилась в его сердце, как тот маленький огонёк, который ждёт, когда его раздуют, чтобы снова зажечь свет в душе.

Домой Александр вернулся поздно, когда в окнах соседних домов уже погасли огни, и только в их коммунальной квартире ещё горел свет - Настя ждала его, не ложилась спать, потому что знала, что сегодня что-то случилось, что-то изменилось в душе мужа, и она боялась, что он не вернётся, боялась, что он потеряет себя, боялась, что он сломается под той тяжестью, которую несёт на своих плечах. Когда он вошёл, она поднялась ему навстречу, и в её глазах была та тревога, которая живёт в душе каждой женщины, ждущей мужа, той женщины, которая боится за его жизнь и за его душу, которая боится, что он не вернётся, которая боится, что он потеряет себя в этом мире, который рушится.

- Саша, ты где был? - спросила она, и голос её дрожал от того же страха, который сжимал её сердце. - Мы волновались, мы ждали тебя, мы не знали, где ты, мы боялись, что с тобой что-то случилось, что тебя арестовали, что тебя забрали, что тебя больше нет.

- Ничего, - ответил он, и голос его, хотя и старался быть спокойным, звучал глухо и устало. - Ничего, Настя. Я был в храме. Я был у брата. Я пытался найти ответы, которые не могу найти. Но я не нашёл их.

Она подошла к нему, обняла его, прижалась к его груди, и он почувствовал тепло её тела, её дыхание, её жизнь - ту жизнь, которую он должен был защищать, ту жизнь, ради которой он готов был умереть, но которую он не знал, как защитить в этом безумном мире. Он обнял её в ответ, и они стояли так долго, молча, чувствуя, что в этом объятии, в этом простом человеческом тепле, есть ответ на те вопросы, которые мучили их, есть та сила, которая помогает выжить, несмотря ни на что.

Первое сентября тысяча девятьсот тридцать девятого года наступило как неизбежность, как тот день, который все ждали, но о котором не хотели говорить. Серое, низкое небо нависло над Москвой, с утра моросил мелкий, холодный дождь, который, казалось, смывал с улиц последние следы того праздничного ликования, которое царило всего неделю назад. Дождь стучал по крышам, по мостовым, по окнам, создавая тот однообразный, унылый шум, который навеивает тоску и тревогу, который заставляет людей прятаться в своих домах, в своих углах, и ждать, когда же это кончится.

По радио, всё из того же чёрного репродуктора, который висел на стене, раздался голос диктора, но голос этот был не радостным и торжествующим, как тогда, в августе, а серьёзным

и тревожным, с той особенной, официальной интонацией, которая всегда предвещает что-то страшное. Он объявил о том, что Германия напала на Польшу, что Вторая мировая война началась, и что Советский Союз, соблюдая свои обязательства по договору, будет сохранять нейтралитет. Но слова эти, слова о нейтралитете, о том, что «наши немецкие друзья» защищают свои интересы, звучали фальшиво и неестественно, как оправдание, как попытка скрыть правду, которую все уже знали и чувствовали - война началась, она уже здесь, она уже стоит на пороге, она уже стучится в их двери, она уже требует своих жертв и своей крови.

Александр, услышав эту новость, стоял у репродуктора, и его лицо, хотя и оставалось спокойным, с той внешней, показной твёрдостью, которую он научился носить на работе, постепенно бледнело, и в его глазах появилась та глубокая, ледяная уверенность, которая рождается из понимания того, что самое страшное уже случилось, и что теперь остаётся только ждать, когда оно придёт к ним. Он не сказал ни слова, ничего не прокомментировал, но он медленно прошёл к столу, достал из ящика лист бумаги и, взяв ручку, вывел на нём слова, которые он обдумывал уже много дней: «Прошу зачислить меня добровольцем в случае войны, если она придёт на нашу землю, если она коснётся нашей страны, если она потребует моей жизни и моей крови». Он подписал этот лист, положил его в конверт и запечатал, чувствуя, как в его душе, в той пустоте, которая царила там долгие годы, начинает разгораться тот огонь, который он считал погасшим - огонь веры, огонь надежды, огонь любви к Родине, огонь того долга, который он чувствовал перед своей семьёй, перед своей страной, перед тем, во что он верил, даже если он не мог назвать это словом.

В храме, в тот же вечер, когда дождь наконец перестал, но небо оставалось серым и низким, и только редкие лучи заходящего солнца пробивались сквозь тучи, окрашивая их в багровые, кровавые тона, отец Николай служил молебен о мире. В храме было ещё больше народу, чем обычно - люди, которые вчера ещё ликовали, сегодня пришли искать утешения, пришли молиться, пришли просить Бога о защите, о спасении, о том, чтобы та война, которая началась где-то там, за тысячи километров, не пришла на их землю. Они стояли в полумраке, с глазами, полными слёз, с лицами, искажёнными страхом и тревогой, и слушали его голос, который, хотя и был тихим, но полным той веры, которая была его опорой, той веры, которая не давала ему упасть духом, той веры, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии, той веры, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути.

- Господи, - молился он, поднимая крест над головами прихожан, и голос его, хотя и дрожал от того волнения, которое охватывало его, был твёрд и ясен, - защити Россию, защити её от врага, который уже стоит на пороге, который уже заносит меч над нашими головами, который уже готов обрушить на нас всю свою ненависть и жестокость, всю свою злобу и разрушение. Сохрани нас от нашествия, сохрани веру нашу, не дай ей погибнуть, не дай ей угаснуть, не дай ей быть поправленной, не дай ей быть уничтоженной теми, кто не знает ни жалости, ни сострадания, ни страха Божьего. Сохрани наш народ, сохрани наших детей, сохрани наших близких, сохрани всех, кто верит в Тебя, кто ищет Тебя, кто надеется на Тебя, кто не сдаётся и не предаёт, кто сохраняет свою веру и свою честь, и передаёт их своим детям и внукам, чтобы они знали, кто они и откуда они, чтобы они знали, за что они сражаются и умирают, чтобы они знали, что они не сдались и не предали, что они сохранили свою веру и свою честь, и передали их им. Аминь.

Прихожане крестились, и их руки, поднимаясь ко лбу, груди и плечам, были едины в этом жесте, едины в той вере, которая была их общей опорой, их общей силой, их общей надеждой, их общей защитой, их общей жизнью, их общей смертью, их общей судьбой, их общей историей, их общей вечностью. Они молились, зная, что война уже началась, что она уже на пороге, что она уже стучится в их двери, что она уже требует их жизней и их крови, и что только вера, только та вера, которая была их опорой на протяжении веков, может спасти их, может дать им

силы выстоять и не сломаться, даже когда всё вокруг рушится, даже когда смерть смотрит им в глаза, даже когда казаться, что надежды больше нет, ибо они знали, что свет всегда побеждает тьму, что добро всегда побеждает зло, что вера всегда побеждает сомнение, что любовь всегда побеждает смерть, и что они не одни, что с ними Бог, что с ними их предки, что с ними их вера, что с ними их Россия, что с ними их жизнь, что с ними их смерть, что с ними их судьба, что с ними их история, что с ними их вечность.

И когда они выходили из храма, навстречу им выходили не только сумерки, но и та новая, холодная реальность, которая уже вступала в свои права - реальность войны, реальность потерь, реальность тех испытаний, которые им предстояло пройти. Но они шли, держа в сердцах ту искру веры, которую они получили здесь, ту искру, которая помогала им идти дальше, которая помогала им не терять надежду, даже когда тьма сгушалась вокруг, даже когда смерть стояла за плечом, даже когда казалось, что ничего уже не осталось, кроме веры, надежды и любви - той любви, которая сильнее смерти, которая вечна и которая никогда не иссякает.

Глава 3. Зимняя война

Ноябрь тысяча девятьсот тридцать девятого года вступил в свои права не постепенно, не с той робкой, почти извиняющейся осторожностью, с какой обычно приходит осенний холод, а сразу, внезапно, с той ледяной, безжалостной жестокостью, которая бывает только в преддверии великих бедствий, когда сама природа, кажется, предчувствует грядущие потрясения и готовит людей к испытаниям, закаляя их тела и души в этом лютom, пронизывающем до костей морозе. Снег пошёл ещё в конце октября, но он был мокрым, тяжёлым, тающим на асфальте и оставляющим после себя лишь грязные лужи и хлюпающую под ногами кашу. Но к середине ноября всё изменилось: ударили настоящие, крепкие морозы, те самые морозы, о которых в Москве говорят с особым уважением, смешанным с опаской, и которые превращают город в белое, застывшее царство, где каждый выдох превращается в облачко пара, где каждая ветка деревьев покрывается инеем, сверкающим на солнце миллионами ледяных игл, а воздух становится таким чистым и прозрачным, что, кажется, слышен каждый звук, доносящийся изда- лека. Но это солнце, бледное и холодное, почти не грело, оно лишь освещало этот ледяной мир, подчёркивая его суровую, безмолвную красоту, которая не радовала глаз, а, напротив, напо- минала о той хрупкости и уязвимости человеческой жизни перед лицом стихии, перед лицом истории, перед лицом той войны, которая уже стояла на пороге.

Именно в этот день, когда мороз достиг своего предела, когда термометры показывали минус тридцать, когда люди кутались в свои ватные пальто и тулупы, стараясь как можно быстрее добраться до тёплых домов и прокуренных кухонь, радио принесло весть, от которой у многих похолодело в груди, и это похолодание было сильнее даже самого лютom мороза, ибо оно проникало не сквозь одежду, а сквозь самую душу, сковывая её тем ледяным страхом, который хуже любой стужи, который не согреет никакой огонь, не растопит никакая надежда. Началась война с Финляндией. Диктор говорил о «освободительном походе», о том, что совет- ские войска защищают свои границы от агрессивных происков империалистов, о том, что они несут свет и свободу финскому народу, о том, что эта война будет короткой и победоносной, как и положено любой войне, которую ведёт великая советская держава. Но в голосе диктора, в его официальной, казённой интонации, слышалась та едва заметная дрожь, которая выда- вала внутреннее напряжение, которое испытывали даже те, кто стоял у микрофона и читал эти оптимистичные сводки, ибо они знали, или, по крайней мере, догадывались, что эта война будет не такой лёгкой и быстрой, как её представляют в газетах и по радио, что она принесёт с собой не только победы, но и потери, не только славу, но и горе, которое поселится в тыся- чах семей, которое будет длиться годами, которое не исчезнет даже после того, как смолкнут последние выстрелы.

В коммунальной квартире на улице Горького Александр Берёзов сидел у репродуктора, и его лицо, освещённое тусклым светом лампы, было спокойным и сосредоточенным, с той показной невозмутимостью, которая была его защитой от этого мира, его броней, за которой он прятал свои истинные чувства, свои страхи и сомнения, свою усталость и свою боль. Но если бы кто-то посмотрел на его руки, которые лежали на столе, он бы увидел, как они дрожат - едва заметно, но непрерывно, как дрожит струна, по которой ударили слишком сильно, и эта дрожь выдавала то, что творилось у него в душе, ту бурю, которая поднималась внутри него, ту смесь гнева, отчаяния и беспомощности, которые охватывали его при мысли о том, что происходит в мире. Он был инженером, человеком фактов и цифр, привыкшим к логике и порядку, и он видел, что мир, в котором он живёт, всё больше теряет эту логику, погружаясь в хаос, в ту бездну безумия, в которую его толкали безрассудные политики и безумные диктаторы.

Рядом с ним сидела Настя, её лицо было бледным, и в глазах её стояли слёзы - не те слёзы, которые проливают в минуты слабости, а те, которые не могут сдержать даже самые сильные женщины, когда они видят, как их мир рушится, когда они понимают, что их мужья, отцы, сыновья могут уйти на войну и не вернуться, когда они чувствуют, что их будущее, их надежды, их мечты рассыпаются в прах под ударами этой ледяной, безжалостной реальности. Она смотрела на мужа, и ей хотелось спросить его, что он чувствует, что он думает, что он собирается делать, но она боялась задать этот вопрос, потому что знала - ответ может быть страшным, может быть тем, что разрушит их жизнь, что перевернёт всё с ног на голову, что сделает их прежнюю, такую привычную и надёжную жизнь навсегда невозвратной.

- Саша, - начала она, и голос её дрожал от той же тревоги, которая сжимала её сердце, - война с финнами... Это только начало? Это только первый шаг? Что будет дальше? Что будет с нами? С нашими детьми? С нашей страной?

Александр поднял голову и посмотрел на неё, и в его глазах она увидела то, чего не видела никогда раньше - не просто усталость и тревогу, но ту глубокую, ледяную решимость, которая рождается у человека, когда он понимает, что его жизнь больше не принадлежит ему, что она принадлежит чему-то большему, чему-то, что требует от него всех его сил, всей его веры, всей его любви.

- Это только начало, Настя, - сказал он, и голос его был глух, но твёрд, как сталь, которую он обрабатывал на заводе. - Немцы рядом, они ждут, они уже стоят на границе, они уже точат свои когти, готовясь вонзить их в нашу плоть. Эта война - лишь подготовка, лишь проверка сил, лишь репетиция перед главным спектаклем, который разыграется здесь, на нашей земле. И когда этот день настанет - я пойду, я должен пойти, я не могу остаться в стороне. Я подал заявление в военкомат, я подал его ещё тогда, когда только началась эта война, когда я понял, что она не будет последней. Я не могу сидеть сложа руки и ждать, пока враг придёт в мой дом. Я должен защитить вас, защитить нашу страну, защитить всё, что нам дорого.

Настя побледнела ещё сильнее, и её руки, лежащие на столе, сжались в кулаки так сильно, что побелели костяшки. Она хотела закричать, хотела сказать ему, что он не имеет права, что он должен остаться, что она не переживёт, если его не станет, что дети не вырастут без отца, но она знала - это бесполезно. Она знала, что он принял решение, и что никакие её слёзы и мольбы не изменят этого решения. Она могла только принять его, могла только быть рядом, могла только любить его и молиться за него, даже если она не знала, как молиться, даже если она не была уверена, что есть Тот, Кто может услышать её молитвы.

Она поднялась из-за стола, подошла к нему, обняла его, прижалась к его груди, чувствуя, как бьётся его сердце - ровно и сильно, как бьётся сердце человека, который готов идти до конца, несмотря ни на что. И они стояли так долго, в тишине, нарушаемой только треском старого репродуктора, из которого доносились теперь уже не новости, а патриотические песни, прославляющие героев и победу, но которые в этой комнате, в этом доме, в этом городе, где

люди жили в постоянном страхе и тревоге, звучали фальшиво и неестественно, как голоса с того берега, куда нельзя переплыть.

В храме Богоявления в Елохове, в тишине вечера, когда служба уже давно закончилась и прихожане разошлись по домам, унося с собой ту искру веры, которую они получили здесь, отец Николай стоял на коленях перед иконой Спасителя и молился. Его молитва была не просто словами, не просто ритуалом, который он совершал каждый день, чтобы успокоить свою совесть или выполнить свой долг, - это была живая, пламенная молитва человека, который всем своим существом чувствовал ту боль и то страдание, которые обрушились на его страну и на его народ. Он молился не за себя, не за свою жизнь, которую он давно уже положил на алтарь своей веры, но за тех, кто воевал, за тех, кто умирал, за тех, кто терял своих близких, за тех, кто сходил с ума от холода и голода, за тех, кто не видел никакого смысла в том, что происходит, но продолжал идти вперёд, потому что иначе было нельзя, потому что иначе было бы предательством - предательством перед товарищами, перед страной, перед Богом.

Он знал, что война с Финляндией - это страшное испытание, которое обрушилось на его народ, и он знал, что это только начало, что за этим последует нечто более страшное, нечто более разрушительное, нечто такое, что потребует от каждого из них максимума сил, веры и мужества. Он видел, как приходят в храм матери и жёны, как они стоят у икон с горящими глазами и сухими лицами, не плача, ибо слёзы уже иссякли, как они шепчут свои молитвы, как они просят Бога сохранить жизнь их сыновьям, мужьям, отцам, братьям, и он чувствовал их боль как свою собственную, их страх как свой собственный, их надежду как свою собственную.

В этот вечер, когда он уже собирался закрывать храм, в двери вошла женщина. Она была в чёрном платке, покрывавшем её лицо почти до самых глаз, в старом, потёртом пальто, из-под которого виднелась простая ситцевая юбка. Она была невысокого роста, худенькая, сторбленая, и её шаги были такими тихими и неуверенными, что казалось, она боится нарушить тишину храма, боится, что её увидят, боится, что её прогонят. Она подошла к иконе Богородицы и долго стояла перед ней, не двигаясь, не поднимая головы, не произнося ни слова, только её плечи иногда вздрагивали, выдавая те тихие, беззвучные рыдания, которые сдерживают люди, когда они хотят плакать, но не могут позволить себе этой слабости.

Отец Николай подошёл к ней, и его голос, когда он заговорил, был таким мягким и ласковым, как голос отца, обращающегося к своему ребёнку:

- Что привело тебя к нам, дочь моя? Что за горе ты несёшь в своём сердце, какая боль сжимает твою душу, какая тревога не даёт тебе покоя? Расскажи мне, и, быть может, Господь через мои уста даст тебе утешение, которое ты ищешь.

Женщина медленно подняла голову, и отец Николай увидел её лицо - это было лицо женщины, которая прошла через многое, лицо, которое исчерчено морщинами, как старый, выветренный камень, лицо, в глазах которого светилась та глубокая, вековая боль матери, потерявшей ребёнка, та боль, которая не проходит со временем, которая не смягчается, которая становится только острее и острее с каждым днём, которая превращает жизнь в бесконечное ожидание того, что никогда не случится, в бесконечное страдание, которое не имеет конца.

- Батюшка, - сказала она, и голос её был тихим и хриплым, как шорох сухих листьев, - моего сына убили в Финляндии. В этом ледяном аду, в этом проклятом снегу, где люди мёрзли и умирали не от пуль, а от холода, от голода, от безнадёжности. Он был совсем молодым, ему только двадцать один год исполнился, он даже не успел жениться, не успел построить дом, не успел завести детей, не успел сделать ничего, что делает жизнь человека полной и осмысленной. Он просто исчез, растворился в этом белом, пустом мире, и всё, что от него осталось, - это похоронка, казённая бумага, в которой сказано, что он «героически погиб», защищая рубежи нашей Родины. Но я не хочу героически погибшего сына, батюшка, я хочу моего живого мальчика, который звал меня мамой, который улыбался по утрам, который мечтал стать учителем, который был полон жизни и надежд. Я хочу его вернуть, батюшка, я хочу обнять его, я хочу

сказать ему, как я люблю его, но я не могу, я никогда не смогу, потому что его больше нет, и ничего не вернёт его мне, ничего - ни молитвы, ни слёзы, ни жертвы, ни вера. Что мне делать, батюшка? Что мне делать, когда я просыпаюсь по ночам и зову его, а в ответ слышу только тишину? Как мне жить дальше, когда в моём сердце такая пустота, что я не могу дышать?

Отец Николай выслушал её, и его сердце сжалось от той же боли, которой была наполнена душа этой женщины. Он знал, что не может вернуть ей сына, не может стереть её боль, не может наполнить ту пустоту, которая образовалась в её сердце. Но он знал и другое - он знал, что вера, настоящая, глубокая вера, может дать ей ту силу, которая поможет ей жить, которая поможет ей не сломаться, которая поможет ей идти дальше, даже когда кажется, что жизнь потеряла всякий смысл. Он положил руку на её плечо, и его прикосновение было лёгким и тёплым, как прикосновение матери, которая успокаивает плачущего ребёнка, и его голос, когда он заговорил, был тих, но полон той внутренней силы, которая исходит только от искренней веры, от глубокого убеждения в том, что есть вещи, которые сильнее смерти, сильнее страдания, сильнее отчаяния.

- Не плачь, дочь моя, - сказал он, - не позволяй горю сломить тебя, не дай печали завладеть твоим сердцем, не дай отчаянию затуманить твой разум. Твой сын жив, он жив не той смертной, преходящей жизнью, которой мы живём здесь, на земле, но той вечной, бессмертной жизнью, которую дарует нам Господь тем, кто верует в Него. Ты не видишь его сейчас, но он видит тебя, он слышит твои молитвы, он знает твою любовь, и он ждёт тебя там, в Царствии Небесном, где нет ни печали, ни воздыхания, ни страданий, ни смерти, ни разлуки, а только вечная радость, вечный свет, вечная любовь. Молись за него, и он будет молиться за тебя, и эта молитва станет той невидимой нитью, которая соединит вас через все преграды этого мира, через все расстояния и все времена. Господь сказал: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся». Ты плачешь, дочь моя, и Господь видит твои слёзы, Он слышит твою молитву, и Он утешит тебя, Он даст тебе силы жить, Он покажет тебе, что даже в самой тёмной ночи есть свет, даже в самом глубоком отчаянии есть надежда, даже в самой сильной боли есть любовь.

Женщина слушала его, и по её лицу потекли слёзы - те слёзы, которые она не могла выплакать раньше, которые накопились в её душе за долгие дни и ночи ожидания, которые душили её, не давая дышать. Она плакала тихо, но эти слёзы были очищающими, они смывали с её души ту тяжесть, которую она носила в себе, они освобождали её от той боли, которая разрывала её сердце, и когда она наконец подняла глаза, в них уже не было того ледяного отчаяния, которое она принесла с собой в храм, а была та тихая, спокойная печаль, которая знает, что боль не исчезла, но что есть сила, которая помогает её нести, что есть свет, который виден даже в самой тёмной тьме.

- Спасибо тебе, батюшка, - прошептала она, и голос её был ещё слаб, но уже не так дрожал, как в начале их разговора. - Спасибо, что не отверг меня, что не прогнал, что нашёл слова для моего сердца. Я буду молиться, батюшка, я буду молиться за него, как ты сказал, я буду верить, что он жив, что он с Богом, что он ждёт меня там, где нет ни войны, ни холода, ни смерти. И, может быть, когда-нибудь, когда Господь призовет меня, я увижу его снова, и мы будем вместе навсегда, как и должны быть.

Она перекрестилась широким, размашистым крестом, поклонилась иконам и тихо вышла из храма, оставляя за собой запах ладана и молитвы. Отец Николай смотрел ей вслед, и в его душе была та тихая, спокойная радость, которую дарует только вера в то, что ты сделал хоть что-то полезное, что помог хотя бы одному человеку найти свой путь к свету, к надежде, к той любви, которая сильнее смерти.

Прошло несколько недель с начала войны с Финляндией, и Москва постепенно привыкала к новой реальности, к той тревожной, напряжённой атмосфере, которая теперь царила в городе. Газеты по-прежнему печатали победные репортажи, по радио передавали песни о героях, но в глазах людей уже не было того ликования, которое было в первые дни, а была та глухая,

тревожная настороженность, которая приходит с пониманием того, что война - это не игра, это не приключение, это не способ доказать свою силу и мощь, это - смерть, это - кровь, это - страдания, это - разрушение, это - горе, которое не щадит никого, которое ломает жизни, которое оставляет шрамы на душах, которые никогда не заживают.

Александр возвращался с завода поздно, когда в окнах домов уже зажигались огни, а на улицах становилось пустынно и тихо, только изредка проезжали грузовики, увозящие в неизвестном направлении какие-то ящики или мешки. Он был усталым, физическая усталость смешивалась в нём с той душевной усталостью, которая была ещё более изнурительной, которая не проходила после сна, которая накапливалась в нём с каждым днём, делая его всё более угрюмым и замкнутым. Он шёл по улице, смотрел на заснеженные дома, на деревья, покрытые инеем, на редких прохожих, которые торопились домой, чтобы укрыться от холода в своих тёплых, пусть и тесных, квартирах, и думал о том, что всё это может исчезнуть, может быть уничтожено в одно мгновение, если война придёт на их землю, если враг переступит их границу, если они не смогут защитить то, что им дорого.

Он не пошёл сразу домой, как делал обычно, а повернул в сторону, которая вела к храму. Он не знал, зачем он идёт туда, что он там хочет найти, но что-то тянуло его в ту сторону, какой-то неведомый голос, который звучал в его душе, который шептал ему, что там, в тишине и полумраке, он сможет найти ответы на те вопросы, которые мучили его, которые не давали ему покоя. Он пришёл к храму, когда на улице уже стемнело, и только лампы, горевшие в окнах, освещали путь, отбрасывая жёлтые, тёплые пятна света на снег, который искрился и переливался в этом свете, как драгоценные камни. Он остановился у входа, заколебался на мгновение, но затем решительно толкнул тяжёлую, старую дверь, и она открылась, впуская его в тот мир, который он покинул много лет назад, который он предал, который он считал потерянным для себя навсегда.

Внутри было тихо и тепло, тот особенный, уютный тепло, которое бывает только в храмах, когда за стенами мороз и ветер, а здесь - покой, уют, вечный, негасимый свет, который исходит не от ламп, а от икон, от молитв, от той благодати, которая наполняет это святое место. В храме было почти пусто, только несколько старушек стояли в углу, молча шевеля губами, да отец Николай, который, увидев брата, замер на мгновение, а затем медленно подошёл к нему.

- Ты пришёл, - сказал он, и в его голосе не было удивления, а только та тихая радость, которая бывает у людей, когда они видят, что их надежды сбываются, что их молитвы услышаны. - Я знал, что ты придёшь, я чувствовал это, я молился за тебя, и Господь привёл тебя сюда, как Он привёл меня в этот храм много лет назад, когда я был таким же потерянным, как ты сейчас.

Александр молчал, не зная, что сказать, чувствуя, как его душа, его гордость, его привычное отношение к миру борются с тем, что он чувствует здесь, в этой тишине, в этом свете, в этом присутствии Бога, которое было столь реальным, что он не мог его отрицать.

- Я не знаю, зачем я пришёл, - наконец сказал он, и голос его был глух. - Я не знаю, что я ищу, чего я хочу, что я надеюсь найти здесь, в этом месте, которое я покинул и которое считал мёртвым для себя. Но я не могу больше жить так, как живу, я не могу больше носить в себе эту боль, эту пустоту, этот страх, который разъедает меня изнутри. Я вижу, как мир рушится, как гибнут люди, как гибнут дети, как матери теряют своих сыновей, как жёны остаются вдовами, и я не могу понять, зачем всё это, какой в этом смысл, почему мы должны страдать, почему мы должны умирать, почему мы должны терять тех, кого любим.

Отец Николай взял его за руку и подвёл к иконе Спасителя, которая висела в правом приделе, в том месте, где когда-то, много лет назад, они молились вместе, когда они были детьми, когда мир был простым и понятным, когда вера была естественной, как дыхание, как жизнь, как любовь.

- Посмотри на Него, - сказал отец Николай, указывая на икону, на лицо Христа, которое было полно той тихой, всепрощающей любви, той любви, которая не требует ответа, которая не требует понимания, которая не требует объяснений. - Посмотри на Его глаза. Ты видишь в них страдание? Да, Он страдал, Он страдал больше, чем кто-либо из нас, Он прошёл через все муки, через всю боль, через всё отчаяние, через всю смерть, через которую может пройти человек. Но Он не отчаялся, Он не потерял веры, Он не предал любви. И Он дал нам пример, Он показал нам, что есть путь, который ведёт через страдания к спасению, через смерть к жизни, через тьму к свету. Мы не можем понять, зачем происходит то, что происходит, мы не можем постигнуть Божьего промысла в полной мере, но мы можем довериться Ему, мы можем верить, что Он не оставляет нас, что Он с нами в огне и в воде, в смерти и в жизни, в победе и в поражении, в радости и в горе. И это доверие, эта вера - вот что даёт нам силы жить, вот что даёт нам надежду, вот что даёт нам любовь, которая сильнее всего, что может случиться с нами в этом мире.

Александр смотрел на икону, и в его душе происходило то, что он не мог описать словами. Он не знал, верит ли он в то, что говорит брат, не знал, может ли он принять ту веру, которую тот предлагал ему, но он чувствовал, как его душа, которая была холодной и пустой, начинает согреваться, начинает наполняться тем теплом, которого ей так не хватало, той надеждой, которую он считал потерянной, той любовью, которую он предал.

- Я не знаю, как мне вернуть эту веру, - сказал он тихо, почти шёпотом. - Я не знаю, как мне снова поверить в то, что я считал ложью, в то, что я отверг и предал. Я не знаю, как мне начать сначала, как мне вернуться к тому, что было, как мне стать тем, кем я был.

- Ты уже начал, - ответил отец Николай, и его голос был полон той тихой, спокойной уверенности, которая передавалась от него брату, которая наполняла его душу той надеждой, которую он так долго искал. - Ты пришёл сюда, ты сделал первый шаг. Всё остальное - это путь, который ты должен пройти, шаг за шагом, день за днём, в молитве, в размышлении, в любви. Я буду с тобой, я буду молиться за тебя, я буду ждать тебя, когда бы ты ни пришёл, в любой день, в любой час. Ты - Берёзов, ты - мой брат, ты - часть нашей семьи, нашей веры, нашей истории. И я не оставлю тебя, как и ты не оставишь меня, когда придёт час испытаний.

Они стояли вместе перед иконой, и Александр впервые за много лет, сам не зная, как это случилось, перекрестился - неуверенно, неловко, но искренне, как крестятся дети, которые верят, что их отец на небесах слышит их, видит их, любит их, защищает их. И в этот момент он почувствовал, как его душа, которая так долго была замёрзшей и мёртвой, начала оттаивать, начала оживать, начала дышать той жизнью, которую он считал потерянной навсегда.

Домой Александр вернулся позже обычного, когда Настя уже уложила детей спать и ждала его, сидя у окна и вглядываясь в ночную тьму, стараясь разглядеть его силуэт среди редких прохожих, которые спешили по своим делам. Когда он вошёл, она сразу заметила что-то другое в его лице - ту странную, тихую умиротворённость, которой не было в нём много лет, ту внутреннюю перемену, которую она не могла объяснить, но которая сразу бросилась ей в глаза.

- Саша, - сказала она, и голос её был встревоженным, но в нём уже не было той острой тревоги, которая была раньше, потому что она чувствовала, что с ним что-то случилось, что-то хорошее, что-то, что изменило его, - где ты был? Что случилось? Ты выглядишь по-другому, как будто ты нашёл что-то, что искал, как будто ты обрёл что-то, что потерял.

Александр подошёл к ней, обнял её, и его объятие было крепким и тёплым, как объятие человека, который наконец вернулся домой после долгого и трудного пути, который увидел свет в конце тоннеля, который понял, что есть что-то, ради чего стоит жить, несмотря ни на что.

- Я был в храме, - сказал он, и его голос был спокойным и ровным, как будто он говорил о чём-то самом обыденном, о чём-то, что случается каждый день, хотя для него это было одним из самых значительных событий в его жизни. - Я был у брата. Я пытался понять, что происходит в этом мире, зачем все эти страдания, зачем эта война, зачем эта смерть, зачем эта

боль. И я понял, что не могу найти ответов на все эти вопросы, что я не могу понять Божий промысел, что я не могу постичь той мудрости, которая управляет этим миром. Но я понял одно - вера нужна не для того, чтобы дать ответы на все вопросы, а для того, чтобы дать силы жить, даже когда ответов нет. И я хочу вернуть эту веру, Настя, я хочу снова верить, я хочу снова надеяться, я хочу снова любить, как любил когда-то, как любили мои предки, как любит мой брат. Я хочу быть тем, кем я был, прежде чем страх и время изменили меня.

Настя смотрела на него, и в её глазах стояли слёзы - не те слёзы боли и страха, которые лила она в последние дни, а те слёзы облегчения и надежды, которые приходят, когда ты видишь, что твой любимый человек возвращается к жизни, что его душа, которая была больной и уставшей, начинает исцеляться, что его сердце, которое было холодным, начинает снова биться ровно и сильно.

- Я рада за тебя, Саша, - сказала она, и голос её дрожал от той радости, которую она не могла сдержать. - Я так рада, что ты нашёл свой путь, что ты нашёл то, что искал, что ты не сломался, что ты не потерял себя. Я всегда буду с тобой, всегда буду любить тебя, всегда буду поддерживать тебя, что бы ни случилось, где бы ты ни был, что бы ты ни делал. Мы вместе, и это главное. Мы вместе, и мы не дадим этому миру сломать нас.

Они стояли в обнимку в тёмной комнате, за окнами которой шумел ветер и падал снег, и в этом объятии была та сила, которая была сильнее любой войны, сильнее любой смерти, сильнее любой разлуки. И в этот момент они оба поняли, что как бы ни были тяжки испытания, которые им предстоит пройти, они пройдут их вместе, рука об руку, сердце к сердцу, душа к душе, и что эта любовь, эта вера, эта надежда - это то, что останется с ними навсегда, даже когда мир вокруг них рухнет, даже когда тьма сгустится, даже когда казаться, что надежды больше нет.

Весна тысяча девятьсот сорокового года пришла в Москву внезапно, как всегда приходит весна после долгой, суровой зимы, когда люди уже перестали верить, что когда-нибудь станет тепло, когда они уже привыкли к серости и холоду, когда они уже смирились с тем, что их жизнь будет вечной зимой, и вдруг - первый, робкий солнечный луч, который пробивается сквозь тучи и касается земли, первый ручеёк, который бежит по асфальту, первая зелёная травка, которая пробивается сквозь ещё не растаявший снег, первая птица, которая поёт свою песню, как будто ничего не случилось, как будто мир не рухнул, как будто войны не было, как будто смерти не было. Это была та весна, которая приносила с собой не только тепло и свет, но и ту надежду, которую люди почти потеряли, ту надежду, которая говорила им, что даже после самых тёмных ночей наступает рассвет, даже после самых страшных зим наступает весна, даже после самых жестоких войн наступает мир.

Война с Финляндией закончилась. Советский Союз подписал мирный договор, получил те территории, которые считал своими, но заплатил за это огромную цену - тысячи жизней, тысячи искалеченных судеб, тысячи матерей, которые никогда не увидят своих сыновей, тысячи жён, которые останутся вдовами, тысячи детей, которые вырастут без отцов. Победа была одержана, но она была той горькой, пирровой победой, которая не приносит радости, а только подчёркивает ту цену, которую платят люди за амбиции и безумства правителей, за ту бессмысленную жестокость, которой наполнена история человечества.

Александр стоял у окна своей коммунальной квартиры и смотрел на весенний город. На улице уже таял снег, с крыш капала вода, и в воздухе чувствовался тот запах сырости и земли, который бывает только весной, который говорит о том, что жизнь продолжается, что природа не знает войн и политики, что она просто живёт своей жизнью, не спрашивая разрешения у диктаторов и генералов. Но в душе его не было той радости, которая обычно приходит с весной, потому что он знал, что эта победа, эта передышка, этот мир - лишь иллюзия, лишь отсрочка перед тем, что должно случиться, перед той бурей, которая уже собирается на горизонте, перед той тьмой, которая уже сгущается над Европой.

Он подошёл к столу, достал лист бумаги, обмакнул перо в чернильницу и начал писать письмо брату - то письмо, которое он откладывал уже несколько недель, то письмо, в котором он хотел сказать всё, что накопилось у него на душе, все свои мысли, все свои чувства, все свои страхи и надежды, всю свою боль и всю свою любовь.

«Николай, мой брат, моя кровь, моя душа, я пишу тебе это письмо в тот день, когда война с Финляндией закончилась, и когда весь мир, кажется, вздохнул с облегчением, веря, что самое страшное позади. Но я не могу разделить эту радость, потому что я знаю, что это только начало, что за этим последует нечто более страшное, нечто более разрушительное, нечто такое, что потребует от каждого из нас максимума сил, веры и мужества. Я знаю, что Гитлер не остановится, что он будет идти дальше, захватывая страну за страной, пока не нападёт на нас, пока не попытается уничтожить всё, что мы создали, всё, во что мы верим, всё, что мы любим. И когда этот день настанет, я пойду на войну, я должен буду пойти, потому что я не могу остаться в стороне, потому что я не могу позволить врагу уничтожить мою страну, мою семью, мой народ, мою веру. Но я хочу, чтобы ты знал, что ты всегда был со мной, что твоя вера, твоя любовь, твоя надежда всегда были моей опорой, даже когда я сам этого не понимал, даже когда я отвергал то, что ты мне предлагал. Ты научил меня, что есть вещи, которые сильнее смерти, сильнее войны, сильнее всего, что может случиться в этом мире, - вера, надежда, любовь. Я хочу вернуть их, я хочу снова быть тем, кем я был, я хочу верить так, как веришь ты, я хочу любить так, как любишь ты, я хочу надеяться так, как надеешься ты. Помоги мне, брат, помоги мне найти свой путь домой, к той вере, которая была нашей опорой на протяжении веков, к той любви, которая связывала наших предков и будет связывать наших потомков, к той надежде, которая не умирает, даже когда всё вокруг рушится. Я люблю тебя, брат, и я никогда не перестану любить тебя, несмотря ни на что. Твой брат Александр».

Глава 4. Гитлер готовится

Берлин в ту осень тысяча девятьсот сорокового года был городом, который перестал дышать нормально. Воздух здесь был другим - не тот влажный, речной, которым пахнет от Шпрее в мирные годы, не тот пряный, яблочный дух, что приносят с собой пригороды и сады, а сухой, колючий, словно наэлектризованный тысячами речей, тысячами приказов, тысячами сапог, которые с утра до ночи гремели по брусчатке в едином, механическом ритме, и в этом ритме уже не было ничего человеческого - только сталь, только приказ, только движение вперёд, не спрашивающее, есть ли дорога. Дожди шли, но не смывали этой напряжённости, а только делали её тяжелее, превращая улицы в мокрые зеркала, где отражались знамёна со свастикой, и от этого казалось, что город смотрит на себя из какой-то чужой, холодной глубины, не узнавая собственного отражения. Листья падали с деревьев, но их никто не замечал - слишком много серого, слишком много стали, слишком много лиц, которые смотрели вперёд и не видели ничего, кроме приказа. Даже дети на улицах перестали бегать, потому что их матери боялись выпускать их из подворотен, ибо в каждом углу уже мерещился доносчик, а в каждом шорохе - гестапо.

В рейхсканцелярии было тихо - та особенная, вымученная тишина, которая возникает не от отсутствия звуков, а от их намеренного подавления, когда каждый знает, что через час или через день будет сказано нечто, что нельзя будет отменить. Секретарши перешёптывались в коридорах, шуршали листами бумаги так осторожно, будто те могли взорваться; адъютанты ступали на цыпочках, хотя их высокие сапоги были для этого не приспособлены, и от этой натушной осторожности вся канцелярия походила на театр, где актёры забыли свою роль, но боятся признаться. Гитлер стоял перед картой, и его правая рука, которая дрожала всё чаще в последние месяцы, лежала на краешке стола, как будто он боялся, что если уберёт её, то потеряет равновесие - не только физическое, но и то внутреннее, шаткое, которое он поддерживал в себе годами бессонных ночей и непрерывных речей.

Генералы стояли полукругом - не слишком близко, чтобы не раздражать, не слишком далеко, чтобы не показаться трусами, и расстояние это было выверено до дюйма, как выверяют прицел перед выстрелом. Они уже научились держать лица ровно, как держат штыки в строю, но их глаза выдавали их: кто-то смотрел на фюрера с фанатичным блеском, идущим из той глубины веры, где сомнение кажется предательством; кто-то - с усталой покорностью человека, который слишком много раз слышал обещания и слишком много раз видел, как они оборачиваются новыми картами на стене; кто-то - с тем внутренним холодом, который приходит, когда перестаёшь верить, но продолжаешь подчиняться, потому что альтернатива - не просто отставка, а нечто гораздо более страшное, о чём не говорят вслух, но что каждый носит в себе, как носят большую кость, которая напоминает о себе при каждой перемене погоды.

- Господа, - сказал Гитлер, и голос его был негромким, но в нём чувствовалась та резкая, режущая интонация, которая заставляла даже самых старых генералов вытягиваться, как новобранцев, ибо в этом голосе звучала не просто воля, но нечто большее - почти гипнотическая убеждённость человека, который сам поверил в свою легенду, - я принял окончательное решение. Операция «Барбаросса» начнётся весной. Мы должны быть готовы раздавить Россию одним ударом, как мы раздавили Польшу, как мы раздавили Францию. Там, на востоке, нет нашей равной армии. Там нет нашего духа. Там есть только пространство, грязь и недочеловеки, которые думают, что их зима спасёт их. Но зима не спасёт их, потому что мы закончим всё до зимы. За три месяца - я повторяю, за три месяца - мы будем в Москве. И после этого никто на планете не посмеет поднять на нас оружие.

Он говорил, и его голос набирал силу, как двигатель перед взлётом, и в этом нарастании была какая-то пугающая, почти театральная неизбежность. Он уже не просто излагал план - он проживал его, видел себя входящим в Кремль, слышал, как замолкают колокола, которые, по его мнению, должны были замолчать навсегда. Генералы кивали, и в их головах уже складывались карты, диспозиции, списки потерь, которые они не решались произнести вслух. Они помнили, что Россия - это не Франция, где дороги были как стрелы, а города стояли на равнинах, доступные для любого манёвра. Они помнили Наполеона, чей Великий поход стал в военных академиях Европы притчей во языцех, примером того, как пространство может поглотить армию, как время может стать оружием слабейшего. Но они молчали, потому что молчание было единственным безопасным ответом.

Генерал-полковник Гальдер, стоявший чуть правее, нервно перебирал пальцы за спиной. Он уже видел расчёты, которые делали его младшие офицеры. Он знал, сколько горючего потребуется, чтобы танковые клинья дошли до Москвы, и знал, сколько горючего у них есть. Цифры не сходились. Но он молчал. Фон Бок, седой, с глубокими морщинами на щеках, которые ни одна стерильная рейхсканцелярия не могла разгладить, рискнул спросить, и голос его прозвучал в тишине как трещина в льду:

- Мой фюрер, а что, если Красная армия будет сопротивляться дольше, чем мы рассчитываем? Их заводы в Сибири, их людские резервы... мы знаем, что они эвакуируют промышленность. Если мы не захватим их центры производства до того, как они остановятся на новых местах...

Гитлер обернулся к нему так резко, что все замерли, даже воздух, казалось, перестал двигаться, и в этой внезапной неподвижности слышно было только, как тикают напольные часы в углу - старые, ещё кайзеровские, которые он почему-то не велел убрать. Его глаза сузились, и в них вспыхнул тот холодный, хищный огонь, который генералы научились бояться больше, чем артиллерийского огня.

- Тогда мы вскроем их резервы, как вскрывают консервную банку, - сказал он, и голос его стал тише, но от этого ещё более жутким, потому что тишина между словами была тягучей, как смола. - Они не умеют воевать. Они умеют только умирать. И мы поможем им научиться правильно умирать - с нашей помощью. И запомните, господа: любое сомнение, которое я

услышу здесь, за этим столом, будет рассматриваться как пораженчество. А пораженчество, как вы знаете, лечится одним способом.

Он не назвал этот способ, но все знали, о чём он говорит. Гальдер сделал шаг назад, чисто механически, чтобы оказаться вне прямой линии взгляда фюрера, и посмотрел в пол, на блестящий паркет, в котором отражались лампы, и этот отсвет показался ему похожим на лужи крови, хотя кровь в этом кабинете ещё не проливалась.

На этом разговор был окончен. Генералы разошлись, и в кабинете осталась только карта - огромная, во всю стену, с нарисованными стрелами, которые рассекали Советский Союз на части, как нож рассекает пирог, который ещё не остыл. Гитлер остался один перед этой картой и долго стоял неподвижно, глядя на синюю линию Волги, которую его стрелы пересекали в двух местах. Он не знал, что эта река станет для его армии рубежом, который не перейти, но в тот момент он видел только победу, и его правая рука перестала дрожать, потому что вера в победу была для него лучшим лекарством, которое он когда-либо знал.

Он подошёл ближе и провёл пальцем по линии, обозначавшей Москву, как слепой проводит по строчке на памятнике, пытаясь прочесть имя. И прошептал, почти неслышно, но с такой интонацией, будто произносил приговор:

- Я приду к тебе, Москва. Я приду.

За окном шумел город, который не знал, что через полгода начнётся обратный отсчёт его собственной истории.

А в Москве в тот же день было хмуро, но по-московски тепло - с того промозглого, осеннего тепла, которое не греет, а только напоминает о том, что солнце куда-то ушло и не собирается возвращаться, оставив после себя сырость, туманы и тоскливую желтизну листьев, которые кружились в воздухе, как недописанные письма. Сталин сидел в своём кабинете в Кремле, за тем самым длинным столом, покрытым зелёным сукном, за которым никто не садился, кроме него, и этот стол был не просто мебелью, а символом одиночества власти, той особенной изоляции, когда каждый шаг, каждое слово становятся событием, а каждое событие - поводом для десятков толкований. Он перебирал бумаги, и его пальцы, короткие, с пожелтевшими от табака кончиками, двигались с той замедленной аккуратностью, которая всегда обманывала его собеседников, заставляя их думать, что он спокоен, тогда как на самом деле он взвешивал каждое слово, каждую цифру на невидимых весах своей осторожности.

Документов было много - донесения из западных округов, сводки разведки, письма от послов, записки от Берии, от Молотова, от Тимошенко. Они лежали аккуратными стопками, но каждая из них, казалось, была заряжена той же энергией, что и берлинские приказы, только с обратным знаком - не «мы нападём», а «они готовятся». И Сталин знал, что они готовятся. Он знал это уже давно, с той самой весны, когда первые немецкие разведчики пересекли границу под видом туристов, когда радиостанции на востоке зафиксировали необычную активность чужих самолётов. Он знал, но он не хотел в это верить, и это «не хотел» было сильнее, чем все разведчики, чем все немецкие перебежчики, чем все радиоперехваты.

В углу кабинета стоял старый сейф, где хранились карты, и Сталин иногда поглядывал на него, как человек поглядывает на запёртый ящик, в котором лежит письмо, которое он боится прочесть. Он знал, что там, в этом сейфе, лежат планы мобилизации, разработанные Генштабом, и там же лежат альтернативные планы - более радикальные, предусматривающие упреждающий удар. Он не открывал сейф уже несколько месяцев, потому что любое открытие означало бы выбор, а выбор означал бы признание того, что война - не просто политическая игра, а реальность, которая дышит ему в затылок.

Молотов стоял у окна, глядя на кремлёвские стены, и молчал. Он научился молчать в присутствии вождя так хорошо, что его молчание иногда начинало казаться Сталину ответом, даже если слов не было, и в этом молчании было что-то от древней мудрости, которая предпо-

читает уступать, чем спорить, но сегодня эта мудрость казалась Сталину почти предательской, потому что он хотел услышать не согласие, а опровержение.

- Лаврентий принёс очередную папку, - сказал Сталин, и голос его, низкий, с грузинским акцентом, звучал в тишине как гудение проводов. Он не повернулся к Молотову, потому что не хотел видеть его лица - он предпочитал говорить с отражением в стекле, которое было расплывчатым и не выдавало эмоций. - Немцы стягивают войска, строят казармы, прокладывают дороги. Всё как всегда. Но я думаю, это давление, чтобы мы пошли на уступки. Они хотят, чтобы мы испугались и отдали им Украину - или хотя бы часть её. Это же очевидно. Ты что скажешь?

Он сделал паузу, и в этой паузе слышно было, как тикают кремлёвские куранты, отсчитывая время, которого оставалось всё меньше. Молотов медленно повернулся, и каждое его движение было выверено так же, как выверяют слова, которые могут стоить жизни. Он взвесил каждое слово так, как взвешивают груз на старых, чувствительных весах, где малейшая дрожь руки может изменить всё равновесие:

- Товарищ Сталин, наши источники говорят об очень высокой степени вероятности. Я бы сказал, что речь идёт не о давлении, а о подготовке, - произнёс он, и голос его был ровным, но в нём слышалась та осторожность, которая всегда сопровождала его, когда он говорил правду, потому что правда была опаснее лжи. - Я получил шифровку из Лондона, они сообщают, что абвер заканчивает топографическую съёмку наших железных дорог в радиусе пятисот километров от границы. Это не для торговли.

- Готовятся они или нет, - перебил Сталин, и голос его стал жестче, и в этом ужесточении слышалась не только воля, но и усталость человека, который слишком долго носил маску непоколебимости, - мы не дадим им повода для нападения. Мы не будем провоцировать. Мы будем соблюдать договор. И если они нарушат его - вся мировая общественность увидит, кто агрессор, а кто жертва. А жертва, как ты знаешь, всегда получает сочувствие. И право на ответный удар.

Он взял папку, которую принёс Берия, и провёл пальцем по кожаной обложке, ощутив подушечками её шероховатость, и этот тактильный контакт показался ему почти болезненным, как прикосновение к чужой ране. Он пробежал глазами верхний лист, где были перечислены номера дивизий, места их дислокации, количество танков, и отложил папку в сторону - в ту стопку, которая значила «подождёт». Молотов знал эту стопку. Там уже лежали донесения за три месяца. Они так и ждали, покрываясь тонким слоем кремлёвской пыли.

- И ещё, - сказал Сталин, уже почти между прочим, словно речь шла о незначительной детали, - скажи товарищу Тимошенко, чтобы он не паниковал. Я слышал, что на совещаниях в Генштабе обсуждают приведение войск в боевую готовность. Это лишнее. Это нервирует людей. Армия должна быть готова к обороне, но не должна выглядеть, как будто она боится. Мы не боимся. Мы никогда не боялись. И не будем.

Он замолчал и посмотрел в окно, где за кремлёвской стеной начинался город, который жил своей жизнью - заводы дымили, трамваи гремели, дети бегали в школы, и всё это казалось ему таким далёким от той реальности, которую он видел на картах, что ему вдруг захотелось выйти на улицу и пройти по Арбату, как в молодости, когда он ещё мог позволить себе быть просто человеком. Но он не вышел, потому что вожди не ходят по Арбату, если не хотят, чтобы их узнали.

Молотов кивнул, взял папку и вышел. В коридоре он встретил Берию, который стоял с неизменной улыбкой, напоминающей оскал, и прищурился, как будто знал что-то, чего не знал Молотов. Они разошлись, не обменявшись словами, и каждый пошёл своей дорогой в этом огромном кремлёвском лабиринте, где каждый шаг мог стать последним.

В Генеральном штабе, в том подвальном помещении, куда не проникал дневной свет, а только электрический, жёлтый, болезненный, как пламя керосиновой лампы, собрались те,

кто не видел карты, которую Гитлер рассматривал в Берлине, но чувствовал её приближение каждой клеткой. Стол был покрыт синим сукном, на котором лежали развёрнутые планшеты, и генералы сидели так тесно, что локти соприкасались, создавая то единство, которое возникает перед лицом общей угрозы, даже если эта угроза ещё не названа вслух.

Жуков, замкнутый и сосредоточенный, водил пальцем по карте, проводя линии, которые никто не смел оспорить. Он был из тех людей, кто не терпел полумер, кто видел войну не в парадах, а в окопах, и его усталое лицо с обветренной кожей выдавало ночи, проведённые над донесениями, которые он не мог ни подтвердить, ни опровергнуть. Василевский сидел рядом, поправляя очки, и в этом жесте было что-то почти нервное, как у студента перед экзаменом. Он знал, что Жуков прав, но он также знал, что правда в данном случае может стоить карьеры.

- Данные разведки, которые мы имеем, - а мы имеем их больше, чем официально признаём, - указывают на то, что у границы сосредоточено около ста пятидесяти дивизий. Это не учения. Это не демонстрация силы. «Это плацдарм», - сказал Жуков, и голос его звучал негромко, но с такой силой, что все невольно подались вперёд. - Если мы не приведём войска в боевую готовность, мы встретим врага в казармах. А это, как вы знаете, хуже любой провокации.

Василевский вздохнул, провёл ладонью по лицу, стирая невидимую усталость, и сказал тихо:

- Георгий Константинович, вы предлагаете поднять войска по тревоге? Это же будет означать, что мы признаём неизбежность войны. А товарищ Сталин считает...

- Я знаю, что считает товарищ Сталин, - перебил Жуков, и в голосе его прорвалась та горечь, которую он обычно прятал за маской военной выдержки, - но я не могу командовать армией, глядя на часы, когда немцы смотрят на карту.

Он замолчал и посмотрел на потолок, где тусклая лампа отбрасывала тени, напоминающие очертания самолётов. Он вспомнил Францию, которую видел в учебниках, и Польшу, которая была ещё свежа в отчётах. Он знал, как работает блицкриг, и он знал, что против него есть только одно средство - глубина обороны, пространство, которое немцы недооценивают. Но он также знал, что для этого нужно время, а время было тем ресурсом, которого у них не было.

- Я не говорю, что мы должны нападать первыми, - продолжал он, понизив голос до шёпота, который был слышен только соседям, - но мы должны быть готовы к тому, что они нападут. И мы должны иметь план не только обороны, но и контрудара. Если они пойдут на Москву, мы встретим их не на границе, а там, где у нас будет преимущество. Но для этого нужно, чтобы дивизии стояли не в казармах, а в поле.

В комнате повисла та особенная тишина, которая возникает, когда все слышат правду, но никто не хочет произносить её вслух. Генералы переглядывались, и их взгляды были красноречивее слов. Кто-то кивнул, кто-то опустил глаза, кто-то провёл рукой по лицу, стирая невидимую усталость. Василевский вздохнул и сказал тихо:

- Я подготовлю докладную. Но вы знаете, что с ней сделают.

- Я знаю, - ответил Жуков, и в его голосе не было ни гнева, ни отчаяния, а только та спокойная уверенность, которая приходит, когда все пути отрезаны и остаётся только один - идти вперёд, даже если никто не скажет тебе спасибо.

Они разошлись затемно, когда Москва спала, но не спал Генштаб, не спали пограничники, не спали лётчики на аэродромах, которые уже слышали в ночном небе незнакомый гул. Город готовился к зиме, но никто не готовился к тому, что зима станет только началом.

А в трёхстах километрах от Москвы, там, где леса становились глуше, а поля шире, в деревне, название которой знали только местные, стоял домик на краю леса. В этом домике жила бабка Арина - та, которую местные звали «знающей», потому что она умела читать по звёздам и видела сны, которые потом сбывались. Ей было семьдесят пять, но она ходила с

ровной спиной, потому что всю жизнь носила воду на коромысле, и лицо её было изрезано морщинами, но глаза оставались ясными, как у девчонки.

В тот вечер она сидела на завалинке и смотрела в сторону леса, где за деревьями начиналась граница. Где-то там, за теми соснами, ходили чужие, и она чувствовала их даже на расстоянии - не звуком, не запахом, а тем особым предчувствием, которое старые люди называют «знобой». Её внук, Ваня, молодой парень, работавший на ближайшем аэродроме техником, пришёл к ней, чтобы попрощаться: его часть поднимали по тревоге, и он не знал, вернётся ли.

- Баб, - сказал он, стоя на пороге и теребя в руках пилотку, - ты не бойся. Если что - я приду. Я всегда приду.

- А я и не боюсь, Вань, - ответила она, и в голосе её не было страха, только та спокойная печаль, которая приходит с возрастом, когда человек научился терять, но не научился забывать, - я боюсь только того, что ты уйдёшь и не скажешь мне, где тебя искать. А так - иди. Земля наша, она держит. Даже если чужие придут, она не пустит их вглубь. Им наша земля не подходит. Они с ней не сроднились.

Ваня стоял в темноте, и его силуэт вырисовывался на фоне сада, где яблоки уже упали и лежали на земле, пахнущие прелью и осенью. Ему хотелось сказать ей, что он боится, что он видел немецкие самолёты в небе, что он знает, что война будет, но он не сказал, потому что не хотел пугать старую женщину, которая однажды уже пережила Первую мировую и Гражданскую, и помнила, как уходили и как не возвращались.

- Баб, - сказал он после долгой паузы, - а ты веришь, что мы выстоим?

Она посмотрела на него, и в её взгляде была та простота, которая бывает только у людей, живущих в согласии с природой и смертью:

- А ты когда-нибудь видел, чтобы наша земля кого-то пускала до конца? Ты когда-нибудь видел, чтобы она не возвращала своих? Пускай приходят, Вань. Пускай. Выйдут сами. Или не выйдут. Но мы не уйдём.

Она поднялась и зашла в дом, оставив его одного в саду, где пахло опавшими яблоками и близящейся зимой, такой холодной, что даже волки не выходили из леса. А наутро он ушёл, оставив её на завалинке - одну, с вечным вязанием в руках, которое она вязала не для себя, а для тех, кто не вернётся.

На авиационном заводе, раскинувшемся на окраине Москвы, где небо затягивало угольным дымом, а воздух был пропитан маслом и металлической стружкой, осень чувствовалась иначе - не в погоде, не в шелесте листьев, а в том особом освещении, которое создавали лампы дневного света, висевшие под потолком и включавшиеся с утра, чтобы не выключаться до вечера, потому что даже в полдень сквозь запылённые окна пробивался только мутный, белый свет, который не давал ни тени, ни объёма, превращая лица людей в плоские маски. Воздух в цехе был плотным, почти осязаемым, и пах он не просто железом - он пах тревогой, той особенной тревогой, которая не имеет запаха, но которую нос втягивает вместе с каждым вдохом, как горький дым. Люди стояли у станков, и их движения были отточены до автоматизма: руки брали деталь, руки ставили деталь, руки снимали деталь, и в этом бесконечном круговороте было что-то от ритуала, который уже давно потерял свой сакральный смысл, но продолжал выполняться, потому что другого смысла не было.

Александр сидел за кульманом, когда к нему подошёл Петрович - седой, с постоянно дымящей папиросой, которую он прятал в кулаке, чтобы не нарушать правила пожарной безопасности. Он присел на край стола, рядом с кульманом, и тихо, чтобы никто из соседнего пролёта не услышал, спросил:

- Саша, ты веришь, что они не нападут? Ты, как технический специалист, веришь своим расчётам или тем, что говорят по радио?

Александр поднял голову. Он отложил карандаш, посмотрел в глаза Петровичу и сказал ровно, но с той скрытой дрожью, которую выдавали его пальцы, сжимавшие карандаш так сильно, что побелели костяшки:

- Мои расчёты говорят, что если наша авиация встретит люфтваффе на земле - мы потеряем всё. Спецификации, которые я вижу, не для парадов. Они для войны. И если они - для войны, значит, война будет. Иначе зачем менять чертежи? Зачем просить ускориться на тридцать процентов? Зачем снимать выходные, когда рабочие и так валяются с ног?

Петрович глубоко затаился, хотя папироса почти догорела, и сказал, глядя куда-то в сторону конвейера:

- Я видел четырнадцатый год. Тогда тоже меняли чертежи перед войной. Тоже говорили, что это плановая модернизация. Тоже кого-то сажали за панику. А потом началась война, и те, кто менял чертежи, оказались правы, а те, кто сажал, - уже не было. Я не знаю, что будет завтра. Но я знаю, что мы должны успеть. Каждый самолёт, каждый двигатель, каждый болт - всё должно быть готово. Даже если завтра утром прикажут всё остановить - мы не остановим. Мы не имеем права.

Александр посмотрел на свои руки и сказал, почти про себя:

- Я не знаю, что я сделаю, когда они придут. Но я знаю, что я сделаю сейчас. Я доделаю этот чертёж. И следующий. И потом ещё один. Потому что это всё, что я могу.

Он снова склонился над кульманом, и его рука с карандашом начала двигаться с той механической точностью, которая была его профессией и его убежищем. Петрович постоял ещё минуту, глядя на его спину, и тихо ушёл.

В Богоявленском соборе в тот вечер было темно, как всегда, когда служба заканчивается, а лампы ещё не гасли, но их свет был скупым, экономным, как у старых монахов. Отец Николай стоял один в алтаре, и его чёрная ряса сливалась с полумраком, так что казалось, будто он - часть стен, старых, тёплых, пахнущих ладаном и воском. Он стоял перед иконой Спасителя, и его губы шевелились беззвучно, потому что он уже не просил чудес - он просил о том, что было важнее: чтобы, когда начнётся, те, кто останется, не потеряли человеческого лица.

Он держал в руках записку, которую ему передали с оказией - без подписи, без обратного адреса, только несколько строк, выведенных карандашом, который дрожал, когда писал: «Мы слышим, как двигаются танки. Ночью. За лесом. На нашей стороне их не должно быть. Молись, батюшка, за всех нас». Он не знал, от кого эта записка, но он знал одно: это не ложь. Это было то, что люди не решаются сказать вслух, но доверяют Богу.

Он опустился на колени перед иконой, и его суставы издали тихий хруст в тишине храма. Его молитва была не просьбой о чуде, ибо чудеса случаются только с теми, кто в них верит, а он верил только в труд, в терпение и в то, что земля, которую он любил, выдержит и эту тяжесть. Он просил о том, чтобы брат его, Александр, увидев войну не на бумаге, не сломался. Чтобы Коля и Катя, племянники, которых он никогда не видел, успели вырасти, даже если вырастут без отца. Чтобы Россия нашла в себе силы не повторить то, что она повторяла каждый раз: сначала ужас, потом отчаяние, потом подъём, потом победу.

Он поднялся с колен, зажёл ещё одну свечу - уже не за здоровье, а за упокой, не зная, чьё имя ставит, - и поставил её на подсвечник. Пламя дрогнуло, почти погасло от сквозняка, но потом выпрямилось и загорелось ровно, и в этом огне ему почудилось что-то похожее на смирение - не смирение перед неизбежностью, а смирение перед тем, что он не может изменить, но может пережить, может выдержать, может сохранить.

Он перекрестился широким, размашистым жестом - так, как крестились его отец и дед, и в этом жесте была вековая сила, которая передавалась от поколения к поколению. И когда он вышел из храма, на улице было уже совсем темно, и фонари горели бледным, электрическим светом, который казался ему чужим, но нужным, потому что даже в темноте нужен свет, пусть даже искусственный.

В коммунальной квартире на Арбате, где жили Александр и Настя, вечер был таким же, как всегда, - шумным, тесным, с запахом щей и детским плачем из соседней комнаты. Настя сидела на кухне, на старом табурете, который скрипел при каждом движении, и перебирала картошку, сортируя её на крупную для супа и мелкую для жарки. Её пальцы, тонкие, с короткими ногтями, двигались с той привычной ловкостью, которая приходит после тысяч раз повторённого действия, и она думала о том, о чём думают все женщины в её положении: о муже, который задерживается на работе, о детях, которых надо кормить, о деньгах, которых вечно не хватает, и о том, что где-то там, за окнами, что-то меняется, но она не знала, что именно.

Рядом с ней сидела её соседка, тётя Паша, женщина лет шестидесяти, с седыми кудрями и лицом, изрытым оспинами, которая работала на той же фабрике, что и Настя, и знала всё про всех в этой квартире. Она гладила бельё, и уют, тяжёлый, чугунный, шипел, касаясь влажной ткани, и пар поднимался к потолку, смешиваясь с запахом картошки и керосина.

- Насть, - сказала тётя Паша, не поднимая глаз от глажки, - ты слышала, что говорят люди? Война будет. Скоро. Немцы у границы, говорят, танков - тьма тьмущая. Мне внук из Минска писал, там по ночам самолёты летают чужие. Не к добру это.

Настя замерла на мгновение, но не потому, что не знала об этом, а потому, что услышать это от соседки было страшнее, чем прочитать в газете. Она отложила картошку и посмотрела в окно, где за мутным стеклом плыл московский вечер - серый, холодный, с редкими огнями фонарей, которые казались ей теперь не просто огнями, а маяками в том море, которое вот-вот должно было взорваться.

- Я знаю, тётя Паш, - ответила она тихо, и голос её дрогнул, но она взяла себя в руки, потому что в этой квартире нельзя было показывать страх, иначе все начинали паниковать, - я знаю. Саша приносит чертежи домой, я вижу, что там что-то не так. Но он говорит, что это модернизация, что ничего не будет.

- А ты ему веришь? - спросила тётя Паша, и её голос был тихим, но с той настойчивостью, которую даёт прожитая жизнь и утраты, которых не счесть. - Я, Настя, в своё время верила. Врала себе, что муж ушёл в партизаны, а не в петлю. Врала, что голод кончится завтра. А на деле всё было иначе. И теперь я знаю: когда человек говорит «ничего не будет» - значит, он сам боится этого «будет» и хочет, чтобы ты боялась вместе с ним. Ты не бойся. Ты просто делай своё дело. Готовь еду, стирай, детей поднимай. А если придут - не пугайся сразу. Посмотри им в глаза. Может, они отведут взгляд. Тогда ты поймёшь, что они тоже люди.

Настя слушала, и в голове её крутились мысли, которые она не решалась сформулировать: о том, что она боится за мужа, за детей, за себя; о том, что она не знает, как жить, если война начнётся; о том, что она никогда не видела смерти, но чувствовала её дыхание в каждом тревожном сне. Она хотела спросить у тёти Паши, как быть, когда страшно, но не спросила, потому что вместо ответа она увидела в глазах соседки ту же самую тревогу, которую носила в себе.

- Спасибо, тётя Паш, - сказала Настя, и в голосе её прорезалась та тихая благодарность, которая бывает только между людьми, пережившими одни и те же страхи. - Я запомню.

Она встала, поправила платок и вышла из кухни. В коридоре было темно, и из-под дверей соседних комнат пробивался свет - жёлтый, неуверенный, как сама жизнь в этой старой квартире. И Настя вдруг подумала, что, может быть, всё это - и тревога, и слухи, и страх - не более чем испытание, которое даётся для того, чтобы понять, что ты на самом деле такое. Она не знала ответа, но знала, что утром она встанет, заведёт детей в школу, пойдёт на фабрику и будет делать свою работу, даже если мир рухнет завтра.

Ночь, когда Александр вернулся домой, была уже не просто ночью - она была той самой, предпоследней, после которой наступает день, который уже нельзя переиграть. Но он не думал об этом, когда шёл по тёмным, пустым улицам, где фонари горели через один, и эхо его шагов разносилось по мостовой, как звук метронома, отмеряющего время. Он думал о чертежах,

о Петровиче, о брате, о Насте, о детях, которых он не видел уже три дня, потому что завод работал в две смены, и он спал прямо в конструкторском бюро.

Когда он вошёл в квартиру, Настя уже спала. Он стоял на пороге, не раздеваясь, и смотрел на её лицо, освещённое слабым светом уличного фонаря. Она спала спокойно, как спят те, кто ещё не знает, что завтра может не наступить, и в этом её спокойствии было что-то умиротворяющее и одновременно мучительное.

Он тихо снял сапоги и прошёл к своему столу. На столе лежал молитвослов прадеда. Александр открыл его и прочитал единственное, что запомнил наизусть ещё мальчишкой: «Отче наш». Он прочитал его не как молитву, а как заклинание, как тот тихий, но твёрдый голос человека, который не знает, услышат ли его, но знает, что молчать больше нельзя.

Он закрыл молитвослов и долго сидел в темноте, глядя на свои руки, которые завтра снова будут чертить линии, от которых зависит жизнь лётчиков. И в какой-то момент ему показалось, что он слышит, как где-то за окном просыпается ветер и несёт с собой не запах осени, а запах пороха и металла.

Он лёг на кровать, рядом с Настей, и впервые за долгие годы не стал проверять, заперта ли дверь. Не потому, что ему не было страшно. Потому что он понял: от того, что придёт завтра, не спасут ни замки, ни окна, ни даже чертежи. Спасёт только то, что он сделает, когда наступит это завтра.

Он закрыл глаза, и в темноте перед ним встали те же линии, что на чертежах, - но теперь они были не на бумаге, а в воздухе, и они переплетались в сложный узор, похожий на сеть, в которую должна была попасться судьба. Он не знал, что это за судьба, но он знал, что он сделает всё, чтобы она не оборвалась на нём.

А в соседней комнате спали дети, и их дыхание было ровным, как дыхание самого времени, которое ещё не знало, что утром начнётся новый день, а за ним - новая эпоха.

Глава 5. На границе

Май тысяча девятьсот сорок первого года стоял над Советским Союзом с той обманчивой, почти нереальной весенней красотой, которая бывает только перед великими катастрофами, когда природа, словно не зная о том, что грядёт, цветёт и благоухает с той расточительной щедростью, которая отпускается только тем, кто не ведает о завтрашнем дне. Воздух был наполнен ароматами цветущих садов и молодой зелёной травы, и птицы, вернувшиеся из тёплых краёв, заливались своими звонкими песнями, словно приветствуя наступающее лето, словно пытаясь заглушить тот далёкий, но уже различимый гул, который доносился с запада, где за лесами и реками, за колючей проволокой и пограничными столбами, сосредоточивались немецкие войска. Этот гул был не столько звуком, сколько ощущением - он жил в воздухе, в земле, в самом воздухе, который стал плотнее и тяжелее, как перед грозой, и даже самые беспечные крестьяне, выходящие на поля, останавливались на мгновение и прислушивались к чему-то, чего не могли услышать, но что чувствовали всем своим существом. Берёзы стояли вдоль дорог, и их молодые, только что распутившиеся листья трепетали на ветру, словно пытались предупредить о чём-то, но не могли найти слов. В них было что-то от той древней, вековой мудрости, которая видела, как уходили и как возвращались, как строились и как рушились, и которая продолжала стоять, несмотря ни на что, как символ той земли, которая не сдаётся, потому что не умеет сдаваться.

На пограничной заставе, затерянной среди густого леса, где сосны стояли стеной, а болота тянулись на многие километры, было тихо - той особенной, настороженной тишиной, которая бывает на передовой даже в мирное время, когда каждый шорох кажется чужим, а каждая тень - подозрительной. Лейтенант Кравцов, молодой командир с обветренным лицом и глазами, которые уже видели смерть в Финскую кампанию, стоял на вышке и вглядывался в туманную даль, где за рекой начиналась чужая земля. Он не спал уже третью ночь, потому что с той сто-

роны доносились звуки, которые не могли быть случайными: лязг гусениц, гул моторов, приглушённые команды на чужом языке, которые ветер приносил к их берегу, как приносят запах гари. Его пальцы, сжимавшие поручни вышки, побелели от напряжения, и он думал о том, что его люди, его солдаты, спят сейчас в казармах, не зная, что через несколько недель, а может быть, через несколько дней, они проснутся под взрывами, и их жизнь изменится навсегда, и они уже никогда не будут теми мальчишками, которые пришли сюда из разных городов и деревень, чтобы служить, чтобы охранять границу, чтобы быть готовыми к тому, что может случиться.

- Что скажешь, старшина? - спросил он, не оборачиваясь, обращаясь к пожилому солдату, который стоял внизу с биноклем в руках. Голос его был хриплым от бессонницы, но в нём слышалась та твёрдость, которую он должен был сохранять, потому что офицер не имеет права на слабость, даже когда ему страшно, даже когда его сердце сжимается от предчувствия того, что грядёт.

- Скажу, товарищ лейтенант, - ответил старшина, и голос его был хриплым, с той хрипотой, которая бывает у людей, переживших не одну зиму и не одну тревогу, когда они говорят о том, что видели своими глазами и что не могут забыть, - они там не спят. Строят, копают, подвозят. Третью ночь слышу, как трактора работают. Только трактора, товарищ лейтенант, так не работают. Там - танки. Я их по звуку узнаю, я ещё в Испании их слышал, когда воевал там добровольцем, и с тех пор этот звук не забыл, потому что он означает смерть, он означает разрушение, он означает то, что нельзя остановить, пока не столкнёшься с ним лицом к лицу.

Кравцов молчал, и его лицо, обветренное и усталое, с той глубокой, внутренней усталостью, которая бывает у людей, несущих на своих плечах тяжесть целого мира, выражало ту внутреннюю борьбу, которая шла в его душе, ту борьбу между долгом и страхом, между тем, что он знал, и тем, что он должен был говорить своим солдатам. Он знал, что старшина прав, знал это по донесениям, которые приходили из штаба - скупым, осторожным, с пометкой «не для распространения», знал это по тем сведениям, которые передавали разведчики, возвращавшиеся с той стороны, и по тому, как они смотрели, когда их спрашивали, что они видели. Он знал, что немцы стягивают силы к границе, и знал, что наверху, в Москве, об этом знают, но молчат, потому что правда может быть опаснее лжи, потому что тот, кто говорит правду, рискует своей жизнью, потому что страх, как ледяная рука, сжимает горло каждому, кто знает, что грядёт, и не может ничего изменить, ничего остановить, ничего предотвратить.

- Готовь людей, старшина, - сказал он, и голос его стал твёрже, почти стальным, с той твёрдостью, которая рождается из ответственности, из той ответственности, которая лежит на каждом командире, когда он знает, что от его решений зависят жизни его солдат, - готовь их к тому, что может случиться. Я не знаю, когда это случится, но это случится. И мы должны быть готовы. Мы должны встретить их так, чтобы они запомнили нашу землю, чтобы они запомнили наш народ, чтобы они никогда не забыли, что значит идти на нас.

Старшина кивнул, и в его глазах мелькнула та искра, которая бывает у старых солдат, когда они получают подтверждение своим страхам, но вместе с ним - и подтверждение своей силе. Он пошёл к казармам, и его шаги были тяжёлыми, но уверенными, как шаги человека, который знает, что делать, потому что делал это уже не раз. А Кравцов остался на вышке, глядя на туманную даль, где за рекой начиналась та земля, с которой через несколько дней или недель придёт война, и думал о том, сколько из его солдат, которые сейчас чистят оружие и смеются над шутками, увидят закат следующего дня, сколько из них вернутся домой к своим матерям, жёнам, детям, и сколько останутся лежать в этой земле, которую они защищают, чтобы жили другие.

Он достал из кармана гимнастёрки маленькую иконку - ту самую, которую дала ему мать, когда он уходил в армию, и которая была с ним в Финляндии, когда он смотрел смерти в глаза, и которая сохранила его, потому что вера матери сильнее любой пули, сильнее любого снаряда, сильнее самой смерти. Он приложил её к губам и прошептал короткую молитву - ту, которую

знал с детства, ту, которую говорили его отец и дед перед каждым боем, ту, которая была его опорой и его надеждой, его светом в темноте и его силой в борьбе:

- Господи, сохрани нас, сохрани моих солдат, сохрани нашу землю от врага, который идёт на нас, от того безбожника, который не знает ни жалости, ни сострадания, ни страха Божьего. Дай нам сил выстоять, не сломаться, не потерять веры, не отчаяться, не предать, не упасть, не сдаться. Аминь.

А в деревне, что лежала в пяти километрах от заставы, среди полей и берёзовых рощ, майское утро было таким же тихим и ясным, как и всегда, как и сотни лет до этого, когда люди просыпались под пение птиц и выходили на поля, чтобы работать, чтобы жить, чтобы продолжать то, что делали их предки. Берёзы здесь росли вдоль всей дороги, и их тонкие, стройные стволы, покрытые белой корой, казались свечами, зажжёнными в честь этой земли, в честь этого народа, в честь этой веры, которая не угасала, несмотря на все гонения, несмотря на все репрессии, несмотря на все попытки уничтожить её. В этом доме на краю деревни жила бабка Матрёна - та, которую местные звали «вещуньей», потому что она видела сны, которые сбывались, и чувствовала то, чего не чувствовали другие, потому что она жила в согласии с этой землёй и знала её язык, тот язык, который слышат только те, кто умеет слушать, кто не боится тишины, кто не боится себя.

Ей было под восемьдесят, но она всё ещё ходила за водой к колодцу и доила корову, потому что в деревне не было работы для старых рук, кроме той, к которой они привыкли за долгую жизнь, и потому что она знала: пока она может работать, она может жить, а пока она может жить, она может помнить, а пока она помнит, те, кто ушёл, не умирают окончательно. В тот вечер она сидела на завалинке своего дома, глядя на запад, где небо уже начинало темнеть, но не от заката, а от того густого, тяжёлого облака, которое росло за лесом и не рассеивалось, а, напротив, сгущалось с каждым часом, как будто сама земля дышала тем, что должно было случиться, и выдыхала этот тяжёлый, тревожный пар, который окутывал горизонт, делая его чужим и опасным.

К ней пришёл внук, Петька, молодой парень, работавший трактористом в соседнем колхозе, - высокий, широкоплечий, с лицом, которое ещё не знало бритвы, но уже знало тяжёлый труд и ту усталость, которая приходит от работы на земле, от той работы, которая не спрашивает, хочешь ли ты её делать, а просто требует, чтобы ты делал её, потому что иначе не будет хлеба, не будет жизни, не будет ничего. Он пришёл не просто так - он пришёл с тревогой, которую носил в себе уже несколько недель, с той тревогой, которая не давала ему спать по ночам и заставляла просыпаться от малейшего шороха, от малейшего звука, от малейшего движения воздуха, который мог означать, что что-то изменилось, что мир, который он знал, начал рушиться, и что он не может ничего сделать, чтобы остановить это.

- Баб, - сказал он, садясь рядом с ней на лавку, и голос его звучал глухо, как будто слова застревали где-то в горле, как будто он боялся произнести их вслух, потому что, произнеся, сделает их реальными, - я слышал, что немцы совсем близко. За лесом, говорят, танки стоят. Слышно, как они гудят по ночам. Я сам слышал, когда ездил на покос. Я не знаю, что делать, я не знаю, как быть, я не знаю, что будет с нами, с нашей деревней, с нашим полем, с нашей землёй, которую мы столько лет обрабатывали, которую мы поливали потом и слезами, которую мы любили, как любим только то, что не можем потерять.

Матрёна не повернула головы. Она продолжала смотреть в ту сторону, где небо было тревожным, где за дальними деревьями уже угадывалось то, чего не должно было быть, но что уже было, и в её глазах, выцветших от возраста, но ясных, как у девчонки, была та спокойная мудрость, которая приходит только с годами, с теми годами, когда человек научился не бояться смерти, потому что увидел её слишком много раз, чтобы считать её чем-то необычным, и научился принимать то, что нельзя изменить, потому что есть вещи, которые сильнее человека, сильнее его страха, сильнее его надежды.

- Я знаю, Петь, - ответила она, и голос её был спокоен, с той спокойной уверенностью, которая рождается из веры, из той веры, которая не нуждается в доказательствах, потому что она живёт в душе и не может быть уничтожена ничем - ни страхом, ни репрессиями, ни войной, ни смертью, - я знаю. Я слышу их даже днём, хотя днём ветер дует с другой стороны. Они там, за лесом. Много их. И они не уйдут. Они придут, Петь, они придут, как приходили уже много раз, как приходили к нашей земле те, кто думал, что они сильнее, что они умнее, что они могут взять то, что им не принадлежит. Но они не знают, что наша земля не берётся, её можно только получить, и то - если она сама захочет отдаться. А она не захочет, потому что она наша, потому что мы - её дети, и она помнит нас, как помнит всех, кто на ней жил, работал, любил, умирал и возвращался.

- Что же делать, баб? - спросил Петя, и в голосе его прорезалась та детская беспомощность, которую он прятал от всех, но не мог спрятать от неё, потому что она была единственным человеком, перед которым он не боялся быть слабым, потому что она была его бабушкой, его матерью, его отцом, его всем, что у него было в этом мире, - если они придут, что мы будем делать? У нас же нет оружия, нет солдат, только мы с тобой и поле вокруг. Мы не сможем защитить себя, мы не сможем защитить нашу землю, мы не сможем ничего, кроме как смотреть, как они проходят, как они топчут наши поля, как они ломают наши дома, как они убивают тех, кто нам дорог.

Матрёна повернулась к нему, и её глаза, такие ясные и спокойные, посмотрели прямо в его глаза, и в этом взгляде была та сила, которая передавалась от поколения к поколению, от битвы к битве, от надежды к надежде, та сила, которая не требует оружия, потому что она сильнее любого оружия, потому что она живёт в сердце и не может быть уничтожена никаким врагом.

- А мы и не будем воевать, Петь, - сказала она, и голос её стал твёрже, почти строгим, как у учительницы, которая втолковывает нерадивому ученику простую истину, которую он не хочет понять, потому что она слишком простая, чтобы быть правдой, - мы будем жить. Мы будем сеять, растить, готовить, убирать. Мы будем делать то, что делали всегда, потому что это единственное, что мы умеем, и это единственное, что имеет смысл. И когда они придут - мы не уйдём. Потому что если мы уйдём, кто будет хранить землю? Кто будет поливать её потом, если не мы? Кто будет помнить тех, кто на ней жил, если мы уйдём и забудем? Они пройдут, Петь, они пройдут, как проходили другие, как проходили все, кто думал, что может покорить нас. А мы останемся. И земля наша примет нас, как принимала всех, кто её не предавал, как принимала тех, кто работал на ней и любил её, кто умирал за неё и возвращался к ней, чтобы снова жить.

Она замолчала и надолго уставилась вдаль, где за лесом уже сгущались сумерки, и в этих сумерках ей чудились огни - не те, что зажигаются в домах, где люди готовят ужин и ждут своих близких, а те, что горят по ночам у чужих костров, у тех, кто пришёл не с миром, а с войной, и эти огни были ей знакомы, потому что она видела их в своей долгой жизни, когда другие войны приходили на эту землю, когда другие враги думали, что они сильнее, и уходили, оставляя после себя только пепел и память. Петя сидел рядом, и его руки, большие, мозолистые, сжимали колени, и он думал о том, что его бабушка, которая видела столько войн, столько смертей, столько утрат, всё ещё стоит на своей земле и не боится, потому что она знает: земля не предаёт тех, кто её любит, и даже если враг придёт, она не сдастся, она будет ждать, когда они уйдут, и примет своих снова, как принимала всегда. И он решил, что тоже не будет бояться, потому что если она не боится, то и ему нечего бояться, и он встал, обнял её, поцеловал в морщинистую щеку и пошёл домой, оставляя её одну с её мыслями и с теми огнями, которые уже зажигались за лесом, и в его шагах была та уверенность, которая передаётся от старших к младшим, от тех, кто знает, к тем, кто учится, от тех, кто помнит, к тем, кто будет помнить.

А в Москве, на авиационном заводе, где воздух был пропитан маслом и металлической стружкой, и где стены, казалось, помнили каждый удар молота, каждый шорох станка, каждое слово, сказанное в тишине ночной смены, май чувствовался иначе - не в погоде, не в цветущих садах за окнами цеха, не в тех редких деревьях, которые пробивались сквозь асфальт и дым, а в том особом, почти лихорадочном ритме работы, который овладел всеми, от директора до последнего ученика, пришедшего на практику, от старого инженера, который помнил ещё первую войну, до молодого парня, который только что окончил техникум и не знал, что такое война, но чувствовал её приближение каждой клеткой своего тела. Станки работали в две смены, а в некоторых цехах - и в три, и лампы дневного света горели круглые сутки, создавая тот искусственный, жёлтый свет, который не знает ни дня, ни ночи, ни времени, ни пространства, и люди, бледные и уставшие, двигались с той механической точностью, которая бывает у тех, кто уже не думает о том, что делает, а просто делает, потому что иначе нельзя, потому что остановка будет означать смерть, потому что каждая минута промедления может стоить жизни тем, кто будет летать на этих самолётах, которые они создают здесь, в этом шуме, в этом гаме, в этой лихорадочной суете, которая стала их жизнью.

Александр сидел за своим кульманом, и перед ним лежали чертежи - те самые, которые он переделывал уже четвёртый раз за последние два месяца, внося всё новые и новые изменения, всё новые и новые уточнения, всё новые и новые детали, которые требовали от него не просто технической точности, но и той интуиции, которая приходит только с опытом, только с теми годами, когда ты работаешь с металлом и понимаешь его язык, его душу, его характер, его способность быть сильным и лёгким одновременно, и его способность ломаться, если ты ошибёшься, если не рассчитаешь нагрузку, если не предусмотрит то, что должно было предусмотреть. Каждый раз приходили новые указания, новые требования, новые задачи: усилить броню, увеличить мощность двигателя, изменить конструкцию крыла, добавить новые узлы крепления, и каждый раз он понимал, что это не просто технические новшества, не просто модернизация, не просто плановая работа, а подготовка к тому, что самолёты, которые он проектирует, должны будут не просто летать, а сражаться, и сражаться не в учебных боях, а в настоящих, где каждая ошибка в расчёте будет стоить жизни лётчика, где каждый недовитой болт будет означать смерть, где каждый неверный угол атаки станет причиной того, что человек, которого он никогда не видел, не вернётся домой к своей матери, к своей жене, к своим детям.

Он слышал слухи от инженеров, которые работали на западной границе, от тех, кто своими глазами видел, как немцы стягивают свои войска, как они строят казармы, как они прокладывают дороги, как они готовятся к тому, что должно случиться, и их голоса, когда они говорили об этом, были тихи, с той тихой, сдавленной тревогой, которая бывает у людей, когда они говорят о том, что не должны знать, но что уже невозможно не знать, когда они делятся друг с другом тем, что знают, но что не могут сказать вслух, потому что слово может стать доносом, а донос - смертью. В столовой, в коридорах, в курилках, где пахло махоркой и потом, шептались о том, что война на пороге, что она уже стучится в двери, что она уже требует своих жертв и своей крови, и каждый старался придать своему лицу выражение спокойствия, с той внешней, показной спокойностью, которая должна была скрывать его внутреннюю тревогу, но в глазах у всех была одна и та же тревога - та, которую не скроешь ни за какой маской, ни за какой улыбкой, ни за какими словами, потому что страх живёт в глазах, и он не может быть спрятан, как не может быть спрятан свет, который горит в душе, когда есть надежда.

- Саша, - сказал ему Петрович, подходя к кульману с неизменной папиросой в кулаке, и его голос был хриплым от табака и бессонницы, с той хрипотой, которая бывает у людей, когда они курят слишком много и спят слишком мало, и когда они говорят о том, что их тревожит, потому что не могут молчать, не могут сдерживаться, не могут делать вид, что ничего не происходит, - ты слышал, что говорят? Немцы у границы - не просто учения, не манёвры,

не игра, не провокация. Это война, Саша. Она уже здесь, она уже на пороге, она уже стучится в наши двери, она уже требует нашей крови и нашей жизни, и мы не можем делать вид, что не знаем об этом, мы не можем закрывать глаза и говорить, что всё будет хорошо, потому что всё будет не хорошо, всё будет тяжело, всё будет страшно, всё будет больно, и мы должны быть готовы к этому, мы должны быть готовы к тому, что потеряем, и к тому, что выиграем, и к тому, что будем помнить.

Александр поднял голову, и его глаза, уставшие от бессонных ночей и постоянной работы, с той глубокой, внутренней усталостью, которая бывает у людей, работающих на износ, которые знают, что от их работы зависят жизни других, которые понимают, что их труд может стать либо спасением, либо гибелью, встретились с глазами Петровича. Он хотел сказать что-то успокаивающее, что-то такое, что развеяло бы тревогу старика, что-то такое, что дало бы ему надежду и веру, но слова застряли в горле, потому что он не мог врать, не умел врать, особенно тем, кто был ему близок, особенно тем, кто был его другом, его учителем, его наставником, его опорой в этом мире, где всё рушилось и где ничего не оставалось, кроме работы и веры.

- Я знаю, Пётр Иванович, - ответил он, и голос его был глухим, с той глухой, ноющей болью, которая бывает у людей, когда они говорят о том, что может изменить их жизнь, что может уничтожить их мир, что может отнять у них всё, что им дорого, - я знаю. Я подал заявление в военкомат. Если начнётся - я пойду. Я не могу оставаться здесь, когда они будут там. Не могу сидеть в тылу и рисовать чертежи, пока другие будут умирать. Не могу смотреть на карту и видеть, как враг подходит к нашей границе, и не делать ничего, кроме как работать, работать, работать, хотя моё место - там, где мои руки нужны больше всего, там, где мои чертежи могут спасти чью-то жизнь, там, где я могу быть полезен, а не просто сидеть и ждать, пока кто-то другой решит мою судьбу.

Петрович долго смотрел на него, и в его взгляде была та смесь уважения и горечи, которая бывает у старых людей, когда они видят, как молодые идут на смерть, зная, что не могут их остановить, когда они понимают, что время уходит, и что они не могут ничего изменить, ничего предотвратить, ничего спасти, кроме того, что в их силах, кроме той работы, которую они делают, кроме тех чертежей, которые они создают, кроме той веры, которую они сохраняют, несмотря ни на что.

- Ты дурак, Саша, - сказал он, но в голосе его не было осуждения, только та тихая, грустная нежность, которую старые солдаты чувствуют к молодым, когда те решают за них их судьбу, когда они идут в бой, зная, что могут не вернуться, но не могут поступить иначе, потому что так велит им совесть, потому что так велит им долг, потому что так велит им любовь к Родине, к своей земле, к своему народу, к своей семье, - ты дурак, потому что ты нужен здесь. Твои чертежи спасут больше жизней, чем твой автомат, больше жизней, чем ты сам, когда будешь стоять в окопе с винтовкой в руках. Ты нужен здесь, Саша, ты нужен здесь, потому что ты умеешь делать то, что не умеет никто другой, потому что ты видишь то, чего не видят другие, потому что ты создаёшь то, что будет защищать нашу страну, когда мы будем воевать. Но я понимаю тебя. Я сам был таким же в твои годы. Я тоже хотел быть там, где стреляют, а не там, где рисуют. Я тоже думал, что мои руки нужны больше на фронте, чем в тылу. И я был неправ. Но ты не поймёшь этого, пока не пройдёшь через это сам. Иди, Саша, иди, если чувствуешь, что должен. А я останусь здесь и буду делать то, что умею. Пока будут работать станки - будут и самолёты. А пока будут самолёты - будет и надежда. И мы выстоим, Саша, мы выстоим, потому что мы не умеем сдаваться, потому что мы не умеем проигрывать, потому что мы - русские, и наша земля помнит нас, и мы помним её, и это сильнее любого врага, сильнее любой войны, сильнее любой смерти.

Он хлопнул Александра по плечу своей тяжёлой, мозолистой рукой, и в этом жесте было больше, чем в любых словах, - было прощание, было благословение, была та молчаливая передача эстафеты, которая происходит между поколениями в минуты, когда мир качается, когда

всё рушится, когда остаётся только вера и работа. Александр снова склонился над кульманом, и его рука, дрожащая и уверенная, с той решимостью, которая рождается из веры и долга, из той веры, которую он потерял, но которая, возможно, всё ещё жила в нём, и из того долга, который он чувствовал перед своей страной и своей семьёй, начала выводить новые линии на бумаге - те линии, которые через несколько недель станут крыльями самолётов, уходящих в небо, чтобы встретить врага.

В тот же день, в одном из московских госпиталей, где пахло карболкой и йодом, где белые халаты мелькали в коридорах, как тени, а тишина палат нарушалась только редкими стонами и шагами медсестёр, которые не знали отдыха, потому что раненые не выбирают времени, чтобы получить свои раны, Настя сидела у постели своей подруги, медсестры Кати, которая работала в этом госпитале уже третий год и видела столько смертей, что уже перестала считать их, но продолжала работать, потому что не умела иначе, потому что это была её работа, её жизнь, её судьба. Катя была моложе Насти, но её глаза, когда она говорила о своей работе, были старше её возраста - они видели слишком много боли, слишком много смерти, слишком много того, что нельзя забыть, что нельзя стереть из памяти, что остаётся с тобой навсегда, как шрам на душе, который никогда не заживает до конца.

- Настя, - сказала Катя, когда они остались одни в палате, и голос её звучал шёпотом, как будто даже стены могли подслушать, как будто даже тишина могла предать, - ты знаешь, что они готовятся? Мне вчера привезли раненых с границы. Четыре человека. Их самолёт упал при разведке, немцы сбили. Они говорят, что там - не просто учения. Там - скопление войск. Танки, самолёты, пехота. Это не может быть случайностью, это не может быть ошибкой, это не может быть ничем, кроме подготовки к войне, кроме подготовки к тому, что должно случиться, кроме подготовки к тому, что мы все боимся, но не можем остановить.

Настя сидела на табурете, и её руки, сложенные на коленях, дрожали мелкой дрожью, которую она не могла унять, которую она не могла скрыть, потому что её тело знало то, чего её разум не хотел признавать: что мир, который она знала, рушится, что её жизнь, её семья, её муж, её дети - всё это может исчезнуть в одно мгновение, как исчезает дым на ветру, как исчезает снег весной, как исчезает надежда, когда ты понимаешь, что не можешь ничего изменить, ничего спасти, ничего сохранить. Она думала о Саше, о детях, о том, что всё, что она знала о жизни, может рухнуть в одно мгновение, как дом из карт, как замок из песка, как та хрупкая, иллюзорная безопасность, в которой она жила все эти годы, и она не знала, что делать, не знала, как быть, не знала, как жить, если мир перевернётся, если всё, что она любила, будет уничтожено, если она останется одна с детьми, без мужа, без надежды, без веры.

- Катя, - сказала она, и голос её прерывался от той боли, которую она носила в себе, от той боли, которая не находила выхода, от той боли, которая душила её, как душит вода, когда ты тонешь, - Саша подал заявление в военкомат. Он сказал, что пойдёт, если начнётся, что он не может оставаться в тылу, когда другие будут умирать, что его место там, где нужны его руки, где нужна его голова, где нужна его вера. Что же мне делать, Катя? Как я буду одна? С детьми, без него, когда всё рухнет, когда начнётся война, когда не будет ни еды, ни тепла, ни света, ни надежды, ничего, кроме страха и отчаяния?

Катя подошла к ней, обняла, и её руки, привыкшие к перевязкам и уколам, были тёплыми и уверенными, как руки человека, который знает, что делать, даже когда не знает, как, как руки человека, который видел слишком много смертей, чтобы бояться жизни, и слишком много жизни, чтобы бояться смерти. Она не стала говорить, что всё будет хорошо, потому что знала: такие слова - ложь, и ложь опаснее правды, потому что она создаёт иллюзию, которая рушится, когда ты сталкиваешься с реальностью, и оставляет после себя пустоту, которую ничем не заполнить. Вместо этого она сказала то, что знала как врач, как женщина, как человек, который видел слишком много смертей, чтобы верить в лёгкие исходы, но который всё

равно продолжал верить в жизнь, потому что не мог иначе, потому что это единственное, что оставалось, когда всё остальное рушилось.

- Ты будешь жить, Настя, - сказала она, и голос её был твёрдым, с той твёрдостью, которая даётся опытом, с той твёрдостью, которая приходит после того, как ты увидел, как люди умирают, но продолжаешь жить, потому что не имеешь права умереть, потому что кто-то нуждается в тебе, потому что есть те, кто будет ждать тебя, кто будет надеяться на тебя, кто будет любить тебя, даже когда ты не веришь в это сам, - ты будешь жить ради детей. Ты будешь ждать его, и ты будешь верить, что он вернётся. А если он не вернётся - ты будешь жить ради его памяти, ради того, что он сделал, ради того, что он любил, ради того, что он оставил после себя. Это тяжело, Настя, это невозможно, это страшно, это больно, но это единственный способ, это единственный путь, это единственное, что мы можем сделать, когда мир рушится и у нас ничего не остаётся, кроме нашей веры, нашей надежды, нашей любви. Женщины всегда выживают, Настя. Мы умеем ждать, мы умеем надеяться, мы умеем делать то, что нужно, даже когда кажется, что сил нет, даже когда кажется, что ничего не осталось, даже когда кажется, что надежды больше нет, и мы не сдаёмся, мы не сдаёмся никогда, потому что если мы сдадимся, кто будет помнить тех, кто ушёл, кто будет ждать тех, кто вернётся, кто будет жить ради тех, кто не может жить?

Настя долго молчала, и в тишине палаты, где пахло лекарствами и болью, где слышалось только дыхание спящих больных и шаги медсестёр в коридоре, она почувствовала, как в её душе медленно зажигается тот огонь, который не даёт погаснуть надежде, тот огонь, который был её опорой все эти годы, тот огонь, который она считала погасшим, но который, возможно, никогда не угасал, а только ждал своего часа, чтобы зажегся вновь. Она выпрямилась, вытерла слёзы и кивнула, как кивают люди, которые принимают решение, которое изменит их жизнь, которые решают идти вперёд, несмотря ни на что, которые решают жить, даже когда кажется, что жить невозможно.

- Спасибо, Катя, - сказала она, и голос её стал твёрже, почти стальным, с той твёрдостью, которая рождается из веры, из той веры, которая не нуждается в доказательствах, потому что она живёт в душе и не может быть уничтожена ничем, - я запомню. Я буду ждать. И я буду верить. Потому что если не верить - то зачем жить? Если не надеяться - то зачем дышать? Если не любить - то зачем просыпаться каждое утро и видеть солнце, которое не знает, что мы его видим, и не знает, что мы нуждаемся в нём, как нуждаемся в свете, который освещает наш путь, даже когда мы не знаем, куда идём?

Она встала, поправила платок и вышла из палаты, оставляя подругу с её перевязками, с её больными и с той тихой, героической работой, которую женщины делали в тишине, не дожидаясь наград и славы, не дожидаясь признания и благодарности, просто делая то, что должны, потому что иначе нельзя, потому что если они не будут делать это, то никто не будет.

Военкомат, располагавшийся в старом, двухэтажном здании на окраине Москвы, где стены помнили ещё прошлую войну, а коридоры слышали шаги тех, кто уходил и не возвращался, напоминал сейчас скорее муравейник, чем учреждение, - люди толпились в коридорах, на лестницах, во дворе, и каждый из них держал в руках документы, справки, повестки, которые они приносили с собой, как приносят жертвы к алтарю, как приносят свои жизни на алтарь той страны, которую они любят, за которую они готовы умереть, потому что не могут иначе, потому что не умеют предавать, потому что не хотят жить в мире, где их страна будет порабощена, где их дети будут говорить на чужом языке, где их вера будет уничтожена. Здесь были и молодые парни, только что окончившие школу, с лицами, которые ещё не знали страха, но уже чувствовали его дыхание, уже слышали его шёпот, уже видели его тень, и старые солдаты, прошедшие Гражданскую, с сединой в волосах и шрамами на лицах, которые молча стояли в очереди, зная, что их опыт может пригодиться, даже если их возраст уже не подходит для

стройка, даже если их тела уже не те, что были раньше, даже если их души уже устали от войны, но не могут остаться в стороне, когда их страна зовёт их.

Александр стоял в этой очереди уже три часа, и его ноги затекли, а голова гудела от того шума, который поднимался вокруг него, от тех голосов, которые смешивались в единый гул, от тех лиц, которые мелькали перед его глазами, но он не уходил, не сдавался, не отступал, потому что знал: если он уйдёт сейчас, он никогда не вернётся, он никогда не сможет посмотреть себе в глаза, он никогда не сможет сказать своим детям, что он сделал всё, что мог, чтобы защитить их, чтобы защитить их страну, чтобы защитить их будущее. Он смотрел на людей вокруг себя, и в каждом из них он видел себя - того себя, который тоже боится, но не показывает страха, который тоже хочет жить, но готов умереть, потому что это единственный способ сохранить то, что ему дорого, потому что это единственный способ доказать свою любовь, потому что это единственный способ быть достойным тех, кто был до него, и тех, кто будет после него.

- Товарищ, - обратился к нему стоящий рядом пожилой мужчина, и голос его звучал хрипло, с той хрипотой, которая бывает у курильщиков с многолетним стажем, у людей, которые дышали дымом войны и пылью дорог, которые видели смерть и не боялись её, потому что знали, что рано или поздно она придёт за ними, и они готовы были встретить её, как встречают старого друга, - вы тоже доброволец? Или по повестке? Что привело вас сюда, в эту очередь, в этот шум, в эту суету, которая пахнет страхом и надеждой, отчаянием и верой, смертью и жизнью?

- Доброволец, - ответил Александр, и голос его был спокойным, с той спокойной уверенностью, которая приходит к человеку, когда он уже принял решение, когда он уже перестал сомневаться, когда он уже не может отступить, потому что отступить было бы хуже, чем умереть, - я инженер. Работаю на авиазаводе, проектирую самолёты, черчу крылья, считаю нагрузки, делаю то, что умею, то, что люблю, то, что считаю своим долгом. Но я не могу сидеть в тылу, когда они наступают, не могу смотреть на карту и знать, что мои чертежи будут летать без меня, не могу ждать, пока кто-то другой решит мою судьбу, пока кто-то другой скажет мне, что я должен делать, пока кто-то другой определит, где моё место. Я должен быть там, где нужны мои руки, где нужна моя голова, где нужна моя вера, и я готов идти, я готов умереть, я готов отдать свою жизнь за свою страну, за свою семью, за своих детей, за свою веру, за свою надежду, за свою любовь.

Мужчина кивнул, и в его глазах мелькнула та искра уважения, которая бывает у людей, когда они встречают человека, готового пожертвовать собой ради общего дела, когда они видят в нём того, кого они сами хотели бы быть, но не могут, потому что возраст, потому что здоровье, потому что те обстоятельства, которые сильнее их воли, но не сильнее их духа. Он протянул руку, и Александр пожал её, чувствуя её тепло, её силу, её жизнь, и в этом рукопожатии было больше, чем в любых словах - было единство, была братство, была та связь, которая соединяет людей, когда они понимают, что они - одна страна, один народ, одна семья, одна вера, одна надежда, одна любовь.

- Молодец, - сказал он, и голос его стал мягче, почти отцовским, с той нежностью, которая бывает у старых солдат, когда они говорят с молодыми, которые идут на войну, зная, что могут не вернуться, но не могут поступить иначе, - молодец. Не каждый решается, не каждый находит в себе силы, не каждый может сказать «я иду», когда страшно, когда холодно, когда темно, когда не знаешь, что ждёт тебя за поворотом, за следующим холмом, за следующим днём. Я сам старый солдат, прошёл всё, что было после семнадцатого, видел всё, что можно было увидеть, и знаю, что война - это не только пули, не только кровь, не только смерть, это ещё и вера, вера в то, что мы делаем правильное дело, вера в то, что мы - те, кто должен защищать эту землю, вера в то, что мы не можем отступить, потому что если мы отступим, то не будет ни земли, ни веры, ни нас. Не теряйте её, товарищ. Она вам пригодится. Она вам поможет. Она вас спасёт. Я знаю, о чём говорю.

Александр ничего не ответил, но в его душе что-то перевернулось, как переворачивается камень, под которым жила долгая, тёмная тишина, как переворачивается страница, на которой написано прошлое, и открывается новая, чистая, на которой ещё ничего не написано, но которая уже ждёт своего часа, чтобы быть заполненной словами, которые останутся навсегда. Он чувствовал, что в этой очереди, среди этих незнакомых людей, среди этих лиц, которые он видел впервые и, возможно, никогда не увидит снова, он был не один, что все они - одна семья, одна страна, один народ, который не даст себя сломать, который не даст себя победить, который не даст себя уничтожить, потому что он помнит, кто он, и помнит, откуда он, и помнит, зачем он здесь.

Когда подошла его очередь, он протянул своё заявление военному - молодому лейтенанту с усталым лицом и глазами, которые видели слишком много бумаг, но ещё не видели войны, ещё не знали, что такое смерть, ещё не понимали, что такое боль, но уже чувствовали её приближение, уже слышали её дыхание, уже видели её тень на стенах этого старого здания, которое уже не раз провожало людей на войну и не раз встречало их, когда они возвращались, или не встречало, потому что они не возвращались. Александр сказал коротко, по-военному, с той твёрдостью, которая рождается из долга и веры:

- Прошу зачислить меня добровольцем в случае войны. Инженер-конструктор, годен к строевой. Род войск - любой, где мои руки и моя голова будут нужны больше всего, где я смогу принести наибольшую пользу, где я смогу сделать то, что должен, где я смогу быть полезен своей стране, своей семье, своему народу.

Лейтенант бегло просмотрел бумаги, и его лицо осталось бесстрастным, с той внешней, показной бесстрастностью, которая должна была скрывать его внутренние чувства, но в глазах мелькнула та же искра, что и у старика в очереди - искра уважения, искра понимания, искра той тихой, спокойной веры в то, что они не одни, что их страна не одна, что их народ не один, что есть те, кто готов идти до конца, кто готов умереть, чтобы жили другие.

- Хорошо, товарищ инженер, - сказал он, и голос его был ровным, но в нём слышалась та теплота, которая бывает у людей, когда они встречают тех, кто достоин уважения, - мы свяжемся с вами. Будьте готовы. И не теряйте веры. Она вам понадобится.

Александр вышел из военкомата, и его шаги были легче, чем три часа назад, потому что он уже не нёс в себе груз принятия решения - он уже принял его, и теперь оставалось только ждать, когда время приведёт его к тому часу, который уже отсчитывал где-то в Берлине Гитлер, глядя на свою карту и думая, что он уже победил, думая, что он уже выиграл, думая, что он уже тот, кто перекроит мир по своему образу и подобию, но не знающий, что есть силы, которые сильнее его воли, сильнее его армии, сильнее его ненависти, сильнее его веры в самого себя.

В Богоявленском соборе, в тишине вечера, когда только лампы горели перед иконами, и их жёлтый, трепетный свет освещал потемневшие лики святых, делая их живыми и почти осязаемыми, как будто они смотрели на отца Николая с той же любовью и той же печалью, что и он на них, он служил молебен о защите России. Прихожан было немного - те, кто знал, что священник не боится молиться даже в те времена, когда молитва могла быть расценена как преступление, когда вера была объявлена пережитком прошлого, когда верующих ссылали и расстреливали, когда храмы разрушали и сжигали, - и их лица, бледные и встревоженные, с той глубокой, внутренней верой, которая жила в душе каждого, были обращены к алтарю, к тем святым ликам, которые смотрели на них с вековой мудростью и печалью, как будто они знали, что грядёт, и как будто они обещали им свою защиту, свою помощь, свою любовь, свою веру.

Отец Николай стоял перед иконой Богородицы, и его голос, когда он читал молитвы, был тих, но полон той веры, которая была его опорой, той веры, которая не давала ему упасть духом даже в самые тёмные времена, даже когда казалось, что надежды больше нет, даже когда мир рушился вокруг него, даже когда смерть смотрела ему в глаза и шептала ему о том, что он может стать следующим, что его жизнь - это хрупкая нить, которая может оборваться в любой момент,

и что никто не сможет защитить его, кроме Бога, кроме той веры, которая была его опорой, кроме той надежды, которая была его силой, кроме той любви, которая была его жизнью. Он молился о том, чтобы Господь сохранил их землю от врага, чтобы Он дал им силы выдержать испытания, которые уже стояли на пороге, чтобы Он не дал им потерять человеческое лицо, даже когда вокруг будет только боль, разрушение и смерть, чтобы Он укрепил их веру, чтобы Он дал им надежду, чтобы Он наполнил их любовью, которая сильнее смерти, сильнее войны, сильнее всего, что может встать на их пути.

Среди прихожан стоял старый казак, тот самый, что помнил ещё Первую мировую войну, и его лицо, изрезанное глубокими морщинами, которые были вырезаны годами тяжёлого труда и страха, годами потерь и разочарований, годами надежд и отчаяний, было обращено к иконе, а его губы шевелились в беззвучной молитве, той молитве, которая была его опорой все эти годы, той молитве, которая помогала ему выжить, когда всё вокруг рушилось, когда умирали его друзья, когда исчезали его близкие, когда мир, который он знал, переставал существовать. Когда служба закончилась, он подошёл к отцу Николаю, и его голос, когда он говорил, был хриплым, с той хрипотой, которая бывает у людей, когда они говорят о том, что видели своими глазами и что не могут забыть, но в нём слышалась та мудрость, которая рождается только из опыта, из того опыта, который нельзя ни купить, ни украсть, который даётся только тем, кто прошёл через огонь и воду, через смерть и жизнь, через отчаяние и надежду.

- Батюшка, - сказал он, и в голосе его слышалась та тревога, которую он носил в себе уже много дней, которую не мог ни с кем разделить, потому что боялся, что его слова могут быть восприняты как измена, как паника, как слабость, - я чувствую, что война близка. Я чувствую это всем своим существом, я чувствую это в своей крови, в своих костях, в своей душе, я чувствую это так же, как чувствовал в четырнадцатом, когда мы шли в бой, и в восемнадцатом, когда мы отступали, и в двадцатом, когда мы собирались с силами и снова шли вперёд. Мы должны быть готовы, мы не должны терять времени, мы не должны позволить врагу застать нас врасплох, мы не должны сидеть и ждать, пока он придёт к нам, мы должны встретить его, мы должны остановить его, мы должны показать ему, что наша земля не прощает тех, кто приходит на неё с мечом.

Отец Николай благословил его, и его рука, дрожащая и уверенная, с той силой, которая передаётся только через веру, коснулась лба, груди и плеч старого казака, и его голос, когда он говорил, был тих, но полон той веры, которая была его опорой, той веры, которая не давала ему упасть духом, той веры, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии, той веры, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути:

- Готовьтесь, братья, готовьтесь к тому, что грядёт, готовьтесь к тем испытаниям, которые ждут нас впереди, готовьтесь к тому, что будет тяжело и страшно, и больно, и горько, и что не будет никого, кто мог бы помочь нам, кроме нас самих и Господа, который видит нас и слышит нас, и не оставляет нас, даже когда кажется, что мы одни, даже когда кажется, что надежды больше нет, даже когда мир рушится вокруг нас. Но не бойтесь, не позволяйте страху овладеть вашими душами, не дайте отчаянию затуманить ваш разум, не дайте сомнению сломить вашу веру, ибо Господь с нами, и Он не оставит нас, Он будет с нами в бою и в мире, в жизни и в смерти, в победе и в поражении, в радости и в горе, и Он даст нам силы выстоять, не сломаться, не потерять веры, не отчаяться, не предать, не упасть, не сдаться. Молитесь, братья, и верьте, что даже в самой тёмной ночи есть свет, который не погаснет, пока мы не перестанем в него верить, пока мы не перестанем молиться, пока мы не перестанем надеяться, пока мы не перестанем любить.

Казак перекрестился широким, размашистым жестом, и в этом жесте была вся его жизнь, все его потери и все его надежды, все его страхи и все его победы, все его сомнения и вся его вера. Он вышел из храма, и его шаги, хоть и тяжёлые, были уверенными, как шаги человека,

который знает, куда идёт, который не боится того, что ждёт его впереди, потому что он знает, что его земля помнит его, и что он помнит её, и что это сильнее любого врага, сильнее любой войны, сильнее любой смерти. А отец Николай остался один в алтаре, и его молитва продолжалась до самого рассвета - за брата, за страну, за всех, кто будет стоять на своей земле до последнего вздоха, за всех, кто будет умирать и побеждать, за всех, кто будет помнить и не забывать, за всех, кто будет жить и надеяться, за всех, кто будет любить и верить.

Ночь опускалась на Москву, на её тёмные, безмолвные улицы, где только редкие фонари освещали брусчатку, и их свет был бледным, почти призрачным, как свет, который бросает надежда на лицо умирающего, как свет, который горит в душе, когда ты прощаешься с тем, что тебе дорого, и не знаешь, увидишь ли ты это снова. Александр вернулся домой поздно, когда Настя уже легла спать, утомлённая бесконечными заботами и тревогами, которые не давали ей покоя ни днём, ни ночью, как тени, как те неотступные спутники, которые всегда следуют за человеком, которые не дают ему забыть о том, что грядёт, о том, что уже стоит на пороге. Он подошёл к кровати, посмотрел на её лицо, безмятежное и спокойное, с той тихой, светлой улыбкой, которая бывает у женщин, когда они спят, когда они не знают страха, когда они не чувствуют боли, когда они находятся в том мире, где нет войны, нет смерти, нет разлуки, только тишина и покой, и его сердце сжалось от любви и боли, от той мысли, что он может потерять её, что он может не увидеть её лица снова, когда уйдёт туда, куда его призовут, что он может не услышать её голоса, не почувствовать тепла её рук, не увидеть её глаз, которые смотрели на него с такой любовью, что он не мог выдержать этого взгляда, потому что он был слишком чистым и слишком сильным.

Но он не лёг, потому что его мысли были заняты другим - тем, что он должен был сделать до того, как уйдёт, тем, что он должен был оставить после себя, тем, что должно было остаться, когда его не станет, чтобы те, кто останется, помнили его, чтобы они знали, что он любил их, что он думал о них, что он сделал всё, что мог, чтобы защитить их, чтобы спасти их, чтобы дать им будущее. Он сел за свой старый, потёртый стол, открыл ящик, где лежала чистая бумага и ручка, и его рука, дрожащая и уверенная, с той решимостью, которая рождается из веры и долга, из той веры, которую он потерял, но которая, возможно, всё ещё жила в нём, и из того долга, который он чувствовал перед своей семьёй и своей страной, начала выводить слова - слова, которые он не решался сказать вслух, но которые должен был написать, чтобы они остались, чтобы они были прочитаны, чтобы они были поняты, чтобы они были сохранены в памяти тех, кто будет после него.

«Николай, мой брат, моя кровь, моя душа, - писал он, и каждая буква давалась ему с трудом, как будто он выцарапывал их на камне, как будто каждое слово было тяжелее, чем предыдущее, как будто он писал не просто письмо, а своё завещание, своё прощание, свою последнюю волю, - я пишу тебе в ночь перед тем, как уйти. Я подал заявление в военкомат, я решил, что должен быть там, где моя страна будет воевать, где мои руки и моя голова будут нужны больше всего, где я смогу сделать то, что должен, где я смогу быть полезным, где я смогу доказать свою любовь к Родине, свою веру, свою надежду. Если я не вернусь - береги Настю и детей. Береги их, как берегли наши предки, как берегли все, кто был до нас, как берегли те, кто не сдался и не предал, кто сохранил свою веру и свою честь, и передал их нам, чтобы мы могли идти по их следам, чтобы мы могли продолжать их дело, чтобы мы могли передать их веру нашим детям и внукам, чтобы она никогда не угасла. Помни: мы - Берёзовы, мы - те, кто хранит веру и любовь к Родине. Мы всегда возвращаемся или умираем за веру и Родину, и нет другого пути, нет другой судьбы, нет другой жизни, потому что мы - те, кто не сдаётся и не предаёт, и не будет сдаваться и предавать, пока мы живы, пока мы помним, пока мы верим, пока мы любим. Прости меня за всё, что я сделал, за то, что я отрёкся от нашей веры, за то, что я отвернулся от тебя, за то, что я предал нашу память, за то, что я забыл, кто я и откуда я,

за то, что я забыл, за что умирали наши деды и за что живут наши дети. Я люблю тебя, брат. Твой брат Александр».

Он перечитал письмо несколько раз, и каждая строка отзывалась в его душе болью, которая была острее, чем любая физическая рана, потому что она была болью прощания, болью разлуки, болью того, что он оставлял позади, но не мог взять с собой. Он не знал, дойдёт ли это письмо до брата, и дойдёт ли оно вообще, в этом мире, где всё рушится, где каждое слово может быть перехвачено, каждое письмо может быть потеряно, каждая надежда может быть уничтожена, но он знал, что должен его написать, потому что это было единственное, что он мог оставить после себя - слова, которые расскажут о его любви, о его страхе, о его надежде, о его вере, которая, как он теперь понимал, никогда не угасала, а только ждала своего часа, чтобы зажечься вновь, освещая его путь в той темноте, которая уже сгустилась над его страной, над его народом, над его семьёй.

Он положил письмо в конверт, надписал адрес - тот, который он помнил с детства, тот, который был написан на его сердце, как татуировка, которую нельзя стереть, - и спрятал его в ящик стола, рядом с молитвословом прадеда, который пах деревом и вечностью, который был его связью с прошлым, с теми, кто был до него, с теми, кто передал ему эту веру и эту землю, с теми, кто не сдался и не предал, кто сохранил свою веру и свою честь, и передал их ему, чтобы он мог идти по их следам, чтобы он мог продолжать их дело, чтобы он мог передать их веру своим детям и внукам, чтобы она никогда не угасла. Потом он подошёл к окну, и его глаза, когда он смотрел в ночное небо, увидели звёзды - те же звёзды, которые видели его предки, которые смотрели на них, когда они шли в бой, которые светили им в пути, которые были их путеводителями и их надеждой, и его голос, когда он шепнул, был тих, но полон той веры, которая была его опорой, той веры, которая не давала ему упасть духом, той веры, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии:

- Берёза, мы ждём. Мы готовы к тому, что грядёт. Мы готовы к смерти и к жизни, к победе и к поражению, к радости и к горю, к счастью и к боли, ко всему, что может случиться, ко всему, что может изменить нас, ко всему, что может разрушить нас, но не уничтожить, потому что мы не уничтожаемся, мы продолжаемся, мы живём, мы помним, мы верим, мы надеемся, мы любим. Защити нас, как ты защищала наших предков, как ты защищала нашу веру, как ты защищала всё, что нам дорого, как ты защищала нашу землю, нашу жизнь, нашу смерть, нашу судьбу, нашу историю, нашу вечность.

Он перекрестился впервые за много лет - широким, размашистым жестом, как крестились его отец и дед, как крестились все те, кто был до него, кто передал ему эту веру и эту надежду, и его рука, дрожащая и неуверенная, с той неловкостью, которая бывает у людей, когда они делают то, что давно не делали, когда они возвращаются к тому, что было их опорой, но что они отвергли, коснулась лба, груди и плеч. И в этом жесте была та вековая сила, которая передавалась от поколения к поколению, от битвы к битве, от надежды к надежде, сила, которая не требует доказательств, потому что она живёт в душе и не может быть уничтожена ничем - ни страхом, ни сомнением, ни смертью. Он лёг на кровать, рядом с Настей, и впервые за долгие ночи он не думал о чертежах, не думал о войне, не думал о смерти - он думал только о том, что его душа, уставшая и встревоженная, наконец-то нашла покой, тот покой, который даётся верой, той верой, которая не знает страха, потому что знает, что даже в самой тёмной ночи есть свет, и этот свет не погаснет, пока есть те, кто в него верит, пока есть те, кто надеется, пока есть те, кто любит.

В то же утро, когда рассвет только начинал разливаться над Москвой, окрашивая купола церквей и шпили Кремля в розовый и золотой, когда солнце поднималось над городом, такое же ясное и тёплое, как вчера, как позавчера, как тысячи лет назад, по городу пронёсся слух - не подтверждённый, не опровергнутый, но уже успевший проникнуть в сердца тысяч людей, как проникает вода в корабль через едва заметную трещину, как проникает страх в душу через ту

цель, которую оставляет сомнение, когда ты не знаешь, чему верить, но чувствуешь, что что-то не так: немцы перешли границу. Слух этот был ложным, но он был тем предвестником, той тенью, которая всегда идёт впереди реальности, готовя людей к тому, что они не хотят принять, готовя их к тому, что должно случиться, готовя их к той боли, которая уже стоит на пороге и ждёт только часа, чтобы войти в их жизнь. Люди выходили на улицы, смотрели на небо, искали в нём самолёты, которых ещё не было, и прислушивались к тому, что не могли услышать, но чувствовали всем своим существом - к гулу, который приближался с запада, к тому гулу, который станет реальностью через несколько недель, когда часы пробьют четыре часа утра, когда граница рухнет, а война начнётся, и этот день станет тем днём, который разделит их жизнь на «до» и «после», на мир и войну, на надежду и отчаяние.

Александр проснулся от того, что Настя стояла над ним и смотрела на него с той тревогой, которую он не мог не заметить, с той тревогой, которая жила в её душе все эти недели, с той тревогой, которая не давала ей спать по ночам, которая заставляла её просыпаться от малейшего шороха, которая делала её жизнь тяжелее, чем она была, и которая сейчас, в это утро, была особенно острой, потому что она тоже слышала этот слух, и её сердце сжалось от страха за него, за детей, за их будущее. Она молчала, но её глаза говорили больше, чем любые слова, и он понял, что она тоже слышала этот слух, что она тоже ждала того, что должно было случиться, что она тоже боится, но не показывает страха, потому что знает: если она покажет страх, он станет сильнее, и тогда она не сможет сдерживать его, и тогда он сломает её. Он протянул руку и сжал её пальцы, и в этом прикосновении было всё, что он не мог сказать словами - любовь, страх, надежда и та тихая, спокойная уверенность, которая приходит к человеку, когда он принимает свою судьбу, какой бы она ни была, когда он понимает, что не может ничего изменить, но может принять, может выдержать, может сохранить.

- Не бойся, Настя, - сказал он, и голос его был спокоен, с той спокойной уверенностью, которая рождается из веры, из той веры, которая не нуждается в доказательствах, потому что она живёт в душе и не может быть уничтожена ничем, - я вернусь. Я не знаю, когда, но я вернусь. Я не знаю, каким, но я вернусь. Я не знаю, что будет со мной, что будет с нами, что будет с нашей страной, но я знаю, что я вернусь, потому что я должен вернуться, потому что вы ждёте меня, потому что я не могу вас оставить, потому что я люблю вас больше жизни, больше смерти, больше всего, что есть в этом мире, и эта любовь сильнее любой войны, сильнее любой разлуки, сильнее любой боли. А если не вернусь - ты знаешь, что делать. Ты знаешь, что ты сильная, что ты выдержишь, что ты сможешь, что ты не сдашься, что ты будешь жить ради детей, ради нашей памяти, ради нашей веры, ради нашей надежды, ради нашей любви. Ты сильная, Настя, я знаю это, я вижу это, я чувствую это, и я верю в тебя, как верю в Бога, как верю в нашу страну, как верю в нашу семью, как верю в нашу судьбу.

Настя кивнула, и её глаза наполнились слезами, но она не дала им пролиться, потому что знала, что слёзы - это роскошь, которую женщины могут позволить себе только тогда, когда мужчины уходят, но не тогда, когда они ещё здесь, не тогда, когда они ещё могут видеть их, не тогда, когда они ещё могут чувствовать их боль, и она сдержала их, сжала их в себе, как сжимают в кулаке что-то хрупкое, что можно раздавить, но нельзя выпустить.

- Я буду ждать, Саша, - сказала она, и голос её дрожал, но был твёрдым, как тот металл, который он обрабатывал на заводе, как та сталь, которая не гнётся и не ломается, как та вера, которая живёт в её душе и не может быть уничтожена ничем, - я буду ждать тебя. И если ты не вернёшься - я буду ждать тебя там, где мы встретимся снова, где нет войны, нет смерти, нет разлуки, где есть только свет, только любовь, только вечность, где мы будем вместе, как должны были быть всегда, как были наши предки, как будут наши дети, как будет вся наша семья, от начала до конца, от времени до вечности.

Он встал, оделся, и в этот момент его движения были такими же точными, как его чертежи - ни одного лишнего жеста, ни одной ненужной паузы, ни одного сомнительного движе-

ния, потому что он знал, что должен идти, должен быть сильным, должен быть уверенным, должен быть тем, кого она сможет запомнить, если он не вернётся. Он взял свой старый рюкзак, который собрал накануне, и, обернувшись у двери, посмотрел на неё в последний раз - так, как смотрят на тех, кого любят больше жизни, но оставляют, потому что не могут поступить иначе, потому что долг зовёт, потому что вера зовёт, потому что любовь зовёт, и он не может отказать, не может остаться, не может предать то, что для него свято.

- Я люблю тебя, Настя, - сказал он, и эти слова были проще, чем все его чертежи, чем все его расчёты, чем все его молитвы, потому что они были правдой, той правдой, которая не требует доказательств, той правдой, которая живёт в сердце и не может быть скрыта, - я люблю тебя. И я вернусь. Честное слово. Честное слово, которое я даю тебе перед Богом, перед нашей семьёй, перед нашей страной, перед нашей верой, перед нашей надеждой, перед нашей любовью.

Он вышел за дверь, и его шаги затихли на лестнице, а Настя осталась одна, стоя посреди комнаты, где пахло табаком и графитом, где на столе лежали чертежи, которые он не успел закончить, и где в ящике стола лежало письмо - то самое, которое он написал брату, то самое, которое она не должна была читать, но которое она прочтёт, когда поймёт, что он не вернётся, когда осознает, что его больше нет, когда останется одна с детьми и с памятью о нём, с той памятью, которая будет гореть в её сердце, как тот огонь, который не гаснет, пока есть те, кто помнит, пока есть те, кто верит, пока есть те, кто любит.

На улице было утро, и солнце поднималось над Москвой, такое же ясное и тёплое, как вчера, как позавчера, как тысячи лет назад, но в его свете уже чувствовалось что-то другое - не то, что должно было прийти, а то, что уже пришло, но ещё не было названо по имени, ещё не было увидено, ещё не было осознано, но уже стояло на пороге, готовое войти в их жизнь и изменить её навсегда. И когда Александр шагал по улице, направляясь к военкомату, где он должен был явиться в восемь утра, он думал о том, что этот день, возможно, будет последним мирным днём его жизни, последним днём, когда он сможет видеть солнце, не боясь, что оно скроется за дымом пожаров, последним днём, когда он сможет думать о будущем, не боясь, что его не будет, и что завтра - или послезавтра - всё изменится, изменится навсегда, и он уже не будет тем человеком, которым был вчера, потому что война меняет людей, война переплавляет души, война оставляет шрамы, которые никогда не заживают, и он не знал, сможет ли он вернуться тем, кем был, сможет ли он забыть то, что увидит, сможет ли он простить то, что сделает, но он знал одно: он делает то, что должен, и это единственное, что имеет значение, единственное, что имеет смысл, единственное, что останется с ним, даже когда всё остальное уйдёт, даже когда надежда погаснет, даже когда вера ослабнет, даже когда любовь станет воспоминанием, и он будет идти до конца, не останавливаясь, не падая, не сдаваясь, потому что он - Берёзов, и он не умеет сдаваться, потому что он - русский, и он не умеет проигрывать, потому что он - человек, и он не умеет предавать.

Глава 6. Последний мирный месяц

Май переходил в июнь тысяча девятьсот сорок первого года с той особенной, почти неловкой торопливостью, с какой природа спешит закончить свои весенние дела перед тем, как отдать себя лету, ещё не зная, что этому лету суждено стать последним мирным летом для целого поколения. Москва жила своей привычной, размеренной жизнью - заводские гудки звучали строго по расписанию, трамваи гремели на поворотах, дети бежали в школы с портфелями, в которых лежали учебники и тетради, и никто из них не знал, что через несколько недель многие из них будут собирать те же портфели в эвакуацию, а некоторые - никогда больше не увидят этих улиц. Казалось, сама жизнь, эта обычная, будничная, иногда скучная, но такая привычная и надёжная жизнь, решила показать людям всё, что они могут потерять, всё, что

они должны запомнить, всё, что они будут вспоминать в окопах и госпиталях, в эшелонах и партизанских землянках, когда вокруг не останется ничего, кроме войны.

Но в воздухе, в этом прозрачном, чуть влажном воздухе, который пах цветущей сиренью и молодыми листьями тополей, висела та невидимая тревога, которая не давала покоя никому, даже тем, кто старался не думать о том, что происходит там, за лесами и реками, за теми границами, которые ещё не были нарушены, но уже дрожали от напряжения. Газеты по-прежнему выходили с бодрыми заголовками о выполнении плана и о мирном труде советского человека, по радио звучали песни о счастливой жизни, но люди уже научились читать между строк, уже научились слышать то, что не было сказано, уже научились чувствовать то, что не было написано. Они смотрели друг на друга, и их взгляды были красноречивее любых слов, потому что в этих взглядах было всё: и тревога, и надежда, и страх, и та тихая, спокойная уверенность, которая живёт в душе народа, когда он знает, что, что бы ни случилось, он не будет один, потому что его земля помнит его, и он помнит её.

Александр ходил на завод, как обычно, как ходил все эти годы, как ходили все те, кто был до него, кто создавал эту страну своими руками, своим трудом, своей верой. Но его руки, когда он делал чертежи, работали уже не машинально, а с той напряжённой, почти отчаянной сосредоточенностью, с которой работает человек, который знает, что каждая линия, каждая цифра, каждый расчёт может быть последним, что завтра его может не быть за этим кульманом, и что тот самолёт, который он проектирует сейчас, может не успеть взлететь, или может успеть, и тогда он спасёт чью-то жизнь, и эта жизнь будет его победой, его оправданием, его вечностью. Он слышал, как в цехах перешёптывались рабочие, как в курилках, где пахло махоркой и страхом, передавали друг другу новости, которые не печатали в газетах, новости, которые доносились оттуда, с западной границы, где уже стояли танки и самолёты, и ждали только приказа, чтобы двинуться вперёд. Он молчал, потому что не мог говорить, не мог делиться тем, что знал, тем, что чувствовал, тем, что носил в себе, как носит человек тяжесть, которую нельзя сбросить, но можно только нести до конца.

Настя ходила на работу в поликлинику, и её шаги, когда она шла по улицам, были быстрыми и уверенными, как шаги женщины, которая знает, что должна быть сильной, что должна держаться, что должна не показывать страха, потому что если она покажет страх, то страх станет сильнее, и тогда он сломает её, и она не сможет защитить своих детей, не сможет ждать мужа, не сможет жить. Но внутри неё, в той глубокой, тёмной тишине, где живут самые страшные мысли, шевелилось что-то, чего она не могла контролировать, что-то, что не давало ей спать по ночам, что-то, что заставляло её просыпаться от малейшего звука, от малейшего шороха, от малейшего движения воздуха, которое могло означать, что пришла война, что её жизнь изменилась навсегда, что она больше никогда не будет той, кем была раньше.

- Настя, - сказала ей однажды её коллега, женщина средних лет, с уставшим лицом и добрыми глазами, которые видели слишком много, чтобы удивляться чему-то новому, - ты слышала, что говорят люди? Говорят, что война начнётся с минуты на минуту, что немцы уже у границы, что они только ждут сигнала. Ты не боишься? Не боишься за своего мужа, за детей, за себя?

Настя остановилась на мгновение, и её лицо, хотя и оставалось спокойным, с той внешней, показной спокойностью, которую она носила как маску, как защиту, как броню, выражало ту внутреннюю борьбу, которая шла в её душе, ту борьбу между страхом и надеждой, между отчаянием и верой, между тем, что она знала, и тем, во что она хотела верить.

- Боюсь, - ответила она, и голос её был тих, но твёрд, как сталь, как тот металл, который её муж обрабатывал на заводе, как та вера, которая была её опорой в этом мире, где всё рушилось, - боюсь. Но я не могу позволить страху управлять мной. Я должна быть сильной ради детей, ради Саши, ради всех нас. Я должна верить, что мы выстоим, что мы победим, что мы пройдем через всё это и останемся людьми. И если я перестану верить - тогда всё потеряно.

В Богоявленском соборе в те дни было необычно многолюдно. Люди, которые годами не переступали порог церкви, боясь доносов и репрессий, теперь приходили сюда, и их лица были бледны и встревожены, и в их глазах была та мольба, которая бывает у людей, когда они понимают, что их жизнь висит на волоске, и что только вера может дать им ту надежду, которую они потеряли. Они ставили свечи, крестились, шептали молитвы, и их голоса, смешиваясь в единый, нестройный шёпот, поднимались к куполу, как тот невидимый дым, который уходит в небо и просит о защите, о помощи, о спасении.

Отец Николай стоял у алтаря, и его лицо, хотя и было спокойным, с той внешней, показной спокойностью, которая была его опорой в этом мире, где всё рушилось, выражало ту внутреннюю тревогу, которая не давала ему покоя ни днём, ни ночью, которая грызла его изнутри, как червь грызёт дерево, которая не давала ему спать, не давала ему есть, не давала ему жить. Он видел, как люди приходили и уходили, как они плакали и молились, как они искали утешения и надежды, и он чувствовал их боль как свою собственную, их страх как свой собственный, их отчаяние как своё собственное. Он знал, что должен быть сильным для них, что он должен быть их опорой, их надеждой, их светом в темноте, их голосом в тишине, их верой в отчаянии, и он старался, он делал всё, что мог, но внутри него была та тихая, холодная уверенность, что война неизбежна, что она уже на пороге, что она уже стучится в их двери, что она уже требует их жизней и их крови.

- Батюшка, - обратилась к нему одна женщина, которую он часто видел в храме, - её лицо было измождённым от слёз и бессонных ночей, её руки дрожали, когда она держала свечу, - я боюсь, батюшка, я так боюсь, что война убьёт моего мужа, что он не вернётся домой, что я останусь одна, что мои дети вырастут без отца. Как мне жить с этим страхом? Как мне не сойти с ума от этой тревоги, которая не даёт мне покоя ни на минуту?

Отец Николай подошёл к ней, и его голос, когда он заговорил, был тих, но полон той веры, которая была его опорой, той веры, которая не давала ему упасть духом, той веры, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии, той веры, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути.

- Не бойся, дочь моя, - сказал он, и его рука, дрожащая и уверенная, с той силой, которая передаётся только через веру, коснулась её плеча, - не бойся, не дай страху овладеть твоей душой, не дай отчаянию сломить твою веру, не дай сомнению затуманить твой разум. Помни, что Господь никогда не оставляет тех, кто в Него верит, что Он всегда рядом, даже когда кажется, что мы одни, даже когда кажется, что надежды больше нет, даже когда мир рушится вокруг нас. Молись, дочь моя, молись всей душой, всем сердцем, всей своей жизнью, и Господь услышит тебя, Он не оставит тебя, Он не предаст тебя, Он будет с тобой в огне и в воде, в смерти и в жизни, в победе и в поражении, в радости и в горе, и Он даст тебе силы вынести всё, что выпадет на твою долю.

Женщина заплакала, и её слёзы, горячие и солёные, потекли по её щекам, но в этих слезах была уже не та безнадежность, которая была раньше, а та тихая, спокойная печаль, которая знает, что боль не исчезла, но что есть сила, которая помогает её нести, что есть свет, который виден даже в самой тёмной тьме, что есть надежда, которая не умирает, даже когда всё вокруг рушится. Она перекрестилась, поклонилась и вышла из храма, и её шаги были уже не такими тяжёлыми, как раньше, потому что она уносила с собой ту искру веры, которую получила здесь, ту искру, которая помогала ей идти дальше, даже когда всё вокруг рушилось, даже когда смерть смотрела ей в глаза, даже когда казаться, что надежды больше нет.

Однажды вечером, когда солнце уже садилось за горизонт, и его последние лучи, золотые и тёплые, заливали комнату тем мягким, уютным светом, который бывает только перед закатом, когда всё замирает в ожидании, и даже ветер, кажется, боится нарушить эту хрупкую тишину, Александр возвратился домой с повесткой. Он держал её в руках, и этот лист бумаги, такой тонкий и невесомый, казался ему тяжелее всех чертежей, тяжелее всех деталей, тяжелее

всей его жизни, потому что это был не просто лист бумаги - это был приговор, это была судьба, это был тот поворот, который разделял его жизнь на «до» и «после», на мир и войну, на жизнь и смерть.

Настя увидела его лицо, когда он вошёл, и она поняла всё без слов. Она стояла посреди комнаты, и её руки, когда она сжимала их, дрожали от того страха, который жил в её душе, от той боли, которая разрывала её сердце, от той любви, которая была её опорой, и от того отчаяния, которое охватывало её, когда она думала о том, что может потерять его. Она не плакала, потому что знала: слёзы - это роскошь, которую женщины могут позволить себе только тогда, когда мужчины уходят, но не тогда, когда они ещё здесь.

- Настя, - сказал он, и голос его, хотя и был тих, был твёрд, как сталь, как тот металл, который он обрабатывал на заводе, как та вера, которая была его опорой в этом мире, где всё рушилось, - меня вызывают для уточнения документов. Мобилизация близка, она уже на пороге, она уже здесь, она уже стучится в наши двери, она уже требует моей жизни и моей крови. Я должен идти, я должен быть там, где моя страна нуждается во мне, где моя вера нуждается во мне, где моя семья нуждается во мне.

Она подошла к нему, и её руки, дрожащие и тёплые, обняли его, и её голос, когда она заговорила, был тих, но в нём слышалась та сила, которая была её опорой, та сила, которая не давала ей упасть духом, та сила, которая была её светом в темноте и её надеждой в отчаянии, та сила, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на её пути.

- Я знала, - сказала она, и в её голосе не было упрёка, не было отчаяния, только та тихая, спокойная уверенность, которая приходит к человеку, когда он принимает неизбежное, - я знала, что так будет, я знала, что это случится, я знала, что это неизбежно, я чувствовала это, я знала, что война уже на пороге, что она уже стоит у наших дверей, что она уже требует наших жизней и нашей крови. Мы готовы, Саша, мы справимся, мы переживём это, как переживали наши предки, как переживали все те, кто был до нас, все те, кто не сдался и не предал, кто сохранил свою веру и свою честь, и передал их нам, чтобы мы могли идти по их следам, чтобы мы могли продолжать их дело, чтобы мы могли передать их веру нашим детям и внукам, чтобы она никогда не угасла.

Они стояли в обнимку в той комнате, где пахло табаком и графитом, где на столе лежали чертежи, которые он не успел закончить, где в ящике стола лежало письмо к брату, и в этом объятии было всё, что они не могли сказать словами: любовь, страх, надежда и та тихая, спокойная уверенность, которая приходит к человеку, когда он принимает свою судьбу, какой бы она ни была.

На следующий день они поехали на дачу - последний выходной перед войной, последний мирный день, который они проводили вместе, последний день, когда они могли быть семьёй, не думая о войне, о смерти, о разлуке, о той тьме, которая уже сгушалась над ними. Солнце светило ярко, и его лучи, тёплые и ласковые, пробивались сквозь зелёные кроны деревьев, создавая ту особую, уютную атмосферу, которая бывает только на даче в хорошую погоду, когда всё вокруг дышит миром и покоем, когда всё вокруг кажется вечным и неизменным, когда время, кажется, останавливается, и можно забыть о том, что за пределами этого маленького рая есть война, смерть, страдания, отчаяние, боль, пустота, тишина.

Александр гулял с детьми по лесу. Его шаги, когда он шёл по тропинкам, были медленны и задумчивы, как у человека, который хочет запомнить каждое мгновение, каждый звук, каждый запах, каждый луч света, каждый лист, каждую травинку, каждую каплю росы, каждую птицу, которая поёт на ветке, каждую бабочку, которая порхает над цветами, каждый миг этой мирной, беззаботной жизни, которая должна была стать его прошлым, его памятью, его вечностью. Он собирал берёзовые ветки, и его голос, когда он говорил, был тих, но в нём слышалась та любовь, которая была его опорой, та любовь, которая согревала его душу даже в

самые холодные дни, даже когда смерть смотрела ему в глаза, даже когда казаться, что надежды больше нет, даже когда мир рушился вокруг него.

- Смотрите, дети, - сказал он, указывая рукой на белые стволы, которые тянулись к небу, как те молитвы, которые возносятся к Богу и просят Его о защите, - смотрите на эти берёзы. Берёза - это символ России, символ нашей страны, символ нашей веры, символ нашей надежды, символ нашей любви, символ нашей жизни, символ нашей смерти, символ нашей судьбы, символ нашей истории, символ нашей вечности. Она выживает в любую зиму, в любой мороз, в любую стужу, в любую бурю, в любой ветер, и она не сдаётся, она не ломается, она не падает, она не гнётся, она не умирает, она стоит, как стояла всегда, как будет стоять всегда, как стоит вера, как стоит надежда, как стоит любовь, как стоит жизнь, как стоит смерть, как стоит судьба, как стоит история, как стоит вечность.

Коля и Катя слушали, и их лица, когда они смотрели на отца, выражали то понимание, которое приходит к детям, когда они чувствуют важность момента, когда они понимают, что их жизнь вот-вот изменится, и что они должны запомнить это мгновение навсегда, что они должны сохранить его в своих сердцах, как память о том, что было, как надежду на то, что будет, как веру в то, что всё будет хорошо, как любовь к той жизни, которая была у них до войны, и к той жизни, которая будет у них после войны.

Коля подошёл к отцу и сказал, и в его голосе была та серьёзность, которая бывает у детей, когда они начинают понимать, что мир не так прост, как им казалось раньше:

- Папа, ты ведь вернёшься, правда? Ты ведь не уйдёшь навсегда? Ты ведь вернёшься к нам, к маме, к нам, к нашей семье? Ты же не оставишь нас одних в этом мире, который рушится, в этом мире, где нет никого, кроме нас, и где мы не знаем, что будет завтра, и где мы не знаем, увидим ли мы тебя снова, и где мы не знаем, сможем ли мы жить без тебя?

Александр присел на корточки перед сыном, и его глаза, когда он смотрел на него, были полны той любви, которая была его опорой, той любви, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути.

- Вернусь, сын, - сказал он, и голос его был твёрд, как сталь, как тот металл, который он обрабатывал на заводе, как та вера, которая была его опорой, - вернусь. Я обещаю тебе, я обещаю вам всем, что я вернусь, потому что я не могу не вернуться, потому что вы ждёте меня, потому что я люблю вас больше жизни, больше смерти, больше всего, что есть в этом мире, и эта любовь сильнее любой войны, сильнее любой разлуки, сильнее любой боли. А если я не вернусь - вы должны знать, что я ушёл, чтобы защитить вас, чтобы вы могли жить, чтобы вы могли дышать, чтобы вы могли видеть солнце, чтобы вы могли любить, чтобы вы могли надеяться, чтобы вы могли верить, чтобы вы могли быть теми, кто не сдаётся и не предаёт, кто сохраняет свою веру и свою честь, и передаёт их своим детям и внукам, чтобы они знали, кто они и откуда они, чтобы они знали, за что мы сражались и умирали, чтобы они знали, что мы не сдались и не предали, что мы сохранили свою веру и свою честь, и передали её им.

Катя подошла к нему, обняла его, и её голос, когда она говорила, дрожал от той любви, которая была её опорой, от того страха, который жил в её душе, от той надежды, которая была её светом в темноте и её силой в борьбе:

- Я буду молиться за тебя, папа, я буду молиться каждый день, каждую минуту, каждое мгновение, каждое дыхание, я буду просить Бога, чтобы он сохранил тебя, чтобы он вернул тебя домой, чтобы мы снова были вместе, чтобы мы снова могли быть семьёй, как раньше, как всегда, как должны быть.

Он обнял их обоих, и они стояли так, под этими берёзами, которые росли в этой земле, и солнце светило на них, и ветер шевелил их волосы, и всё вокруг было таким мирным и спокойным, что казалось, будто войны никогда не было и никогда не будет, казалось, будто время остановилось, и этот момент будет длиться вечно, и ничего не изменится, и всё останется как есть.

Вечером, когда солнце уже садилось за горизонт, и его последние лучи, золотые и тёплые, золотили верхушки деревьев, создавая ту особую, волшебную атмосферу, которая бывает только перед закатом, когда мир, на мгновение, становится лучше и светлее, когда все печали и тревоги отступают, уступая место той тихой, спокойной радости, которая живёт в сердце каждого человека, Александр стоял у берёзы на даче. Его лицо, когда он смотрел на неё, выражало ту любовь и ту память, которые были его опорой, ту любовь, которая связывала его с его предками, и ту память, которая хранила образы тех, кто был до него, тех, кто передал ему эту веру и эту землю, тех, кто не сдался и не предал, кто сохранил свою веру и свою честь, и передал их ему, чтобы он мог идти по их следам, чтобы он мог продолжать их дело, чтобы он мог передать их веру своим детям и внукам, чтобы она никогда не угасла.

Он сорвал лист берёзы, и его пальцы, когда он прятал его в карман, дрожали от волнения, от той надежды, которая вдруг зажглась в его душе, от той веры, которую он считал потерянной, но которая, возможно, никогда не угасала, а только ждала своего часа, ждала того момента, когда он будет готов принять её, когда он будет готов поверить в неё, когда он будет готов вернуться к тому, что было, к той вере, которая была опорой его предков, и которая должна была стать опорой его детей и внуков.

- Берёза, - сказал он, и его голос был тих, но полон той веры, которая была его опорой, той веры, которая не давала ему упасть духом, той веры, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии, той веры, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути, - я иду защищать тебя, я иду защищать Россию, я иду защищать нашу веру и наши семьи, я иду защищать всё то, что нам дорого, всё то, что мы любим, всё то, что составляет смысл нашей жизни, всё то, что мы должны передать нашим детям и внукам, чтобы они знали, кто мы и откуда мы, чтобы они знали, за что мы сражались и умирали, чтобы они знали, что мы не сдались и не предали, что мы сохранили свою веру и свою честь, и передали их им. Я вернусь или умру за неё, как умирали мои предки, как умирали все, кто был до меня, как умирали все, кто не сдался и не предал, кто сохранил свою веру и свою честь, и передал их нам, чтобы мы могли идти по их следам, чтобы мы могли продолжать их дело, чтобы мы могли передать их веру нашим детям и внукам, чтобы она никогда не угасла.

Он перекрестился широко, размашисто, и его рука, дрожащая и уверенная, с той силой, которая передаётся только через веру, коснулась лба, груди и плеч, и он почувствовал, как его душа, уставшая и встревоженная, наполняется той тихой, спокойной решимостью, которая была его опорой, той решимостью, которая не знала страха, и той надеждой, которая была сильнее любого сомнения, и той верой, которая была сильнее любой смерти. Он пошёл обратно к дому, и его шаги были твёрдыми и уверенными, как шаги человека, который знает, куда он идёт, который не боится того, что ждёт его впереди, потому что он знает, что его земля помнит его, и что он помнит её, и что это сильнее любого врага, сильнее любой войны, сильнее любой смерти.

Ночь опускалась на дачу, на её тёмные, безмолвные комнаты, и в комнате, где спали дети, было тихо и темно, так тихо, что слышно было только их дыхание, их ровное, спокойное дыхание, которое, как тихая, уютная мелодия, успокаивало душу, давало покой и надежду, напоминало о том, что жизнь продолжается, что свет всегда побеждает тьму, что добро всегда побеждает зло, что вера всегда побеждает сомнение, что любовь всегда побеждает смерть. Александр не спал, и его глаза, когда он смотрел на спящих Колю и Катю, на их безмятежные лица, которые ещё не знали, что такое война, которые ещё не знали, что такое смерть и страдания, которые ещё не знали, что такое отчаяние и боль, которые ещё не знали, что такое тьма и холод, которые ещё не знали, что такое пустота и тишина, наполнялись той любовью, которая была его опорой, той любовью, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути.

Он стоял у окна и смотрел в ночное небо, и его голос, когда он шептал молитву, был тих, но полон той веры, которая была его опорой, той веры, которая не давала ему упасть духом, той веры, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии, той веры, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути:

- Господи, - шептал он, и его голос дрожал от той веры, которая наконец проснулась в его душе, от той надежды, которая наконец вернулась к нему, от той любви, которая наконец согрела его сердце, - сохрани их, сохрани моих детей, сохрани их от всех бед и напастей, от войны и смерти, от голода и холода, от отчаяния и страха, от потери веры и надежды. Сохрани Россию, сохрани нашу землю, сохрани нашу веру, сохрани нашу надежду, сохрани нашу любовь, сохрани нашу жизнь, сохрани нашу смерть, сохрани нашу судьбу, сохрани нашу историю, сохрани нашу вечность. Сохрани всё, что нам дорого, всё, что мы любим, всё, что составляет смысл нашей жизни, всё, что мы должны передать нашим детям и внукам, чтобы они знали, кто мы и откуда мы, чтобы они знали, за что мы сражались и умирали, чтобы они знали, что мы не сдались и не предали, что мы сохранили свою веру и свою честь, и передали их им. Аминь.

Он лёг, но не сомкнул глаз до самого утра, чувствуя, как его душа, уставшая и встревоженная, находит тот покой, который даётся только верой, тот покой, который не могут дать никакие земные блага, тот покой, который не может дать ни война, ни победа, ни поражение, ни жизнь, ни смерть, ни время, ни вечность, тот покой, который даётся только тем, кто верит, только тем, кто надеется, только тем, кто любит, только тем, кто не сдаётся и не предаёт, только тем, кто идёт до конца, как шли его предки, как велит ему его вера, как велит ему его долг перед Богом и перед Россией. Он знал, что завтра будет новый день, что завтра начнётся та война, которая должна была изменить всё, которая должна была решить судьбу России и всего мира, которая должна была стать самой страшной, самой кровавой, самой разрушительной из всех войн, которые когда-либо знало человечество, и он будет готов к тому, что ждёт его впереди, готов к смерти и к жизни, к победе и к поражению, к радости и к горю, ко всему, что бы ни случилось, потому что за ним стояла его вера, его семья, его Россия, и потому что он знал, что Берёзовы не сдаются, они не отступают, они не предаются, они не теряют веры, они не теряют надежды, они не теряют любви, они идут до конца, как шли их предки, как велит им их вера, как велит им их долг перед Богом и перед Россией, перед теми, кто ждёт их дома, перед теми, кто верит в них и надеется на них, перед теми, кто молится за них каждый день, каждую минуту, каждое мгновение, каждое дыхание, и они всегда возвращаются, всегда возвращаются к тому, что им дорого, к тому, что они любят, к тому, что составляет смысл их жизни, к тому, что они должны защитить любой ценой, к тому, что они должны передать своим детям и внукам, чтобы они знали, кто они и откуда они, чтобы они знали, за что они сражались и умирали, чтобы они знали, что они не сдались и не предали, что они сохранили свою веру и свою честь, и передали их им.

Глава 7. Суббота 21 июня

Утро двадцать первого июня тысяча девятьсот сорок первого года встало над Москвой с той обманчивой, почти нереальной ясностью, которая бывает только перед великими катастрофами, когда природа, словно желая дать людям последний шанс запомнить красоту мира, разворачивает перед ними всё своё великолепие - небо, чистое и глубокое, как сапфир, в котором купается солнце, ещё не жаркое, но уже тёплое, ласковое, обещающее лето, и воздух, прозрачный до звона, до хруста, до той особенной, почти болезненной остроты, когда каждый звук слышен за версту, каждый запах различим, каждое движение ощутимо. Казалось, сам мир замер в предчувствии, прислушиваясь к чему-то, что должно было случиться, но ещё не случилось, и в этой тишине, в этой неподвижности было что-то от той последней минуты перед грозой,

когда даже листья перестают шевелиться, даже птицы умолкают, и только где-то далеко слышен тот неясный, но уже неумолимый гул, который приближается, нарастает, заполняет собой всё пространство, обещая, что мир, который ты знаешь, больше никогда не будет прежним.

Суббота. Москва просыпалась, и это пробуждение было таким же, как и в сотни других суббот, когда город, освобождённый от рабочих будней, дышал особенно легко и свободно, когда на улицах было больше детей, больше смеха, больше той беззаботной, почти праздничной атмосферы, которая так ценится теми, кто знает цену мирным дням. Люди выходили на улицы, спешили на рынки, в парки, на вокзалы, чтобы уехать на дачи, чтобы провести выходной день с семьями, чтобы забыть о тревогах и слухах, которые витали в воздухе, чтобы просто быть счастливыми, не думая о том, что где-то там, за лесами и реками, уже стоят танки и самолёты, уже ждут своего часа, уже готовы обрушиться на эту мирную, спокойную жизнь, которая казалась им такой вечной и незыблемой.

Александр долго не вставал. Он лежал в постели, смотрел в потолок, на те старые, знакомые трещины, которые он знал с детства, которые были его спутниками все эти годы, и его глаза, хотя и были открыты, не видели их - они видели то, что было за горизонтом, то, что он знал, но не мог сказать, то, что он чувствовал, но не мог объяснить, то, что уже стояло на пороге и ждало только полуночи, чтобы войти в его жизнь и изменить её навсегда. Выходной день, и семья собиралась за завтраком, и их лица, когда они сидели за столом, были светлы и беззаботны, с той лёгкой, почти праздничной радостью, которая бывает в мирные дни, когда ничто не омрачает счастья, когда можно забыть о всех тревогах и просто быть вместе, просто дышать, просто жить.

Коля ел кашу и болтал о том, что вчера видел во сне - самолёты, но не те, которые делал отец, а другие, большие, с крестами, которые летели над его головой и сбрасывали бомбы, но бомбы не взрывались, а превращались в цветы, в белые, пушистые шары, которые падали на землю и таяли, как снег весной. Он рассказывал это с той детской серьёзностью, которая бывает у детей, когда они верят в свои сны, и Александр слушал его, и в его душе, в той глубокой, тёмной тишине, где жили его страхи, шевельнулось что-то, что он не мог назвать, но что было похоже на предчувствие, на ту неясную, но неумолимую уверенность, что этот сон - не просто сон, что это знак, что это предупреждение, что это то, что должно случиться, и что он ничего не может сделать, чтобы остановить это.

Настя, заметив его задумчивость, спросила, и её голос, мягкий и тёплый, как летний ветерок, который касается лица и приносит с собой запах цветов и травы, был полон той заботы, которая была её опорой:

- Саша, что с тобой? Ты такой задумчивый сегодня, такой далёкий, как будто ты думаешь о чём-то, чего я не могу понять, как будто ты уходишь куда-то, куда я не могу за тобой последовать, как будто ты уже не здесь, как будто ты уже там, где я не могу быть с тобой. Сегодня хороший день, просто замечательный день, такой день, когда хочется жить и радоваться, когда хочется забыть о всех тревогах и просто быть счастливой. Может, сходим в парк? Погуляем, покатаем детей на аттракционах, поедим мороженого, посмотрим на мир, который ещё не знает войны?

Он улыбнулся, но в его улыбке была та горечь, которую она не могла не заметить, та горечь, которая рождается из предчувствия, из знания того, что этот день, этот солнечный, тёплый, такой мирный и беззаботный день, может быть последним, последним днём их мирной жизни, последним днём, когда они могут быть вместе, не думая о смерти, не думая о войне, не думая о той тьме, которая уже сгущается над ними, о той буре, которая уже собирается разразиться.

- Да, Настя, - сказал он, и голос его, хотя и был тих, был твёрд, как сталь, как та вера, которая была его опорой в этом мире, где всё рушилось, - пойдём, обязательно пойдём, мы пойдём в парк, мы будем гулять, мы будем радоваться, мы будем есть мороженое, мы будем

смеяться, мы будем жить, как будто завтра не наступит, как будто войны не существует, как будто мир не рушится. Последний хороший день, последний день, когда мы можем быть вместе, не думая о войне, последний день, когда мы можем быть счастливы, не боясь завтрашнего дня, не думая о том, что ждёт нас впереди.

Настя не поняла его слов, не поняла той горечи, которая звучала в его голосе, не поняла того предчувствия, которое жило в его душе, но она почувствовала, что он что-то знает, что-то, чего не знает она, что-то, что он не может ей сказать, что-то, что он должен скрыть от неё, чтобы защитить её от правды, которая может быть слишком тяжелой для неё, и это чувство, как холод, как тот ледяной ветер, который дует с севера и проникает в каждый дом, пробежало по её спине, заставляя её сжиматься от страха и надежды, от той смеси страха и надежды, которая живёт в душе каждого, кто видит, что мир рушится, и кто не знает, что будет завтра.

В Богоявленском соборе в то же утро было тихо и прохладно, с той особенной, благодатной прохладой, которая бывает только в храмах, когда за стенами уже начинается летняя жара, но здесь, в этом полумраке, в этом запахе ладана и воска, царит своя, вечная, неподвластная времени атмосфера, где даже лето не может нарушить покой, где даже войны не могут разрушить веру. Отец Николай служил раннюю литургию, и его голос, когда он читал молитвы, был тих, но полон той внутренней силы, которая рождается из глубокой, искренней веры, из той веры, которая не нуждается в доказательствах, потому что она живёт в душе и не может быть уничтожена ничем - ни страхом, ни репрессиями, ни войной, ни смертью.

Прихожан было немного - те, кто знал, что священник не боится молиться даже в те времена, когда молитва могла быть расценена как преступление, и их лица, бледные и встревоженные, с той глубокой, внутренней верой, которая жила в душе каждого, были обращены к алтарю, к тем святым ликам, которые смотрели на них с вековой мудростью и печалью, которые видели столько войн и столько страданий, столько побед и столько поражений, столько надежд и столько разочарований, столько жизней и столько смертей, столько судеб и столько историй, столько вечностей. Они молились особенно усердно, и их голоса, смешиваясь в единый, нестройный шёпот, поднимались к куполу, как тот невидимый дым, который уходит в небо и просит о защите, о помощи, о спасении, о той надежде, которая была их единственной опорой в этом мире, где всё рушилось.

Среди прихожан стояла та же женщина, которая приходила на прошлой неделе, - её лицо было бледнее, чем в прошлый раз, её руки, когда она держала свечу, дрожали, и в её глазах была та отчаянная, почти безнадёжная мольба, которая бывает у людей, когда они понимают, что их жизнь висит на волоске, и что только вера может дать им ту надежду, которую они потеряли. Она подошла к отцу Николаю после службы, и её голос, когда она заговорила, был тих, но в нём слышалась та боль, которая разрывала её сердце, та любовь, которая была её опорой, и тот страх, который не давал ей покоя ни на минуту, который сжимал её грудь, не давая дышать, не давая жить, не давая надеяться.

- Батюшка, - сказала она, и её голос дрожал, как дрожит струна, по которой ударили слишком сильно, - я чувствую, что война близка, я чувствую это всем своим существом, я чувствую это в своей крови, в своих костях, в своей душе, я чувствую это так же, как чувствовала в четырнадцатом, когда ушёл мой отец, и в восемнадцатом, когда ушёл мой брат, и в двадцатом, когда ушёл мой муж. Я знаю, что завтра может не наступить, что завтра начнётся та война, которая изменит всё, которая отнимет у нас всё, что нам дорого, и я боюсь, батюшка, я так боюсь, что не выдержу, что не смогу, что сломаюсь, что потеряю веру, что потеряю надежду, что потеряю любовь.

Отец Николай смотрел на неё, и его глаза, которые видели столько боли, столько страданий, столько слёз, были полны той тихой, сострадательной любви, которая была его опорой, той любви, которая согревала души даже в самые холодные дни, даже когда смерть смотрела в глаза, даже когда казаться, что надежды больше нет, даже когда мир рушился вокруг них.

Он положил руку на её плечо, и его прикосновение было тёплым и успокаивающим, как прикосновение матери, которая успокаивает плачущего ребёнка, и его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась та уверенность, которая рождается только из веры, из той веры, которая не знает страха, потому что знает, что даже в самой тёмной ночи есть свет, и этот свет не погаснет, пока есть те, кто в него верит.

- Не бойся, дочь моя, - сказал он, и его голос был мягким и ласковым, как голос отца, который говорит с ребёнком, который боится темноты, - не бойся, не позволяй страху овладеть твоей душой, не дай отчаянию сломить твою веру, не дай сомнению затуманить твой разум. Помни, что Господь никогда не оставляет тех, кто в Него верит, что Он всегда рядом, даже когда кажется, что мы одни, даже когда кажется, что надежды больше нет, даже когда мир рушится вокруг нас. Молись, дочь моя, молись всей душой, всем сердцем, всей своей жизнью, и Господь услышит тебя, Он не оставит тебя, Он не предаст тебя, Он будет с тобой в огне и в воде, в смерти и в жизни, в победе и в поражении, в радости и в горе, и Он даст тебе силы вынести всё, что выпадет на твою долю, и Он даст тебе надежду, которая не умирает, и веру, которая не сомневается, и любовь, которая сильнее смерти.

Женщина заплакала, и её слёзы, горячие и солёные, потекли по её щекам, но в этих слезах была уже не та безнадежность, которая была раньше, а та тихая, спокойная печаль, которая знает, что боль не исчезла, но что есть сила, которая помогает её нести, что есть свет, который виден даже в самой тёмной тьме, что есть надежда, которая не умирает, даже когда всё вокруг рушится. Она перекрестилась, поклонилась и вышла из храма, и её шаги были уже не такими тяжёлыми, как раньше, потому что она уносила с собой ту искру веры, которую получила здесь, ту искру, которая помогала ей идти дальше, даже когда всё вокруг рушилось, даже когда смерть смотрела ей в глаза, даже когда казаться, что надежды больше нет.

После завтрака Александр с семьёй отправился в парк Горького, и этот день, солнечный и тёплый, с тем особенным, летним светом, который бывает только в июне, когда природа, словно уставшая от весенних дождей и холодов, дарит людям последние тёплые дни перед той осенью, которая должна была принести с собой войну и смерть, казался им особенно светлым и радостным, как будто сама природа хотела подарить им последний день мира, последний день счастья перед той тьмой, которая должна была обрушиться на них, перед той бурей, которая уже собиралась разразиться. Парк был полон людей - семьи с детьми, влюблённые пары, старики на скамейках, молодёжь с гитарами, и все они, казалось, были счастливы, все они, казалось, забыли о тех слухах и тревогах, которые витали в воздухе, все они, казалось, жили в каком-то другом мире, где не было войны, где не было смерти, где не было страха, где было только лето, солнце, смех и та тихая, безмятежная радость, которая бывает только в мирные дни.

Дети катались на аттракционах, и их смех, звонкий и беззаботный, с той детской радостью, которая бывает только у детей, которые ещё не знают, что такое война, которые ещё не знают, что такое смерть и страдания, которые ещё не знают, что такое отчаяние и боль, которые ещё не знают, что такое тьма и холод, которые ещё не знают, что такое пустота и тишина, разносился по аллеям, наполняя парк той радостью, которая бывает только у детей, и Александр смотрел на них, и его глаза, когда он запоминал их лица, их улыбки, их счастливые глаза, которые ещё не знали, что такое страх, наполнялись той любовью, которая была его опорой, той любовью, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути. Он знал, что это может быть последний такой день, последний мирный день в их жизни, последний день, когда они могут быть вместе, не думая о смерти, не думая о войне, не думая о той тьме, которая уже сгущается над ними, и он хотел запомнить каждое мгновение, каждый звук, каждый запах, каждый луч света, каждую улыбку своих детей, каждое прикосновение своей жены, каждое слово, которое они говорят, каждый

взгляд, который они бросают друг на друга, чтобы сохранить это в своей памяти навсегда, как память о том, что было, как надежду на то, что будет, как веру в то, что всё будет хорошо.

В парке играл духовой оркестр, и мелодия «Прощания славянки», та самая мелодия, которая провожала солдат на войну, которая была их опорой и их надеждой, их светом в темноте и их силой в борьбе, разносилась над аллеями, и её звуки, грустные и торжественные одновременно, заставляли сердца людей сжиматься от боли и надежды, от той боли, которая живёт в душе каждого, кто знает, что война близка, и от той надежды, которая живёт в душе каждого, кто верит, что они победят, что они выстоят, что они не сдадутся. Александр слушал, и у него сжималось сердце, и он обнимал Настю, и его голос, когда он говорил, был тих, но в нём слышалась та любовь, которая была его опорой, та любовь, которая согревала его душу даже в самые холодные дни, даже когда смерть смотрела ему в глаза, даже когда казаться, что надежды больше нет, даже когда мир рушился вокруг него.

- Настя, - сказал он, и его голос был мягким и тёплым, как летний ветер, который касается лица и приносит с собой запах цветов и травы, - я хочу, чтобы ты знала, я хочу, чтобы ты помнила: я люблю тебя больше жизни, больше света, больше всего, что есть на свете, больше моей веры, больше моей надежды, больше моей жизни, больше моей смерти, больше моей судьбы, больше моей истории, больше моей вечности. Помни это, что бы ни случилось, помни это всегда, даже когда меня не будет рядом, даже когда я буду далеко, даже когда я буду мёртв, даже когда я буду в вечности, помни, что я люблю тебя, и что эта любовь будет сильнее смерти, сильнее войны, сильнее всего, что может встать на её пути.

Она смотрела на него с удивлением, с той тревогой, которая живёт в душе каждой женщины, когда она чувствует, что её муж говорит о чём-то важном, о чём-то, что может изменить их жизнь, о чём-то, что он не может ей сказать, но что она чувствует всем своим существом, и её голос, когда она говорила, был тих, но в нём слышалась та тревога, которая живёт в душе каждой женщины, когда она видит, что её муж готовится к чему-то важному, что он знает что-то, чего не знает она, что он должен уйти, и что она может не увидеть его больше.

- Саша, - сказала она, и в её голосе была та мольба, которая рождается из любви и страха, из той любви, которая была её опорой, и из того страх, который не давал ей покоя ни на минуту, - что с тобой? Ты какой-то странный сегодня, как будто ты прощаешься со мной, как будто ты уходишь куда-то, откуда не вернёшься, как будто ты уже не здесь, как будто ты уже там, где я не могу быть с тобой. Что случилось? Что ты знаешь? Что ты чувствуешь? Скажи мне, пожалуйста, не скрывай от меня правду, потому что я чувствую, что что-то не так, что что-то должно случиться, что-то, что изменит нашу жизнь навсегда, и я не хочу оставаться одна в неведении, я не хочу бояться того, чего не знаю, я не хочу жить в страхе, не зная, что происходит вокруг меня.

Он обнял её крепче, и его голос, когда он говорил, был мягким, но в нём слышалась та твёрдость, которая рождается из веры, из той веры, которая была его опорой в этом мире, где всё рушилось.

- Ничего, дорогая, - сказал он, и его голос был спокоен, как спокойна вода в глубоком озере, когда ничто не нарушает её гладь, - ничего. Просто хочу, чтобы ты знала, как я люблю тебя, как я люблю наших детей, как я люблю нашу жизнь, как я люблю каждое мгновение, проведённое с вами, как я люблю каждый вздох, каждый шаг, каждое слово, каждую улыбку, каждую слезу, каждую радость, каждую печаль, которые мы разделили вместе, и как я буду помнить это всегда, даже когда меня не будет рядом. Всё будет хорошо, Настя, всё будет так, как должно быть, всё будет так, как задумал Господь, и мы выдержим, мы выстоим, мы пройдем через всё это, как проходили наши предки, как проходили все, кто был до нас, и мы останемся людьми, мы сохраним свою веру, свою надежду, свою любовь, и мы передадим их нашим детям, чтобы они знали, кто мы и откуда мы, чтобы они знали, за что мы сражались и умирали,

чтобы они знали, что мы не сдались и не предали, что мы сохранили свою веру и свою честь, и передали её им.

Вечером они возвращались домой, и сумерки, мягкие и тёплые, с тем особенным, летним светом, который бывает только в июне, когда день уже уходит, но ещё не наступила ночь, и мир замирает в ожидании, опускались на город, окрашивая небо в багряные и золотые тона, создавая ту картину, которая была как символ того, что день заканчивается и наступает вечер, что жизнь заканчивается и наступает смерть, что мир заканчивается и наступает война. На улицах было тихо, только редкие прохожие спешили по своим делам, и их шаги отдавались эхом в вечерней тишине, как те шаги, которые уже не принадлежали этому дню, а принадлежали той ночи, которая должна была прийти, и тому утру, которое должно было наступить, и которое должно было стать утром войны.

Александр проверил свои вещи - рюкзак с вещами, который он приготовил на всякий случай, компас, который был его опорой в самые трудные моменты, фляжку, которая должна была стать его спасением в те дни, когда не будет воды, - и его руки, когда он клал их у двери, дрожали от той решимости, которая рождается из осознания неизбежности, той решимости, которая не знала страха, той решимости, которая была сильнее любого сомнения, сильнее любого страха, сильнее самой смерти. Настя заметила, и её голос, когда она заговорила, был тих, но в нём слышалась та тревога, которая живёт в душе каждой женщины, когда она видит, что её муж готовится к чему-то важному, что он знает что-то, чего не знает она, что он должен уйти, и что она может не увидеть его больше.

- Ты готовишься к чему-то, Саша? - спросила она, и её голос дрожал от того страха, который сжимал её сердце, от той боли, которая разрывала её душу, от той любви, которая была её опорой, и от того отчаяния, которое охватывало её, когда она думала о том, что может потерять его. - Ты что-то готовишь, ты собираешься куда-то, ты проверяешь вещи, ты готовишь рюкзак, как будто ты уходишь на войну. Скажи мне, Саша, скажи мне правду, не скрывай от меня, не защищай меня, потому что я хочу знать, я должна знать, что происходит, что будет с нами, что будет с нашей семьёй, что будет с нашей страной.

Александр подошёл к ней, обнял её, и его голос, когда он говорил, был тих, но в нём слышалась та любовь, которая была его опорой, та любовь, которая согревала его душу даже в самые холодные дни, даже когда смерть смотрела ему в глаза, даже когда казаться, что надежды больше нет, даже когда мир рушился вокруг него.

- Настя, - сказал он, и его голос был мягким и тёплым, как прикосновение, как тот ветер, который касается лица и приносит с собой запах цветов и травы, - я не знаю точно, я не может сказать тебе точно, что случится завтра, что принесёт нам завтрашний день, что изменит нашу жизнь навсегда. Но я чувствую, я знаю, я уверен, что война близка, что она уже на пороге, что она уже стучится в наши двери, что она уже требует наших жизней и нашей крови, и я должен быть готов к тому, что ждёт меня, я должен быть готов к тому, что я могу уйти, что я могу не вернуться, что я могу умереть на этой войне, и я хочу, чтобы ты знала: что бы ни случилось, я люблю тебя, я всегда буду любить тебя, и эта любовь будет сильнее смерти, сильнее войны, сильнее всего, что может встать на её пути.

Она заплакала, и её слёзы, горячие и солёные, потекли по её щекам, и она прижалась к нему, чувствуя его тепло, его дыхание, его жизнь, и её голос, когда она говорила, дрожал от той любви, которая была её опорой, от того страха, который жил в её душе, от той надежды, которая была её светом в темноте и её силой в борьбе:

- Я буду ждать тебя, Саша, я буду ждать тебя всегда, сколько бы это ни длилось, сколько бы ни пришлось ждать, я буду ждать тебя каждый день, каждую минуту, каждое мгновение, каждое дыхание, и если ты не вернёшься - я буду ждать тебя там, где мы встретимся снова, там, где нет войны, где нет смерти, где нет разлуки, где есть только свет, только любовь, только вечность, где мы будем вместе, как должны были быть всегда.

Поздним вечером, когда город затих, и только редкие машины проезжали по улицам, и их фары, как два глаза, как те злые глаза, которые смотрят из темноты, разрезали ночную тьму, создавая те причудливые тени, которые плясали на стенах домов, как призраки прошлого, как тени тех, кто ушёл и не вернулся, как тени тех, кто ждал и не дождался, Александр пошёл в храм. Его шаги, когда он входил внутрь, были медленны и торжественны, как у человека, который идёт на встречу с судьбой, который идёт на встречу с Богом, который идёт на встречу с той вечностью, которая ждёт его, которая уже стоит на пороге, которая уже стучится в его дверь. В храме было темно, только лампы горели перед иконами, и их жёлтый, трепетный свет освещал потемневшие лики святых, делая их живыми и почти осязаемыми, как будто они смотрели на него с той же любовью и той же печалью, что и он на них.

Он стал на колени перед иконой Богородицы, и его голос, когда он молился, был тих, но полон той веры, которая была его опорой, той веры, которая не давала ему упасть духом, той веры, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии, той веры, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути.

- Мать Божия, Пресвятая Богородица, - шептал он, и его голос дрожал от той искренности, которая рождается из глубины души, из той глубины, где живёт вера, которая была его опорой, где живёт надежда, которая была его силой, где живёт любовь, которая была его жизнью, - заступница рода нашего, защитница земли русской, защити мою семью, защити моих детей, защити Настю, защити всех, кто мне дорог, всех, кого я люблю, всех, кто составляет смысл моей жизни, всех, кто ждёт меня дома, всех, кто верит в меня и надеется на меня, всех, кто молится за меня каждый день, каждую минуту, каждое мгновение, каждое дыхание. Сохрани Россию, сохрани нашу землю, сохрани нашу веру, сохрани нашу надежду, сохрани нашу любовь, сохрани нашу жизнь, сохрани нашу смерть, сохрани нашу судьбу, сохрани нашу историю, сохрани нашу вечность. Я иду защищать Тебя и нашу веру, я иду защищать нашу землю и нашу свободу, я иду защищать наши семьи и наши дома, я иду защищать наши храмы и наши иконы, и я готов отдать жизнь за неё, за то, что мне дорого, за то, что я люблю, за то, что составляет смысл моей жизни, за то, что я должен передать своим детям и внукам, чтобы они знали, кто я и откуда я, чтобы они знали, за что я сражался и умирал, чтобы они знали, что я не сдался и не предал, что я сохранил свою веру и свою честь, и передал их им.

Отец Николай, который молился у алтаря, услышал его голос и подошёл к нему. Его глаза, когда он увидел брата на коленях, наполнились той смесью гордости и печали, которая бывает у близких людей, когда они видят, что их родные готовятся к войне, когда они понимают, что их жизнь может измениться навсегда, что они могут потерять тех, кого любят, что они могут остаться одни в этом мире, который рушится, и его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась та любовь, которая связывала братьев, та любовь, которая была сильнее разлуки, сильнее разницы в вере, сильнее всех тех лет, которые они провели вдали друг от друга, сильнее всех тех обид и разочарований, которые накопились за эти годы.

- Ты чувствуешь, брат? - спросил он, и его голос был мягким и ласковым, как голос отца, который говорит с сыном, который уходит в дальний путь. - Ты чувствуешь, что грядёт, чувствуешь ту бурю, которая уже собирается над нами, чувствуешь ту тьму, которая уже сгущается вокруг нас, чувствуешь ту войну, которая уже стоит на пороге, которая уже стучится в наши двери, которая уже требует наших жизней и нашей крови?

- Да, - ответил Александр, и его голос был твёрд, как сталь, как тот металл, который он обрабатывал на заводе, как та вера, которая была его опорой, - я чувствую, я знаю, я уверен, я знаю, что завтра будет война, я знаю, что завтра начнётся та война, которая изменит всё, которая решит судьбу России и всего мира, которая станет самой страшной, самой кровавой, самой разрушительной из всех войн, которые когда-либо знало человечество, и я знаю, что завтра мы все станем другими, что завтра мы все потеряем что-то, что не сможем вернуть, что

завтра мы все будем плакать и молиться, и просить Бога о прощении и спасении, и я готов к тому, что ждёт меня, готов к смерти и к жизни, к победе и к поражению, к радости и к горю, ко всему, что может случиться, ко всему, что может выпасть на мою долю.

Отец Николай перекрестил его широко, размашисто, и его рука, дрожащая и уверенная, с той силой, которая передаётся только через веру, коснулась лба, груди и плеч брата, и его голос, когда он говорил, был тих, но полон той веры, которая была его опорой, той веры, которая не давала ему упасть духом, той веры, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии, той веры, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути.

- Иди с Богом, брат, - сказал он, и его голос был твёрд, как благословение, как та молитва, которая провожает в путь, - иди с верой, иди с надеждой, иди с любовью, иди с жизнью, иди с смертью, иди с судьбой, иди с историей, иди с вечностью. Помни: Берёзовы не сдаются, они не отступают, они не предают, они не теряют веры, они не теряют надежды, они не теряют любви, они всегда возвращаются, всегда возвращаются к тому, что им дорого, к тому, что они любят, к тому, что составляет смысл их жизни, к тому, что они должны защитить любой ценой, к тому, что они должны передать своим детям и внукам, чтобы они знали, кто они и откуда они, чтобы они знали, за что они сражались и умирали, чтобы они знали, что они не сдались и не предали, что они сохранили свою веру и свою честь, и передали их им.

Ночь опускалась на Москву, на её тёмные, безмолвные улицы, на её спящие дома, на её храмы и заводы, на её парки и площади, на всё то, что было её душой и её жизнью, и в комнате Александра, где только свет луны пробивался сквозь занавески, создавая те причудливые тени, которые плясали на стенах, как призраки прошлого, как те тени, которые напоминали о том, что было и что будет, он не спал. Его глаза были открыты, и он смотрел в потолок, на те старые, знакомые трещины, которые он знал с детства, и слушал тишину, нарушаемую только дыханием спящей Насти и мерным тиканьем часов на стене. Где-то далеко, за горизонтом, слышался гул самолётов - не тех, что летали над Москвой в мирное время, а других, с чужим, низким, угрожающим звуком, который проникал в самые глубокие уголки сознания, как предзнаменование, как тот зловещий звук, который предвещает беду, как тот звук, который заставляет сердца замирать и души сжиматься от страха.

Он поднялся с кровати, подошёл к окну и посмотрел на запад, туда, где уже готовилась война, туда, где уже собрались тучи, туда, где уже точили свои когти враги, готовясь вонзить их в его плоть, в плоть его страны, его народа, его веры. Ночь была тихой и тёплой, и звёзды, казалось, горели особенно ярко, как будто они хотели запомнить этот мир, этот город, этих людей, которые спали в своих домах, не зная, что завтра их жизнь изменится навсегда, что завтра они проснутся под взрывами, что завтра многие из них уже не будут спать в своих кроватях, а будут лежать в окопах, в госпиталях, в братских могилах, на той земле, которую они любили и защищали.

- Берёза, - прошептал он, и его голос был тих, но полон той веры, которая была его опорой, той веры, которая не давала ему упасть духом, той веры, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии, той веры, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути, - завтра всё начнётся, завтра наступит тот день, который изменит всё, который перевернёт нашу жизнь, который отнимет у нас то, что нам дорого, который заставит нас страдать и плакать, который заставит нас молиться и верить, который заставит нас идти до конца, не останавливаться, не падать, не сдаваться, не терять веры, даже когда всё будет против нас, даже когда смерть будет стоять за нашим плечом, даже когда казаться, что надежды больше нет. Я готов к тому, что ждёт меня, я готов к смерти и к жизни, к победе и к поражению, к радости и к горю, ко всему, что может случиться, ко всему, что может выпасть на мою долю. Я не боюсь, ибо знаю, что Ты со мной, что Ты не оставишь меня, что Ты дашь мне силы идти до конца, не останавливаться, не падать, не сдаваться, не

терять веры, даже когда всё будет против меня, даже когда смерть будет стоять за моим плечом, даже когда казаться, что надежды больше нет. Я верю, что мы победим, что мы выстоим, что мы пройдем через всё это, как проходили наши предки, как проходили все, кто был до нас, и мы сохраним свою веру, свою надежду, свою любовь, и мы передадим их нашим детям, чтобы они знали, кто мы и откуда мы, чтобы они знали, за что мы сражались и умирали, чтобы они знали, что мы не сдались и не предали, что мы сохранили свою веру и свою честь, и передали их им.

Он перекрестился широко, размашисто, и его рука, дрожащая и уверенная, с той силой, которая передаётся только через веру, коснулась лба, груди и плеч, и он вернулся в постель, но не сомкнул глаз до самого рассвета, чувствуя, как его душа, уставшая и встревоженная, наполняется той тихой, спокойной решимостью, которая была его опорой, той решимостью, которая не знала страха, и той надеждой, которая была сильнее любого сомнения, и той верой, которая была сильнее любой смерти. Он ждал, когда наступит завтра, когда начнется та война, которая изменит всё, когда начнется тот день, который станет его судьбой, его историей, его вечностью, и он был готов к тому, что ждёт его впереди, готов ко всему, что бы ни случилось, потому что за ним стояла его вера, его семья, его Россия, и потому что он знал, что Берёзовы не сдаются, они не отступают, они не предают, они не теряют веры, они не теряют надежды, они не теряют любви, они идут до конца, как шли их предки, как велит им их вера, как велит им их долг перед Богом и перед Россией, перед теми, кто ждёт их дома, перед теми, кто верит в них и надеется на них, перед теми, кто молится за них каждый день, каждую минуту, каждое мгновение, каждое дыхание, и они всегда возвращаются, всегда возвращаются к тому, что им дорого, к тому, что они любят, к тому, что составляет смысл их жизни, к тому, что они должны защитить любой ценой, к тому, что они должны передать своим детям и внукам, чтобы они знали, кто они и откуда они, чтобы они знали, за что они сражались и умирали, чтобы они знали, что они не сдались и не предали, что они сохранили свою веру и свою честь, и передали их им.

Глава 8. Последний мирный день

Утро 21 июня 1941 года вставало над Москвой медленно и величественно, как будто сама природа не хотела торопиться в этот день, чувствуя, что он - последний из долгой череды мирных дней, последний перед той бездной, которая разверзнется на рассвете следующего дня, последний перед той тьмой, которая должна была обрушиться на мир и поглотить всё, что было создано веками, последний перед той войной, которая должна была стать самой страшной, самой кровавой, самой разрушительной из всех войн, которые когда-либо знало человечество. Солнце поднималось из-за горизонта, заливая город золотым светом, который казался особенно мягким, особенно тёплым, особенно прощальным, как будто оно хотело запомнить этот город таким, какой он есть - мирным, спокойным, живым, - прежде чем тьма опустится на него. Оно освещало золотые купола кремлёвских соборов, которые сияли так ярко, как будто хотели запомниться навсегда, как будто они знали, что завтра их свет померкнет в дыму и пламени, как будто они прощались с этим миром, который уже никогда не будет прежним. Оно освещало улицы, по которым уже шли люди - кто на работу, кто на рынок, кто просто гулять в этот субботний день, который обещал быть тёплым и солнечным, - люди, которые ещё не знали, что это последний день их мирной жизни, последний день, когда они могут идти по улицам без страха, последний день, когда они могут смеяться и радоваться, не думая о том, что завтра их мир рухнет. Оно освещало лица прохожих, ещё не тронутые той тревогой, которая уже через несколько часов должна была изменить всё, - лица, которые ещё смеялись, ещё улыбались, ещё верили, что завтра будет таким же, как сегодня, что их жизнь продолжится, что их дети будут расти в мире, что их дома будут стоять, а их семьи будут вместе.

Александр проснулся рано, как просыпался всегда, даже в выходные, когда можно было бы поспать подольше, когда можно было бы не торопиться, не бежать на завод, не думать о

чертежах и деталях, которые должны были стать оружием для защиты страны. Он лежал в постели, глядя в потолок, на те трещины и пятна, которые он знал с детства, которые были его спутниками все эти годы, и слушал, как в доме просыпается жизнь: где-то на кухне звякнула посуда - Настя уже встала и готовила завтрак; где-то в комнате детей слышался шум - Коля и Катя, видимо, уже проснулись и начали свою обычную утреннюю возню; где-то за окном запела птица, и её голос вплетался в утреннюю симфонию, которая звучала в этом доме каждое утро и казалась такой вечной, такой неизменной, такой правильной, как будто ничто в этом мире не могло её нарушить. Он лежал и думал о том, как странно устроена жизнь, как она течёт своим чередом, не обращая внимания на то, что происходит в мире, - как будто ничего не происходит, как будто всё спокойно и хорошо, как будто война не стоит на пороге, как будто смерть не ждёт за углом, как будто их жизнь не изменится навсегда уже через несколько часов.

Он встал, умылся холодной водой, которая бодрила и прогоняла остатки сна, и вышел на кухню. Настя стояла у плиты, и запах свежееиспечённого хлеба и яичницы наполнял комнату тем особенным домашним уютом, который так трудно описать словами, но который знает каждый, кто когда-либо просыпался в доме, где его любят и ждут, где его помнят и молятся за него, где его существование имеет смысл. Она обернулась, увидела его и улыбнулась той улыбкой, которая была у неё только для него, - улыбкой, в которой была и любовь, и нежность, и то особое понимание, которое бывает только у людей, проживших вместе много лет, деливших и радость, и горе, и надежду, и отчаяние, и веру, и сомнение, и жизнь, и смерть.

- Доброе утро, Саша, - сказала она, и голос её был тёплым, как летнее утро, как тот ветер, который касается лица и приносит с собой запах цветов и травы, как тот свет, который проникает в самую глубину души и согревает её. - Хорошо спалось? Ты выглядишь отдохнувшим, хотя я знаю, что ты ложился поздно, что ты думал о чём-то, что не давало тебе покоя.

- Доброе утро, Настя, - ответил он, чувствуя, как её улыбка согревает его изнутри, как её голос, тёплый и ласковый, проникает в его душу и наполняет её покоем, тем покоем, который он так долго искал и который находил только здесь, в этом доме, в этой семье, в этой любви.

- Да, спалось хорошо. А ты? Ты не спала всю ночь? Я слышал, как ты вставала, как ты ходила по комнате, как ты молилась, как ты шептала что-то в темноте.

Настя отвела взгляд, и в этом движении была та особенная женская уклончивость, которая бывает, когда женщина не хочет говорить о своих страхах, когда она боится, что её слова могут сделать страхи реальными, когда она хочет защитить своих близких от правды, которая может быть слишком тяжелой для них.

- Нет, спала, - сказала она, но голос её прозвучал неуверенно, с той едва заметной дрожью, которая выдавала её тревогу, её боль, её страх. - Просто... не знаю. Что-то не спалось. Всё думала о том, что в мире творится. По радио говорят о войне в Европе, о том, что немцы воюют с англичанами, что у них там что-то происходит, что они захватывают одну страну за другой, что они не останавливаются, что они идут дальше. А мы - мы вроде бы в стороне. Но я всё равно волнуюсь, я всё равно боюсь, я всё равно не могу найти покоя, потому что чувствую, что что-то должно случиться, что что-то уже стоит на пороге, что что-то уже стучится в наши двери.

Александр подошёл к ней, обнял её за плечи и поцеловал в висок. Он чувствовал запах её волос - тот особенный запах, который напоминал ему о лете, о цветах, о их молодости, о тех днях, когда они были молоды и счастливы, когда они не знали, что такое война и смерть, когда они верили, что их жизнь будет длиться вечно, - и этот запах был для него дороже любых духов, дороже любых сокровищ, дороже самой жизни.

- Не волнуйся, Настя, - сказал он, и в голосе его была та особенная уверенность, которую он сам не чувствовал, но должен был показать ей, ту уверенность, которая была его опорой, его защитой, его надеждой, - Всё будет хорошо. Мы не воюем с немцами. У нас договор, у нас пакт, у нас соглашение, у нас обещание, у нас слово. Сталин обещал, что войны не будет.

Значит, так и будет, значит, мы можем быть спокойны, значит, мы можем жить и радоваться, не думая о том, что ждёт нас завтра.

Но даже когда он говорил эти слова, где-то в глубине его души что-то тревожно сжималось - та часть его сознания, которая не поддавалась утешениям, которая помнила о том, что он слышал по радио в последние недели, которая не верила в обещания политиков, потому что знала, что политики часто обещают одно, а делают другое, что их слова ничего не стоят, что они готовы предать любого ради своей выгоды, ради своей власти, ради своих амбиций. Но он не хотел думать об этом сейчас, в это последнее мирное утро, когда солнце светило так ярко, а жизнь казалась такой простой и понятной, такой мирной и беззаботной, такой вечной и неизменной, как будто ничто в этом мире не могло её изменить, как будто война не стояла на пороге, как будто смерть не ждала за углом, как будто их жизнь не изменится навсегда уже через несколько часов.

После завтрака Александр вышел во двор. День был тёплым, солнечным, с тем особенным летним воздухом, который пахнет травой и цветами, который наполняет лёгкие и даёт силы, который напоминает о том, что жизнь продолжается, что свет всегда побеждает тьму, что добро всегда побеждает зло, что вера всегда побеждает сомнение, что любовь всегда побеждает смерть. Во дворе росли старые липы и та самая берёза, которую он любил с детства, которая была его опорой и его надеждой, его связью с прошлым и его верой в будущее. Берёза стояла белая и прямая, как свеча, как молитва, как та надежда, которая никогда не умирает, и её ветви тихо шелестели на ветру, как будто она разговаривала сама с собой, как будто она шептала ему что-то важное, что он должен был услышать, но не мог понять до конца.

Александр подошёл к ней, положил руку на кору и почувствовал её тепло. Кора была шершавой, с глубокими трещинами, в которых пряталась влага, и когда он прикасался к ней, ему казалось, что он прикасается к чему-то вечному, к чему-то, что было здесь до него и будет здесь после него, к чему-то, что видело столько поколений, столько радостей и столько печалей, столько побед и столько поражений, столько надежд и столько разочарований, столько жизней и столько смертей, столько судеб и столько историй, столько вечностей.

- Берёза, - тихо сказал он, как будто разговаривал с живым существом, как будто она могла слышать его, как будто она могла ответить ему, - что ты думаешь о том, что происходит в мире? Ты чувствуешь, что что-то приближается? Ты знаешь, что будет завтра? Ты чувствуешь ту тьму, которая уже сгущается над нами, ту бурю, которая уже собирается разразиться, ту войну, которая уже стоит на пороге, которая уже стучится в наши двери, которая уже требует наших жизней и нашей крови?

Ветер качнул ветки, и листья зашелестели громче, как будто дерево отвечало ему, как будто оно говорило ему: «Я чувствую, я знаю, я помню. Я помню, как уходили и возвращались твои предки, я помню, как они молились под моими ветвями и находили утешение, я помню, как они не сдавались и не предавали, как они сохраняли свою веру и свою честь, и передавали их своим детям и внукам, чтобы они могли идти по их следам, чтобы они могли продолжать их дело, чтобы они могли передать их веру своим детям и внукам, чтобы она никогда не угасла». Александр улыбнулся этой мысли - глупой и светлой, как детская сказка, как та вера, которая была его опорой, как та надежда, которая была его силой, как та любовь, которая была его жизнью, - и ещё раз погладил ствол, чувствуя его шершавую, тёплую поверхность, которая хранила тепло солнца и память о всех тех, кто касался её до него.

В доме послышались голоса - Коля и Катя выбежали во двор, смеясь и толкаясь, их звонкие, радостные голоса разносились по двору, наполняя его той радостью, которая бывает только у детей, которые ещё не знают, что такое война, которые ещё не знают, что такое смерть и страдания, которые ещё не знают, что такое отчаяние и боль, которые ещё не знают, что такое тьма и холод, которые ещё не знают, что такое пустота и тишина. Коля был в своей любимой

майке с якорем, которую он носил, когда хотел чувствовать себя моряком, когда он мечтал о далёких странах и о великих путешествиях, когда он верил, что мир огромен и прекрасен, и что в нём нет места для войны и смерти. Катя была в розовом платье, которое ей сшила бабушка, и держала в руках куклу - ту самую, с оторванной рукой, которую Александр всё обещал починить и всё откладывал, потому что не мог найти времени, потому что всегда были другие дела, более важные и срочные.

- Папа, папа! - крикнул Коля, подбегая к нему, и его глаза горели тем огнём, который бывает у детей, когда они хотят чего-то всем сердцем, когда они верят, что их мечты обязательно сбудутся, когда они не знают, что такое разочарование и боль. - Пойдём на речку! Сегодня же суббота, выходной! Мы хотим купаться! Мы хотим плескаться! Мы хотим быть счастливыми!

Александр посмотрел на сына, на его горящие глаза, на его веснушчатое лицо, на его улыбку, которая была как тот свет, который он хотел защитить любой ценой, и почувствовал, как его сердце наполняется той особенной любовью, которая бывает только у отцов, глядящих на своих детей, той любовью, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути. Он улыбнулся и кивнул.

- Хорошо, Коля. Пойдём на речку. Только сначала я должен кое-что сделать по дому, кое-что починить, кое-что подготовить, чтобы мы могли провести этот день так, как мы хотим, чтобы мы могли запомнить его навсегда.

Он пошёл в дом, чтобы взять инструменты. Проходя через кухню, он увидел Настю, которая мыла посуду, и её руки, когда она держала тарелку, дрожали от той тревоги, которая жила в её душе, от той боли, которую она носила в себе, от того страха, который не давал ей покоя. Она обернулась и улыбнулась ему той улыбкой, которая была у неё только для него, той улыбкой, в которой была вся её любовь и вся её надежда, вся её вера и вся её жизнь.

- Саша, - сказала она, - ты не хочешь сегодня вечером посидеть на крыльце? Погода такая хорошая, такая тёплая, такая мирная. Мы могли бы выпить чаю и посмотреть на звёзды, как в старые добрые времена, когда мы были молоды и не знали, что такое страх, когда мы верили, что наша жизнь будет длиться вечно, когда мы не думали о войне и смерти.

Александр замер на мгновение. Ему вдруг показалось, что в этом простом предложении было что-то большее - какая-то просьба, какое-то предчувствие, какая-то мольба, которую он не мог понять до конца, но которую чувствовал всем своим существом, как будто она была обращена не только к нему, но и к самой судьбе, к самой вечности. Он посмотрел на неё и улыбнулся:

- Конечно, Настя. Конечно, мы посидим на крыльце. Мы будем пить чай, мы будем смотреть на звёзды, мы будем вспоминать, мы будем мечтать, мы будем верить, мы будем надеяться, мы будем любить. Мы будем жить, как будто завтра не наступит, как будто война не существует, как будто мир не рушится.

Он взял инструменты и вышел во двор, чувствуя, как его душа, уставшая и встревоженная, наполняется той тихой, спокойной решимостью, которая была его опорой, той решимостью, которая не знала страха, и той надеждой, которая была сильнее любого сомнения, и той верой, которая была сильнее любой смерти.

Весь день Александр провёл с детьми. Они пошли на речку, которая текла недалеко от их дома, и купались в её прозрачной, ещё тёплой после летнего солнца воде. Коля нырял и показывал, как он плавает по-собачьи, его руки и ноги двигались быстро и неуклюже, как у всех детей, которые только учатся плавать, и он кричал от радости, когда ему удавалось проплыть несколько метров без помощи отца. Катя сидела на берегу и плескалась, смеясь и брызгаясь водой, её светлые волосы, мокрые и блестящие, прилипли к лицу, и её глаза, синие, как небо, сияли той радостью, которая бывает только у детей, когда они счастливы. Александр смотрел на

них и думал о том, что эти мгновения - самые счастливые в его жизни, что нет ничего важнее, чем видеть смех своих детей, их радость, их беззаботность, их веру в то, что мир прекрасен и безопасен. Он думал о том, что он сделает всё, чтобы сохранить этот смех, эту радость, эту беззаботность, эту веру, даже если это будет стоить ему жизни, даже если это приведёт его к смерти, даже если это отнимет у него всё, что у него есть.

После купания они пошли в парк, который был рядом с речкой. Там было много людей - семьи с детьми, влюблённые парочки, старики, которые сидели на скамейках и читали газеты, дети, которые бегали и играли в свои бесконечные игры. Обычный летний день в Москве, такой же, как тысячи других дней, которые были до него, и таких же, как тысячи других дней, которые должны были быть после него, если бы не война, которая уже стояла на пороге. Александр купил детям мороженое - ванильное, в хрустящих вафельных стаканчиках, которые таяли на солнце, и они сидели на скамейке, ели мороженое и смотрели на облака, которые плыли по небу, как белые, пушистые корабли, которые плыли в никуда, в ту вечность, которая ждала всех нас.

- Папа, - сказал Коля, облизывая мороженое, и его лицо было серьёзным, как у взрослого, - а ты знаешь, что я хочу быть лётчиком? Я буду летать на самолёте высоко-высоко и смотреть на землю сверху. Я увижу всю нашу страну, все города, все реки, все леса, все поля. И я буду защищать нашу страну от врагов, я буду защищать наш народ, я буду защищать нашу веру, я буду защищать нашу семью. Я буду сильным и смелым, как ты, папа.

Александр посмотрел на сына и почувствовал, как его сердце сжимается от гордости и боли одновременно. Гордости - потому что его сын мечтал о чём-то великом, о чём-то, что было достойно их рода, их веры, их любви. Боли - потому что он знал, что скоро эта мечта может стать реальностью, и тогда его сын, ещё мальчик, столкнётся с тем, чего не должен видеть ни один ребёнок, с тем, что отнимет у него детство, с тем, что изменит его навсегда.

- Ты будешь отличным лётчиком, Коля, - сказал он, и голос его был тёплым, как летнее солнце, как тот свет, который он хотел сохранить для своих детей, - ты будешь защищать нашу страну, ты будешь защищать нашу веру, ты будешь защищать нашу семью. Но сначала ты должен вырасти, выучиться, стать сильным и умным, стать тем, кем ты должен стать. А пока - просто будь счастливым, просто будь ребёнком, просто живи и радуйся, пока есть время, пока есть возможность, пока мир ещё не рухнул.

Они вернулись домой к вечеру. Солнце уже клонилось к закату, и его лучи были золотыми и мягкими, как будто оно прощалось с ними, как будто оно знало, что они больше никогда не увидят такого заката, такого мирного, такого спокойного, такого прекрасного. Настя уже приготовила ужин - картошку с грибами и салат из свежих овощей, которые пахли летом и землёй, и они сели за стол, и этот ужин был таким же, как всегда, - тёплым, домашним, наполненным разговорами и смехом, наполненным той любовью, которая была их опорой, их силой, их надеждой, их жизнью. Но Александр чувствовал, что в воздухе висит какая-то странная напряжённость, какое-то предчувствие, которое не давало ему покоя, которое шептало ему о том, что этот ужин - последний, что завтра всё изменится, что их мир рухнет, и что они никогда больше не будут такими, как сейчас.

После ужина они сидели на крыльце, как и обещали. Ночь опускалась на Москву, и звёзды зажигались одна за другой, как маленькие свечи на небе, как те свечи, которые зажигают в храмах, когда молятся о мире и о спасении. Настя сидела рядом с Александром, прижавшись к нему, и они молчали, глядя на небо, на те далёкие светила, которые были такими же яркими и далёкими, как над Доном, как те звёзды, под которыми родились и выросли их предки, под которыми они уходили на войну и возвращались с неё, под которыми они молились и верили, под которыми они жили и умирали, под которыми они обретали свою судьбу и свою историю, свою вечность.

- Саша, - сказала она вдруг, и её голос был тих, но в нём слышалась та тревога, которая не давала ей покоя, та боль, которая сжимала её сердце, та любовь, которая была её опорой, - ты думаешь, что мы будем жить в мире всегда? Что война не коснётся нас? Что наши дети не узнают, что такое война? Что наша жизнь останется такой же, как сейчас?

Александр задумался. Он хотел сказать ей то, что она хотела услышать, - что да, что война не коснётся их, что всё будет хорошо, что их дети будут жить в мире, что их жизнь останется такой же, как сейчас. Но он не мог. Он чувствовал, что ложь была бы хуже правды, что она должна знать, что он чувствует, что он знает, что он предчувствует.

- Я не знаю, Настя, - сказал он, и голос его был тихим, но твёрдым, как сталь, как тот клинок, который он должен был взять в руки, - я не знаю, что будет завтра, я не знаю, что принесёт нам судьба, я не знаю, увидим ли мы завтрашний день, я не знаю, останемся ли мы вместе, я не знаю, выживем ли мы. Но я знаю одно: я сделаю всё, чтобы защитить вас, я сделаю всё, чтобы вы жили, я сделаю всё, чтобы вы были счастливы, даже если это будет стоить мне жизни, даже если это приведёт меня к смерти, даже если это отнимет у меня всё, что у меня есть.

Она посмотрела на него, и в её глазах блеснули слёзы, те слёзы, которые она сдерживала весь день, те слёзы, которые были её болью и её любовью, её страхом и её надеждой. Она прижалась к нему ещё крепче, как будто хотела впитать его тепло, его силу, его любовь, как будто хотела запомнить его навсегда, на случай, если это их последняя ночь вместе.

- Я люблю тебя, Саша, - сказала она, и её голос был тих, но в нём слышалась вся её душа, вся её жизнь, вся её вера, вся её надежда, вся её любовь. - Я люблю тебя и детей больше всего на свете, больше моей жизни, больше моей смерти, больше моей судьбы, больше моей истории, больше моей вечности.

- Я тоже люблю тебя, Настя, - ответил он, и его голос был полон той любви, которая была его опорой, той любви, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути. - И я никогда не дам вас в обиду, я никогда не позволю врагу коснуться вас, я никогда не позволю войне разрушить наш дом, нашу семью, нашу веру, нашу любовь, нашу жизнь, нашу смерть, нашу судьбу, нашу историю, нашу вечность.

Они сидели так на крыльце до глубокой ночи, глядя на звёзды и слушая тишину, ту тишину, которая была последней тишиной их мирной жизни, последней тишиной перед той бурей, которая должна была обрушиться на них, последней тишиной перед той войной, которая должна была изменить всё. Это были последние часы их мирной жизни, и они знали это, чувствовали это, понимали это, даже если не говорили об этом вслух, и они хотели запомнить каждое мгновение, каждый звук, каждый запах, каждое прикосновение, каждое слово, каждую улыбку, каждую слезу, каждую надежду, каждую веру, каждую любовь, чтобы сохранить это в своих сердцах навсегда, как память о том, что было, как надежду на то, что будет, как веру в то, что свет всегда побеждает тьму, что добро всегда побеждает зло, что вера всегда побеждает сомнение, что любовь всегда побеждает смерть.

Глава 9. Тревога в эфире

Вечер двадцать первого июня тысяча девятьсот сорок первого года опускался на Москву медленно и неохотно, как будто само время не хотело расставаться с этим днём. Солнце уже скрылось за горизонтом, но небо на западе ещё долго хранило багровый отсвет, смешанный с лиловыми тенями набегающих туч. Этот отсвет был каким-то странным, тревожным, не похожим на обычный закат, - он был слишком ярким, слишком красным, как будто там, за горизонтом, горело что-то огромное, что-то, что ещё не могли увидеть глаза, но что уже чувствовало сердце. Воздух был тяжёлым, неподвижным, и даже листья на деревьях, казалось, замерли в

ожидании, боясь пошевелиться, нарушить ту хрупкую, почти мистическую тишину, которая предшествует самым страшным событиям.

Александр сидел в своей комнате, в той самой комнате, где он провёл столько вечеров, читая книги или работая над бумагами, где прошли его самые мирные, самые тихие часы. Но сегодня он не читал и не работал. Он сидел у радиоприёмника, старого фанерного, с круглой шкалой, на которой были выписаны названия городов - Берлин, Лондон, Париж, Прага. Он крутил ручку настройки, и эфир откликался на его прикосновения шипением, треском, обрывками музыки и голосов. Он искал немецкие станции. Он должен был знать. Он должен был услышать то, что уже чувствовал всем своим существом.

Сначала он слышал только шум и треск. Но потом, на одной из частот, он уловил голос - сухой, металлический, с тем особенным военным акцентом, который он научился различать за последние дни. Голос читал что-то быстро, без интонаций, как будто перечислял пункты хозяйственного отчёта. Но Александр слышал слова, от которых кровь стыла в жилах.

«...Вторая танковая группа завершила передислокацию... первые эшелоны достигли исходных позиций... северное направление... готовность номер один... артиллерийская подготовка запланирована на три часа пятнадцать минут...»

Он замер, чувствуя, как его сердце начинает биться быстрее, как кровь стучит в висках, как холодный пот выступает на лбу. Он знал этот язык. Он знал эти слова. Он знал, что они означают. Он снова повернул ручку, и другой голос подтвердил его самые страшные опасения:

«...Пятьдесят четвёртый пехотный полк... выдвижение к границе... артиллерийская подготовка... три часа пятнадцать минут...»

Александр выключил приёмник. В комнате наступила тишина - звонкая, пугающая, как будто весь мир замер в ожидании первого удара. Он сидел неподвижно, глядя на тёмный репродуктор, и чувствовал, как холодный пот выступает на его лбу, как его руки дрожат от того напряжения, которое накопилось в его душе.

«Три часа пятнадцать минут, - подумал он. - Рассвет. Они начнут на рассвете».

Он поднялся с кресла и подошёл к окну. За ним была ночь - тёплая, летняя, с яркими звёздами и тихим шёпотом листьев. Берёза стояла во дворе, белая и прямая, освещённая слабым светом уличного фонаря. Александр смотрел на неё и думал о том, что завтра этот мир может исчезнуть. Что завтра он уже не будет таким, как сегодня. Что завтра начнётся то, что изменит всё.

В этот момент дверь приоткрылась, и в комнату вошла Настя.

Настя вошла бесшумно, как всегда, ступая босыми ногами по тёплому полу. На ней было то самое ситцевое платье, в мелкий цветочек, которое она любила носить по вечерам. Она остановилась у двери, опершись о косяк, и посмотрела на Александра. Она сразу заметила, как изменилось его лицо - оно было бледным, с сероватым оттенком, как у человека, который только что увидел призрака, который только что заглянул в лицо смерти. Его глаза, обычно спокойные и уверенные, сейчас были широко открыты и смотрели куда-то в пустоту, как будто он видел то, чего не могли видеть другие.

- Саша, - тихо сказала она, входя в комнату, - что случилось? Ты бледный, ты весь дрожишь. Что ты услышал?

Она подошла к нему и положила руку на плечо. Рука её была тёплой, живой, и это тепло вдруг пронзило Александра, вернув его из того холодного мира, где он только что был, из того мира, где звучали приказы о войне, где уже считали минуты до того, как начнётся ад.

Он посмотрел на неё и попытался улыбнуться, но улыбка получилась вымученной, как у человека, который пытается скрыть ту боль, которая разрывает его сердце. Его лицо было бледным, и на лбу выступили капельки пота, которые он даже не замечал.

- Война начнётся завтра, - сказал он, и голос его был тихим, но твёрдым, как сталь, закалённая в огне, как тот металл, который он обрабатывал на заводе, который должен был стать крыльями для самолётов. - Я знаю, я уверен, я слышал их приказы своими ушами. Они уже стоят у границы. Танки, самолёты, пехота. Всё готово. Они ждут только сигнала.

Настя замерла. Рука, лежавшая у него на плече, дрогнула, но она не убрала её. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, и в них была та смесь страха и надежды, которая бывает у людей, когда они слышат то, чего боялись услышать, но что уже чувствовали всем своим существом.

- Война? - переспросила она шёпотом, и голос её дрожал, как дрожит струна, по которой ударили слишком сильно. - Но ты откуда знаешь? По радио ничего не говорили. Мы слушали новости, там было спокойно. Всё было как всегда, как вчера, как позавчера, как всегда в мирное время. Может, ты ошибся? Может, это просто учения?

- Я слушал немецкие станции, - ответил Александр, и голос его стал твёрже, потому что он знал, что должен быть сильным для неё, что он не имеет права показывать свою слабость, что он должен защитить её, даже если это будет стоить ему жизни. - Они передают приказы. Называют части, направления, время атаки. Три часа пятнадцать минут ночи. Рассвет. Я слышал, Настя. Своими ушами. Я знаю этот язык, я знаю эти слова. Это не учения. Это война. Она уже здесь. Она уже на пороге. Она уже стучится в наши двери.

Настя медленно опустилась на кровать рядом с ним. Она взяла его за руку, и теперь они сидели бок о бок, как когда-то, много лет назад, в студенчестве, когда они были молоды и не знали, что такое война, когда мир казался им простым и понятным, когда будущее было светлым и безоблачным. Её пальцы, тонкие и тёплые, сжали его ладонь, и в этом прикосновении было всё, что она не могла сказать словами: любовь, страх, надежда и та тихая, спокойная вера, которая приходит к человеку, когда он понимает, что у него ничего не осталось, кроме веры, кроме надежды, кроме любви.

- Может, ты ошибаешься? - спросила она, и голос её звучал почти умоляюще, как у человека, который не хочет верить в неизбежное, который хочет отодвинуть правду, хотя уже знает, что это невозможно. - Может, это просто провокация? Может, они хотят, чтобы мы испугались, чтобы мы поверили, что война начнётся, а потом ничего не случится?

- Нет, Настя, - ответил он, и голос его был твёрд, как сталь, как тот металл, который он обрабатывал на заводе, как та вера, которая была его опорой, - когда говорят «артиллерийская подготовка» и «исходные позиции», это не провокация. Это война. Она уже здесь. Она уже на пороге. Я не хочу верить в это, но я знаю, что это правда. Я чувствую это каждой клеткой своего тела, каждой частью своей души. Завтра начнётся то, что изменит всё. Завтра начнётся то, что отнимет у нас всё, что нам дорого.

Он повернулся к ней и посмотрел прямо в глаза. Его взгляд был твёрдым, но в нём была та любовь, которая была его опорой, та любовь, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути.

- Настя, я должен сказать тебе ещё кое-что. Я не останусь здесь. Сегодня ночью я пойду в военкомат. Я запишусь добровольцем. Я не могу остаться, когда другие будут защищать нашу страну. Я не могу сидеть здесь и ждать, пока кто-то другой сделает то, что я должен сделать сам. Я не могу смотреть в глаза нашим детям, если они спросят меня: «Папа, а что ты делал, когда началась война?» Что я им скажу? Что я сидел в кресле и слушал радио? Что я ждал, пока кто-то другой защитит их?

Настя вздрогнула, и глаза её наполнились слезами. Она не заплакала - она была сильной, - но слёзы стояли в её глазах, как роса на утренней траве, готовая пролиться в любой момент. Она знала, что он прав, знала, что он должен идти, знала, что она не может остановить его, потому что это был его долг, его вера, его судьба.

- Саша, - сказала она, и голос её дрожал, но она старалась говорить твёрдо, как стараются говорить женщины, когда они должны быть сильными для своих мужей, - ты не обязан идти. Ты нужен детям. Ты нужен мне. Мы не справимся без тебя. Что будет с нами, если ты не вернёшься? Как я буду жить без тебя? Как я буду растить детей без отца?

- Именно поэтому я и должен идти, - ответил он, и голос его был мягким, но в нём слышалась та твёрдость, которая рождается из веры, из той веры, которая была его опорой. - Потому что я не могу представить, как я буду смотреть в глаза Коле и Кате, если они спросят меня: «Папа, а что ты делал, когда началась война?» Что я им скажу? Что я сидел в кресле и слушал радио? Что я ждал, пока кто-то другой защитит их? Я не могу, Настя. Я не могу жить с этим. Я должен идти. Я должен быть там, где моя страна нуждается во мне. Я должен защищать вас, даже если это будет стоить мне жизни.

Они сидели так, обнявшись, и тишина в комнате была наполнена только звуком их дыхания и мерным тиканьем часов, которые отсчитывали последние минуты мирной жизни. За окном, где-то далеко, слышался гул самолётов - чужой, низкий, угрожающий, как предзнаменование, как тот зловещий звук, который предвещает беду.

Когда Настя вышла, Александр остался один. Он подошёл к столу, сел на стул и открыл ящик. Там лежала стопка чистой бумаги и старая чернильница с перьевой ручкой - та самая, которой он писал письма домой, когда был в командировках, та самая, которой он писал свои первые чертежи, та самая, которой он выводил те линии, которые потом становились крыльями самолётов. Он обмакнул перо в чернила и начал писать. Его рука дрожала, но буквы ложились ровно, как у человека, который знает, что каждое его слово - последнее, которое он напишет для тех, кого любит.

«Настя, моя родная, моя любимая, моя единственная. Если ты читаешь это письмо, значит, меня уже нет в живых. Я хочу, чтобы ты знала: всё, что я делал в своей жизни, я делал ради тебя и ради наших детей. Ты была для меня опорой и светом, ты была тем, кто согревал меня в самые холодные дни, ты была моей верой, моей надеждой, моей любовью. Я ушёл на войну, потому что не мог остаться. Потому что любовь к Родине - это когда ты готов отдать жизнь за то, чтобы твои дети могли жить в мире, чтобы они не знали тех ужасов, которые видели наши предки.

Если я не вернусь, помни: я люблю тебя и детей больше жизни. Береги их. Воспитывай их в вере, в той вере, которую я нашёл и которую ты должна передать им. Пусть они знают, кто они и откуда они. Пусть они помнят, что они - Берёзовы, и что Берёзовы не сдаются, они не отступают, они не предают. Я верю, что Господь не оставит вас, что Он защитит вас, что Он будет с вами, даже когда меня не будет рядом. Прости меня за всё, за все мои ошибки, за все мои слабости, за то, что я не всегда был тем мужем, которым должен был быть, за то, что я не всегда был тем отцом, которым должен был быть. Твой Саша».

Он сложил письмо, положил в конверт и убрал в ящик стола, где лежали старые, пожелтевшие фотографии и молитвослов прадеда. Потом встал и пошёл к детям.

Дверь в комнату детей была приоткрыта. Александр вошёл бесшумно, как тень, как тот человек, который уже начал прощаться с той жизнью, которая уходила в прошлое. Коля и Катя спали. Коля лежал на спине, раскинув руки, как маленький командир, как тот солдат, которым он, возможно, станет через несколько лет, и его лицо, безмятежное и спокойное, казалось таким родным, таким дорогим. Катя спала, свернувшись калачиком, прижав к себе куклу - ту самую, которую он купил ей на прошлый день рождения, ту самую, с которой она не расставалась, ту самую, которая была её лучшей подругой.

Александр подошёл к кровати Коли, сел на краешек. Он посмотрел на сына, на его лицо, которое во сне казалось таким незащищённым, таким детским, таким чистым, ещё не тронутым

страхом и войной. Его рука, когда он гладил его волосы, дрожала, но он не плакал, ибо знал, что должен быть сильным, что он не имеет права показывать свою слабость перед ними.

- Коля, - прошептал он, и голос его был тих, но в нём слышалась вся его любовь и вся его надежда, - будь сильным. Ты - старший мужчина в доме. Помогай матери, береги сестру. Я вернусь. Обещаю тебе. Я всегда выполняю свои обещания. Я не могу не вернуться, потому что вы ждёте меня, потому что я люблю вас больше жизни, больше смерти, больше всего, что есть на свете.

Потом он перешёл к кровати Кати, наклонился и поцеловал её в лоб, чувствуя тепло её кожи, её дыхание, её жизнь. Её ресницы, когда она спала, были такими длинными и пушистыми, и он запомнил их, запомнил каждую деталь её лица, каждый волосок на её голове, каждое движение её губ во сне.

- Доченька, - прошептал он, и голос его дрожал от той любви, которая была его опорой, - ты - моя радость, ты - мой свет. Будь послушной, помогай маме. Я люблю тебя больше жизни, больше всего на свете. Я вернусь к тебе, я обещаю тебе, я обещаю вам всем, что я вернусь, потому что я не могу не вернуться, потому что вы ждёте меня, потому что я люблю вас больше жизни, больше смерти, больше всего, что есть на свете.

Настя стояла в коридоре и смотрела на него. В глазах её блеснули слёзы, но она не плакала, ибо знала, что должна быть сильной, что она не имеет права показывать свою слабость, что она должна поддержать его, даже когда ей страшно, даже когда её сердце разрывается от боли. Она смотрела, как он прощается с детьми, как он целует их, как он гладит их волосы, и в её душе, в той глубокой, тёмной тишине, где жили её страхи, начинала зажигаться та искра веры, которая не даёт погаснуть надежде.

Александр вышел на улицу. Ночь была тёплой, но на западе небо имело странный, тревожный оттенок - багрово-серую дымку, подсвеченную снизу невидимым пламенем, как будто там, за горизонтом, уже горела земля, уже начиналась та война, которая должна была стать самой страшной в истории человечества. Там, за горизонтом, уже чувствовалось дыхание войны, и это дыхание, как холод, как тот ледяной ветер, который дует с севера и проникает в каждый дом, пробежало по его спине, заставляя его сжиматься от страха и надежды.

Он подошёл к берёзе, которая росла у дома, и положил руку на её кору, чувствуя её шершавую, тёплую поверхность, которая хранила тепло солнца и память о всех тех, кто касался её до него. Она была старой, этой берёзе было много лет, она видела столько войн и столько страданий, столько побед и столько поражений, столько надежд и столько разочарований, столько жизней и столько смертей, столько судеб и столько историй, столько вечностей. Она стояла здесь, когда его отец был мальчиком, когда его дед был солдатом, когда его прадед уходил на войну, и она продолжала стоять, как стояла всегда, как будет стоять всегда, как стоит вера, как стоит надежда, как стоит любовь.

- Берёза, - тихо сказал он, и голос его был полон той веры, которая стала его опорой, той веры, которая не давала ему упасть духом, той веры, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии, - я ухажу защищать тебя, защищать Россию, защищать нашу веру, защищать наши семьи, защищать всё то, что нам дорого, всё то, что мы любим, всё то, что составляет смысл нашей жизни. Я вернусь. Обещаю тебе, обещаю своей семье, обещаю нашей земле, обещаю нашей вере, обещаю нашей надежде, обещаю нашей любви. Я вернусь или умру за неё, как умирали мои предки, как умирали все, кто был до меня, как умирали все, кто не сдался и не предал, кто сохранил свою веру и свою честь, и передал их нам, чтобы мы могли идти по их следам, чтобы мы могли продолжать их дело, чтобы мы могли передать их веру нашим детям и внукам, чтобы она никогда не угасла.

Ветер качнул ветки, и листья зашелестели, как будто дерево отвечало ему, как будто оно обещало ему, что будет ждать его, как ждало всех Берёзовых на протяжении веков, как ждало

всех, кто уходил и возвращался, как ждало всех, кто уходил и не возвращался. Александр отошёл от берёзы и направился к калитке. Уже взявшись за ручку, он оглянулся на дом, на тёплый свет в окне, который горел и ждал его, который был его надеждой и его верой, его жизнью и его смертью, его судьбой и его историей, его вечностью. Он помахал рукой - прощаясь с той жизнью, которая уже уходила в прошлое, которая уже становилась памятью, которая уже становилась историей. Затем он повернулся и пошёл в сторону военкомата.

Дорога до военкомата заняла около часа. Александр шёл не спеша, стараясь запомнить каждую деталь этой ночи - шум ветра, запах листвы, далёкий лай собак, свет фонарей, которые горели через один, создавая те причудливые тени, которые плясали на стенах домов, как призраки прошлого. Ночь была тихой, но в этой тишине чувствовалось напряжение, как будто сама земля ждала удара, как будто она затаила дыхание, готовясь к тому, что должно было случиться. Где-то за чертой города выла сирена - сначала тихо, потом громче, потом стихала, как будто её голос был предзнаменованием того, что должно случиться, того, что уже стояло на пороге, того, что уже стучалось в их двери.

Он подошёл к зданию военкомата. У дверей уже стояли люди - мужчины разных возрастов, от юношей до стариков, и все они были такими же, как он, с рюкзаками, с тревогой в глазах, с той решимостью, которая рождается из осознания своего долга. Они курили, переговаривались вполголоса, и их лица, бледные и встревоженные, были обращены к дверям, к той неизвестности, которая ждала их там. Александр встал в очередь, и его шаги, когда он становился рядом с другими, были твёрдыми и уверенными, как у человека, который знает, что идёт на войну, и который готов к тому, что ждёт его впереди.

Рядом стоял старик в потёртом пиджаке. Его лицо было покрыто глубокими морщинами, и в глазах его светилась та мудрость, которая приходит только с годами, с теми годами, когда человек научился не бояться смерти, потому что увидел её слишком много раз, и научился принимать то, что нельзя изменить, потому что есть вещи, которые сильнее человека, сильнее его страха, сильнее его надежды.

- Тоже доброволец? - спросил он хриплым голосом, и в голосе его слышалась та усталость, которая бывает у людей, которые прошли через войну и знают, что такое смерть, но которые всё равно идут, потому что не могут иначе.

- Да, - ответил Александр, и голос его был твёрд, как сталь, как тот металл, который он обрабатывал на заводе, как та вера, которая была его опорой.

- Молодец, - сказал старик. - Я воевал ещё в ту войну, в Первую. Эта будет страшнее. Но мы выстоим. Мы всегда выстаивали. Мы не умеем сдаваться. Мы не умеем отступать. Мы не умеем предавать. Мы всегда идём до конца, как шли наши предки, как велит нам наша вера, как велит нам наш долг перед Богом и перед Россией.

Александр кивнул, и в его душе, в той глубокой, тёмной тишине, где жили его страхи, начал зажигаться тот огонь, который не может погаснуть, тот огонь, который был его опорой, тот огонь, который был его светом в темноте и его надеждой в отчаянии. Он посмотрел на небо, на запад, где уже чувствовалось дыхание войны, где уже собирались тучи, где уже точили свои когти враги, готовясь вонзить их в его плоть, и прошептал про себя, и голос его был тих, но полон той веры, которая была его опорой, той веры, которая не давала ему упасть духом:

- Господи, защити нас, защити нашу землю, защити мою семью, защити моих детей, защити Настю, защити всех, кто мне дорог, всех, кого я люблю, всех, кто составляет смысл моей жизни. Дай нам сил идти до конца, не останавливаться, не падать, не сдаваться, не терять веры, даже когда всё будет против нас, даже когда смерть будет стоять за нашим плечом, даже когда казаться, что надежды больше нет.

Он перекрестился широко, размашисто, и его рука, дрожащая и уверенная, коснулась лба, груди и плеч, и он шагнул в тёмный проём двери военкомата, туда, где начиналась война,

туда, где начиналась его судьба, его история, его вечность. За его спиной оставалась ночь, Москва, берёза, храм и та жизнь, которая уже уходила в прошлое, которая уже становилась памятью, которая уже становилась историей. Начиналась война, и он был готов к тому, что ждёт его впереди, с верой и решимостью в сердце, зная, что Берёзовы не сдаются, они не отступают, они не предают, они не теряют веры, они не теряют надежды, они не теряют любви, они идут до конца, как шли их предки, как велит им их вера, как велит им их долг перед Богом и перед Россией, и они всегда возвращаются, всегда возвращаются к тому, что им дорого, к тому, что они любят, к тому, что составляет смысл их жизни.

Глава 10. Война

В Москве было воскресное утро. Солнце уже поднялось над городом, и его лучи, пробиваясь сквозь утреннюю дымку, освещали купола церквей и шпили Кремля, окрашивая их в мягкие золотые и розовые тона, которые, казалось, обещали мир и покой, которые, казалось, говорили о том, что этот день будет таким же, как и все предыдущие, таким же, как тысячи других воскресных дней, когда люди просыпались, шли в церковь, гуляли в парках, отдыхали с семьями, не думая о том, что их жизнь может измениться в одно мгновение. На улицах было тихо - та воскресная тишина, которая бывает только в выходные дни, когда город ещё не проснулся, когда люди ещё спят, когда можно забыть о всех тревогах и просто быть. Но эта тишина была обманчивой, ибо в воздухе уже висело то напряжение, которое бывает перед бурей, когда всё замирает в ожидании первого удара, когда даже ветер, кажется, боится нарушить эту хрупкую гармонию.

В здании военкомата на окраине Москвы тишины не было. Здесь, в длинных, тёмных коридорах с высокими потолками и облупившейся краской на стенах, пахло потом, табаком и тревогой - той особенной, липкой тревогой, которая бывает у людей, когда они ждут чего-то неизбежного, когда они знают, что их жизнь вот-вот изменится, но не знают, как именно. Здесь стояли люди - сотни людей, мужчины разных возрастов, от юношей, у которых ещё не было даже усов, до стариков, которые уже прошли Первую мировую и Гражданскую, и которые знали, что такое война, но которые всё равно пришли, потому что не могли иначе. Они стояли молча, и их лица, бледные и встревоженные, были обращены к двери кабинета, откуда должны были прийти новости.

Александр стоял в коридоре, прислонившись к холодной стене. Он не спал всю ночь. Глаза его слипались, веки тяжелели, и в голове был тот туман, который бывает у людей, когда они не спали слишком долго, когда они слишком много думали, когда они слишком много переживали. Он думал о Насте, о её лице, о её улыбке, о её руках, которые были такими тёплыми и родными. Он думал о детях - о Коле, о его серьёзных глазах, которые уже начинали понимать, что такое взрослая жизнь, и о Кате, о её светлых косичках, о её смехе, который был его радостью. Он думал о брате, о его вере, о его молитвах, о той иконе, которую он дал ему, и которая теперь лежала у него в кармане, согревая его сердце своим холодным серебром. Он думал о берёзе, о той белой, прямой берёзе, которая росла у их дома, и которая была символом их рода, их веры, их надежды, их любви.

- Товарищи! - раздался голос из кабинета. - Внимание! Сейчас будет передано важное правительственное сообщение!

Все замерли. В комнате, где стоял репродуктор, наступила такая тишина, что было слышно, как бьются сердца. Александр подошёл ближе, встал у двери, за которой висел чёрный динамик. И вот из репродуктора раздался голос - голос Молотова, Председателя Совета Народных Комиссаров. Голос был хриплым, срывающимся, как у человека, который не спал всю ночь, но в нём была сталь и вера:

«Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление: сегодня, в 4 часа утра, без предъявления

каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города - Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий...»

Александр закрыл глаза. Он знал, что это случится, но когда он услышал это своими ушами, слова прозвучали как приговор, как та правда, которую нельзя отменить.

«...Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено, несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении, и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора... Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей...»

Голос Молотова продолжал говорить о вероломстве, о том, что Германия нарушила все обязательства, о том, что наша страна не нарушала границы, что это ложь и провокация. Александр слышал эти слова, но они как будто проходили мимо него, потому что главное уже было сказано: война началась.

«...Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполнят долг перед родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар агрессору...»

Александр открыл глаза и посмотрел на людей вокруг. Многие плакали - не от страха, а от той боли, которая живёт в душе каждого, когда он понимает, что его жизнь изменилась навсегда. Многие крестились, многие сжимали кулаки, многие просто стояли молча, глядя в одну точку.

«...Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

Голос замолк. В коридоре повисла тишина - та особенная, звенящая тишина, которая бывает после того, как сказано самое важное. Александр перекрестился широко, размашисто, и его рука, дрожащая и уверенная, коснулась лба, груди и плеч. Он прошептал про себя:

- Господи, защити нас. Защити нашу землю. Защити мою семью. Дай нам сил идти до конца. Аминь.

В то же утро, когда объявление войны разнеслось по всей стране, в Богоявленском соборе было необычно многолюдно. Люди пришли не по расписанию - они пришли потому, что чувствовали, что должны быть здесь, что должны молиться, что должны просить защиты. Они стояли в полумраке храма, и их лица, бледные и встревоженные, были обращены к алтарю, к тем святым ликам, которые смотрели на них с вековой мудростью и печалью, как будто они знали, что грядёт, и как будто они обещали им свою защиту.

Отец Николай стоял перед иконой Богородицы. Он уже знал о войне - слух пронёсся по городу быстрее, чем официальное объявление, и его сердце, когда он услышал это, сжалось от боли. Он думал о брате, о том, что Александр уже в военкомате, что он уже готовится уйти на фронт, что он может не вернуться. Он думал о всех тех, кто уйдёт на войну, о всех тех, кто останется ждать и верить, о всех тех, кто будет молиться о победе, о всех тех, кто будет плакать по тем, кто не вернётся.

Когда из репродуктора, установленного на паперти, раздался голос Молотова, отец Николай вышел из алтаря. Он встал перед прихожанами, и его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась та вера, которая была его опорой:

- Братья и сёстры, вы слышали. Война пришла на нашу землю. Враг перешёл границу, и наши братья и сёстры уже сражаются с ним. Но не бойтесь. Не позволяйте страху овладеть вашими душами. Помните: Господь никогда не оставляет тех, кто в Него верит. Он всегда

рядом, даже когда кажется, что мы одни, даже когда кажется, что надежды больше нет, даже когда мир рушится вокруг нас. Молитесь, братья и сёстры, молитесь всей душой, всем сердцем, всей своей жизнью. Молитесь о победе, молитесь о защите, молитесь о тех, кто уходит на войну, молитесь о тех, кто остаётся, молитесь о тех, кто верит и кто не верит, о тех, кто надеется и кто отчаялся, о тех, кто живёт и кто умирает.

Он поднял крест, и его голос, когда он возглашал молитву, был тих, но в нём слышалась та вера, которая была его опорой, та вера, которая не знает страха и не знает сомнений, та вера, которая была сильнее любого оружия, сильнее любого врага, сильнее самой смерти:

- Господи, благослови воинов наших, благослови их на ратный подвиг, на ту священную борьбу, которая ждёт их! Защити их от стрел вражеских и от коварства, от пули и сабли, от голода и холода, от отчаяния и страха, от потери веры и надежды! Даруй им победу над врагом, который хочет попать нашу веру и нашу землю, который хочет уничтожить наши храмы и наши иконы, который хочет стереть с лица земли всё, что нам дорого, всё, что мы любим, всё, что составляет смысл нашей жизни! Сохрани их в бою и дай им сил идти до конца, не отступать, не сдаваться, не предавать, не терять веры, даже когда всё будет против них, даже когда смерть будет стоять за их плечом, даже когда казаться, что надежды больше нет, даже когда мир рушится вокруг них!

Прихожане плакали, и их слёзы, горячие и солёные, падали на холодный каменный пол, оставляя тёмные пятна. Они молились, и их голоса, полные веры и надежды, слились в тот единый хор, который поднимался к небу, как тот дым ладана, который смешивается с дыханием верующих и доходит до самого Бога.

Старуха в чёрном платке, стоявшая у иконы Богородицы, плакала навзрыд, прижимая руки к груди, и её голос, дрожащий и отчаянный, разрывал тишину:

- Батюшка, спасите нас, грешных! Война началась, война снова пришла на нашу землю! Мы не выдержим, мы не выдержим этого снова! Мы уже столько пережили, столько потеряли, столько слёз пролили!

Отец Николай спустился с амвона, подошёл к ней, взял её руки, и его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его любовь к этим людям:

- Не плачь, матушка, не отчаивайся, не позволяй горю сломить тебя, не дай печали завладеть твоим сердцем. Господь слышит тебя, Он знает твою боль, Он знает все твои страдания. Он не оставит нас, и мы выстоим, потому что вера наша крепка, как корни старого дуба, который выдерживает любые бури. Молись и верь, и Господь услышит тебя, и Он даст нам силы пережить все испытания, которые только могут выпасть на нашу долю.

Он обернулся к иконе, и его голос, когда он продолжал молитву, был тих, но в нём слышалась та вера, которая была его опорой, та вера, которая не давала ему упасть духом, та вера, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии:

- Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твоё, победы православным христианом на сопротивных даруя, и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство.

Он перекрестился широко, размашисто, и его рука, дрожащая и уверенная, коснулась лба, груди и плеч. Он знал, что война будет долгой и страшной, что многие из тех, кто стоит перед ним, потеряют своих близких, что многие из тех, кто ушёл на фронт, не вернутся, что многие из тех, кто остался, будут плакать и молиться. Но он также знал, что вера - это то, что не может быть уничтожено ни одной войной, ни одной смертью, ни одним страданием, и что пока есть те, кто молится, пока есть те, кто верит, пока есть те, кто надеется, пока есть те, кто любит, Россия не будет побеждена, она не будет сломлена, она не будет уничтожена, потому что она - та земля, которая не сдаётся, которая не падает, которая не предаёт, которая всегда побеждает.

В коммунальной квартире на улице Горького, в той самой комнате, где пахло табаком и графитом, где на столе лежали чертежи, которые Александр не успел закончить, Настя сидела

у радиоприёмника, прижимая к себе Катю. Коля стоял рядом, и его лицо, бледное и напряжённое, было обращено к чёрному динамику, из которого доносился голос Молотова. Когда голос замолк, в комнате повисла тишина - та особенная, звенящая тишина, которая бывает после того, как сказано самое страшное.

Катя заплакала. Она не понимала до конца, что произошло, но она видела страх в глазах матери, видела, как побелело лицо брата, слышала тот голос из репродуктора, который говорил о чём-то страшном, о чём-то, что изменит их жизнь навсегда. Она прижалась к матери и заплакала, и её слёзы, горячие и солёные, падали на руки Насти, оставляя на них мокрые пятна.

- Мама, - сказала она, и её голос дрожал от того страха, который живёт в душе каждого ребёнка, когда он чувствует, что его мир рушится, - мама, что случилось? Почему ты плачешь? Где папа? Почему он не пришёл домой? Он же обещал, что придёт, он обещал, что мы пойдём на дачу, он обещал, что мы будем собирать цветы, он обещал, что мы будем жить, как раньше!

Настя прижала дочь к себе, и её голос, когда она заговорила, был мягким и тёплым, как тот летний ветер, который касается лица и приносит с собой запах цветов и травы, но в нём слышалась та дрожь, которую она не могла скрыть:

- Война началась, дочка. Твой папа ушёл защищать нашу страну, нашу землю, нашу веру, наши семьи, наши дома. Он не мог остаться, он должен был пойти, он должен был сделать то, что делают мужчины, когда их страна в опасности. Но он вернётся, Катя, он обязательно вернётся, потому что он обещал нам, потому что он любит нас, потому что мы - его семья. Он не может не вернуться, потому что мы ждём его, потому что мы верим в него, потому что мы любим его больше жизни, больше смерти, больше всего, что есть на свете.

Катя подняла голову, и в её глазах, мокрых от слёз, была та детская вера, которая способна сдвинуть горы, ибо она чиста и не знает сомнений, ибо она доверяет своим родителям, доверяет Богу, доверяет тому свету, который всегда побеждает тьму:

- Мама, он вернётся, правда? Он вернётся к нам, как вернулся из командировки, как возвращался с завода, как всегда возвращался домой, когда мы ждали его? Он же обещал, что мы будем жить вместе, что мы будем всегда вместе, что он никогда не оставит нас, что мы - его семья, что мы - его жизнь, что мы - его вера, что мы - его надежда, что мы - его любовь!

Настя обняла дочь крепче, и в этом объятии было всё, что она не могла сказать словами - любовь, страх, надежда и та тихая, спокойная вера, которая приходит к человеку, когда он понимает, что у него ничего не осталось, кроме веры, кроме надежды, кроме любви:

- Да, дочка, он вернётся. Он вернётся, потому что он не может не вернуться, потому что он любит нас, потому что мы ждём его, потому что мы верим в него, потому что мы молимся за него каждый день, каждую минуту, каждое мгновение, каждое дыхание. Мы будем ждать его столько, сколько нужно, сколько бы ни пришлось ждать, потому что мы - Берёзовы, и мы не сдаёмся, мы не отступаем, мы не предаём, мы не теряем веры, мы не теряем надежды, мы не теряем любви.

Коля подошёл к матери и сел рядом. Его лицо было бледным, но в глазах его была та решимость, которая рождается из осознания своего долга, из той веры, которая была его опорой, из той любви, которая была его жизнью. Он взял мать за руку, и его голос, когда он заговорил, был твёрдым, хотя в нём слышалась та дрожь, которую он не мог скрыть:

- Мам, я буду помогать тебе. Я буду защищать Катю. Я буду делать всё, что нужно. Я буду ждать папу и верить, что он вернётся, потому что если мы перестанем верить - мы потеряем всё. А мы не можем потерять всё, потому что у нас есть друг у друга, есть наша вера, есть наша надежда, есть наша любовь, и это сильнее любой войны, сильнее любой смерти, сильнее любой разлуки.

Настя посмотрела на сына, и её глаза, которые ещё недавно были пустыми и неподвижными, наполнились той любовью, которая была её опорой, той любовью, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на её пути:

- Спасибо, сын, - сказала она, и её голос был тих, но в нём слышалась та твёрдость, которая рождается из материнской любви, которая не знает страха, которая не знает сомнений, которая не знает поражений, - спасибо, что ты есть у меня. Спасибо, что ты веришь в него. Спасибо, что ты веришь в нас, и в нашу семью, и в нашу веру, и в нашу надежду, и в нашу любовь. Мы выстоим, мы выдержим, мы пройдем через всё это, как проходили наши предки, как проходили все, кто был до нас, и мы сохраним свою веру, свою надежду, свою любовь, и мы передадим их нашим детям и внукам, чтобы они знали, кто мы и откуда мы, чтобы они знали, за что мы сражались и умирали, чтобы они знали, что мы не сдались и не предали, что мы сохранили свою веру и свою честь, и передали их им.

Она поднялась с кровати, подошла к окну и посмотрела на город, который просыпался под этим новым небом, под этим небом, которое уже не было мирным, которое уже не было тем небом, под которым они жили ещё вчера. За окном, на улицах, уже собирались люди, и их голоса, взволнованные и тревожные, доносились до неё, как тот шум, который предвещает бурю. Она смотрела на них, и в её сердце рождалось то чувство, которое она не могла назвать, но которое было похоже на гордость, на ту гордость, которая бывает у людей, когда они видят, что их народ не сдаётся, не отступает, не предаёт, а идёт вперёд, несмотря ни на что, несмотря на все препятствия, несмотря на все потери, несмотря на все страдания.

- Смотрите, дети, - сказала она, и её голос был тих, но в нём слышалась та уверенность, которая рождается из веры, из той веры, которая не нуждается в доказательствах, - смотрите на этих людей. Это наш народ. Это те, кто будет защищать нашу страну, кто будет работать в тылу, кто будет ждать своих близких, кто будет верить в победу. Мы - часть этого народа, мы - часть этой борьбы, мы - часть этой победы, которая обязательно наступит. Мы не одни, мы никогда не были одни, и мы никогда не будем одни, потому что за нами стоит вся наша страна, весь наш народ, вся наша история, вся наша вера, вся наша надежда, вся наша любовь.

Она перекрестилась широко, размашисто, и её рука, дрожащая и уверенная, коснулась лба, груди и плеч. Она повернулась к детям, и её глаза, когда она смотрела на них, были полны той любви, которая была её опорой, той любви, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на её пути:

- А теперь мы будем жить. Мы будем работать, мы будем учиться, мы будем ждать, мы будем молиться, мы будем верить, мы будем надеяться, мы будем любить, потому что это единственное, что мы можем сделать, это единственное, что имеет смысл, это единственное, что останется с нами, даже когда всё остальное уйдёт. Мы будем жить, чтобы победить, чтобы выстоять, чтобы вернуть своих близких, чтобы построить новый мир, мир, в котором не будет войны, мир, в котором не будет смерти, мир, в котором будет только свет, только любовь, только вечность.

И они стояли у окна - мать и её дети, - глядя на город, который просыпался под этим новым небом, под этим небом, которое уже не было мирным, но которое всё равно было их небом, их домом, их Россией. И в их сердцах, в их душах, в их мыслях уже начинался тот путь, который должен был привести их через четыре года к Победе - через потери и страдания, через голод и холод, через отчаяние и надежду, через слёзы и молитвы, через ту веру, которая была их опорой, и которая должна была стать их спасением. И они знали, что они выстоят, что они не сдадутся, что они не предадут, что они сохранят свою веру и свою честь, и передадут их своим детям и внукам, чтобы они знали, кто они и откуда они, чтобы они знали, за что они сражались и умирали, чтобы они знали, что они не сдались и не предали, что они сохранили свою веру и свою честь, и передали их им.

А в здании военкомата, где Александр всё ещё стоял в коридоре, ожидая своей отправки, он смотрел на людей вокруг себя и чувствовал, как его душа наполняется той силой, которая была опорой его предков, той верой, которая помогала им выстоять в самые тёмные времена,

той надеждой, которая не угасала, даже когда всё вокруг рушилось. Он сжал в руке икону, которую дал ему брат, и прошептал про себя, и голос его был тих, но в нём слышалась та вера, которая была его опорой, та вера, которая не давала ему упасть духом, та вера, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии:

- Берёза, я здесь. Я на той войне, которую мы так долго ждали и так боялись. Я буду защищать тебя, защищать Россию, защищать нашу веру, защищать наши семьи, защищать всё то, что нам дорого, всё то, что мы любим, всё то, что составляет смысл нашей жизни. Я вернусь или умру за неё, как умирали мои предки, как умирали все, кто был до меня, как умирали все, кто не сдался и не предал, кто сохранил свою веру и свою честь, и передал их нам, чтобы мы могли идти по их следам, чтобы мы могли продолжать их дело, чтобы мы могли передать их веру нашим детям и внукам, чтобы она никогда не угасла.

Он перекрестился, и его рука, дрожащая и уверенная, коснулась лба, груди и плеч. Он знал, что его отправят на фронт в ближайшие часы или дни, что его ждёт впереди - смерть, страдания, кровь, боль, отчаяние, но также и вера, надежда, любовь, победа. И он был готов к этому, готов ко всему, что бы ни случилось, потому что за ним стояла его вера, его семья, его Россия, и потому что он знал, что Берёзовы не сдаются, они не отступают, они не предаются, они не теряют веры, они не теряют надежды, они не теряют любви, они идут до конца, как шли их предки, как велит им их вера, как велит им их долг перед Богом и перед Россией, перед теми, кто ждёт их дома, перед теми, кто верит в них и надеется на них, перед теми, кто молится за них каждый день, каждую минуту, каждое мгновение, каждое дыхание, и они всегда возвращаются, всегда возвращаются к тому, что им дорого, к тому, что они любят, к тому, что составляет смысл их жизни.

За окнами военкомата уже начинался новый день - день, который стал началом самой страшной войны в истории человечества, день, который разделил жизнь миллионов людей на «до» и «после», на мир и войну, на надежду и отчаяние, на жизнь и смерть. Но Александр не боялся, потому что знал: его страна, его народ, его вера, его семья - всё это было сильнее любой войны, сильнее любой смерти, сильнее любой тьмы, которая могла обрушиться на них. И он был готов идти до конца, как шли его предки, как велит ему его долг перед Богом и перед Россией.

Глава 11. Сборы

После объявления войны время в военкомате потекло иначе. Оно перестало быть линейным, привычным, тем временем, которое люди измеряют часами и минутами. Оно стало каким-то тягучим, вязким, как смола, как тот густой, тёмный дым, который поднимался над горизонтом и который, казалось, можно было потрогать руками. Каждая минута теперь длилась вечность, и в этой вечности можно было уместить целую жизнь - или потерять её. Люди стояли в коридорах, сидели на скамейках, прислонялись к стенам, и их лица, бледные и измождённые, были обращены к двери кабинета, откуда должны были прийти приказы. Никто не знал, когда их отправят, никто не знал, куда именно, никто не знал, вернутся ли они. Они ждали, и это ожидание было тяжелее, чем сама война, потому что война была уже реальностью, а ожидание - это была неизвестность, и неизвестность была страшнее любой битвы.

Александр стоял у окна и смотрел на улицу. За стеклом была Москва - та же Москва, которую он знал с детства, которую он любил, которая была его домом, его жизнью, его судьбой. Но сейчас она казалась ему другой, чужой, как будто он видел её впервые, как будто он уже попрощался с ней навсегда. По улицам ходили люди, и их лица были встревоженными, взволнованными, но в их глазах была та решимость, которая рождается из осознания того, что отступать некуда, что они должны защищать свою страну, свою землю, свою веру, свои семьи, свои дома, всё то, что им дорого, всё то, что они любят, всё то, что составляет смысл их жизни. Где-то вдалеке слышались голоса - кто-то кричал, кто-то плакал, кто-то молился, и этот шум, сме-

шанный с запахом пыли и тревоги, создавал ту особую, тяжёлую атмосферу, которая бывает только в дни великих потрясений, когда мир, который ты знал, рушится на твоих глазах, и ты не можешь ничего сделать, чтобы остановить это.

К нему подошёл Степан. Лицо парня было бледным, с той бледностью, которая бывает у людей, когда они не спали всю ночь, когда они слишком много пережили, когда они слишком много думали, но глаза его горели решимостью, той решимостью, которая рождается из осознания своего долга, из той веры, которая была его опорой, из той любви, которая была его жизнью. Он был молод - слишком молод для войны, но война не спрашивает возраста, она не смотрит на годы, она не щадит никого, она приходит и забирает тех, кто должен идти, независимо от того, готовы они или нет.

- Дядя, - сказал он, и его голос дрожал, но он старался говорить твёрдо, как стараются говорить мужчины, когда они должны быть сильными для других, даже если им самим страшно, - ты думаешь, мы скоро уйдём? Ты думаешь, нас отправят сегодня? Я слышал, что некоторые части уже уезжают, что их уже грузят в эшелоны, что они уже едут на фронт, что они уже там, где стреляют, где умирают, где воюют.

Александр повернулся к нему, и его рука, когда он положил её на плечо Степана, была тёплой и уверенной, как рука отца, который говорит с сыном, который уходит в дальний путь, как рука человека, который знает, что должен быть сильным для других, даже если ему самому страшно:

- Скоро, Степан. Нас отправят скоро. Я не знаю, когда именно - может быть, сегодня, может быть, завтра, но это случится. Мы должны быть готовы. Мы должны быть готовы к тому, что нас ждёт впереди, к тому, что мы увидим, к тому, что мы переживём. Мы не знаем, что будет завтра, мы не знаем, увидим ли мы своих близких снова, но мы знаем одно: мы идём защищать нашу страну, нашу землю, нашу веру, наши семьи. И это единственное, что имеет значение.

Степан кивнул, и в его глазах, когда он смотрел на Александра, была та смесь страха и надежды, которая бывает у молодых, когда они идут на войну в первый раз, когда они не знают, что ждёт их впереди, но знают, что они должны идти, потому что иначе нельзя:

- Я боюсь, дядя, - сказал он, и голос его дрожал, но в нём слышалась та искренность, которая бывает у людей, когда они говорят правду, даже если эта правда страшна, даже если эта правда может быть использована против них, - я боюсь, что не выдержу, что сломаюсь, что побегу, что не смогу смотреть в глаза смерти, что не смогу стрелять в людей, что не смогу убивать. Я никогда не воевал, я никогда не видел смерти, я никогда не держал оружие в руках, я никогда не стрелял в человека, и я не знаю, смогу ли я сделать это, когда придёт время.

Александр посмотрел на него, и в его душе, в той глубокой, тёмной тишине, где жили его страхи, он вспомнил себя в молодости, когда он тоже боялся, когда он тоже не знал, сможет ли он, когда он тоже сомневался и колебался, когда он тоже искал ответы на вопросы, которые не имели ответов. Он знал, что Степану нужно сказать что-то важное, что-то такое, что даст ему силы идти дальше, что-то такое, что поможет ему выстоять, когда станет трудно, что-то такое, что будет его опорой в те дни, когда всё будет против него:

- Бояться - это нормально, Степан, - сказал он, и его голос был тих, но в нём слышалась та мудрость, которая рождается из опыта, из того опыта, который нельзя ни купить, ни украсть, который даётся только тем, кто прошёл через огонь и воду, через смерть и жизнь, через отчаяние и надежду, - бояться - это естественно. Боятся каждый. Даже самые смелые, даже самые сильные, даже самые уверенные в себе - все они боятся. Но страх - это не то, что должно останавливать тебя. Страх - это то, что должно заставить тебя идти вперёд, несмотря ни на что. Потому что если ты не боишься, значит, ты не понимаешь, что такое война. А если ты не понимаешь, что такое война, значит, ты не сможешь выжить в ней. Ты должен принять свой страх, Степан.

Ты должен признать его, ты должен посмотреть ему в глаза и сказать: «Я боюсь, но я иду». И тогда ты сможешь идти до конца, не останавливаясь, не падая, не сдаваясь.

Степан слушал, и в его глазах, когда он смотрел на Александра, зажигался тот огонь, который не может погаснуть, тот огонь, который был его опорой, тот огонь, который был его светом в темноте и его надеждой в отчаянии, тот огонь, который был сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути:

- Я запомню это, дядя, - сказал он, и голос его был твёрже, чем минуту назад, в нём уже не было той дрожи, которая была раньше, в нём была та решимость, которая рождается из осознания своего долга, из той веры, которая была его опорой, - я запомню, что ты сказал мне. Я буду идти до конца, даже если будет страшно, даже если будет больно, даже если будет тяжело. Я буду идти, потому что я не могу иначе, потому что моя страна зовёт меня, потому что моя вера зовёт меня, потому что моя семья зовёт меня.

В комнате, где стоял репродуктор, люди всё ещё слушали новости. Голос диктора, хотя и старался быть спокойным, дрожал от напряжения, от той боли, которая жила в душе каждого, кто знал, что страна вступила в войну, что впереди - долгие годы страданий и потерь, что многие из тех, кто сейчас стоит здесь, в этом коридоре, никогда не вернутся домой. Он передавал сводки с фронта, говорил о том, что враг прорвал оборону в нескольких местах, что идут тяжёлые бои, что наши войска дерутся героически, что они не сдаются, что они отступают только тогда, когда нет другого выхода. Люди слушали, и их лица, бледные и встревоженные, были обращены к репродуктору, к тому чёрному динамику, который был их связью с миром, их голосом в этой тишине, их надеждой в этой темноте.

Александр слушал вместе с ними. Он знал, что это правда, знал, что война будет тяжёлой, что враг силён, что впереди - долгие, страшные месяцы и годы, что многие из тех, кто сейчас стоит рядом с ним, не доживут до победы. Но он также знал, что они победят, что они выстоят, что они не сдадутся, потому что они - русские, потому что они - те, кто не умеет проигрывать, потому что они - те, кто идёт до конца, даже когда кажется, что надежды больше нет, даже когда смерть смотрит им в глаза, даже когда мир рушится вокруг них.

К нему подошёл молодой лейтенант. Его лицо было серьёзным, с той серьёзностью, которая бывает у людей, когда они знают, что должны выполнить свой долг, даже если этот долг - отправлять людей на смерть. Он посмотрел на Александра, и его голос, когда он заговорил, был твёрд, но в нём слышалась та усталость, которая бывает у людей, когда они не спали всю ночь, когда они слишком много думали, когда они слишком много пережили:

- Товарищ Берёзов? - спросил он, и его голос был ровным, как у человека, который привык выполнять приказы, даже когда они тяжелы, даже когда они приносят боль, даже когда они меняют чью-то жизнь навсегда.

- Да, - ответил Александр, и его голос был твёрд, как сталь, как тот металл, который он обрабатывал на заводе, как та вера, которая была его опорой, - я Александр Берёзов. Чем могу помочь?

- Вас отправляют на распределительный пункт, - сказал лейтенант, и его голос был спокойным, но в нём слышалась та твёрдость, которая бывает у людей, когда они знают, что должны делать, даже если это тяжело, - Через час будет машина. Собирайтесь. Возьмите с собой только самое необходимое. Остальное оставьте здесь - вам оно больше не понадобится. Вы направляетесь в формирующуюся часть, которая будет отправлена на Западный фронт. У вас есть время, чтобы попрощаться с близкими, если они здесь, если они пришли проводить вас, если они ждут вас у ворот, если они хотят сказать вам последние слова, если они хотят обнять вас в последний раз.

Александр кивнул. Он знал, что это случится, знал, что его отправят, знал, что он должен идти, но когда он услышал это официально, когда лейтенант сказал эти слова, они прозвучали

как приговор, как та правда, которую нельзя отменить, которую нельзя изменить, которую можно только принять. Он посмотрел на Степана, который стоял рядом, и его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась та любовь, которая была его опорой, та любовь, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути:

- Слышишь, Степан? Нас отправляют. Через час будет машина. Мы уходим на фронт. Это случилось. Это начало нашей войны, нашей судьбы, нашей истории, нашей вечности.

Степан кивнул, и его лицо, когда он смотрел на Александра, было бледным, но в глазах его была та решимость, которая рождается из осознания своего долга, из той веры, которая была его опорой, из той любви, которая была его жизнью:

- Я готов, дядя, - сказал он, и голос его был твёрд, хотя в нём слышалась та дрожь, которую он не мог скрыть, - я готов идти, я готов воевать, я готов защищать нашу страну, нашу землю, нашу веру, наши семьи. Я не знаю, что ждёт меня впереди, я не знаю, вернусь ли я, но я знаю одно: я должен идти, и я иду.

В то же время, в Богоявленском соборе, молитва отца Николая продолжалась. Он стоял перед иконой Богородицы, и его голос, когда он шептал слова молитвы, был тих, но в нём слышалась та вера, которая была его опорой, та вера, которая не давала ему упасть духом, та вера, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии. Он знал, что его брат уже в военкомате, что его отправят на фронт в ближайшие часы, что он может никогда не увидеть его снова, и это знание, как холод, как тот ледяной ветер, который дует с севера и проникает в каждый дом, проникал в его душу, заставляя его сжиматься от страха и надежды, от той смеси страха и надежды, которая живёт в душе каждого, кто видит, что мир рушится, и кто не знает, что будет завтра.

Он подошёл к иконе Спасителя, и его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась та мольба, которая рождается из глубины души, из той глубины, где живёт вера, которая была его опорой, где живёт надежда, которая была его силой, где живёт любовь, которая была его жизнью:

- Господи, - шептал он, и его голос дрожал от той веры, которая была его опорой, от той любви, которая связывала его с братом, от той надежды, которая была его светом в темноте и его силой в борьбе, - Господи, защити моего брата Александра, защити его от пули и сабли, от голода и холода, от отчаяния и страха, от потери веры и надежды. Сохрани его, сохрани его для нас, для нашей семьи, для нашей веры, для нашей надежды, для нашей любви. Я не знаю, что будет завтра, я не знаю, увижу ли я его снова, я не знаю, вернётся ли он живым, но я знаю, что Ты с ним, что Ты не оставишь его, что Ты защитишь его, что Ты дашь ему силы идти до конца, не останавливаясь, не падать, не сдаваться, не терять веры, даже когда всё будет против него, даже когда смерть будет стоять за его плечом, даже когда казаться, что надежды больше нет. Я верю в Тебя, я надеюсь на Тебя, я люблю Тебя, и я знаю, что Ты услышишь меня, что Ты не оставишь меня, что Ты дашь мне силы ждать и верить, даже когда всё вокруг рушится, даже когда смерть смотрит мне в глаза, даже когда казаться, что надежды больше нет.

Он стоял на коленях, и его слёзы, горячие и солёные, падали на холодный каменный пол, оставляя тёмные пятна. Он молился, и его молитва, как свеча, горела в этой крошечной тьме, как тот свет, который не может погаснуть, который всегда светит, даже когда кажется, что вокруг одна тьма, даже когда кажется, что надежды больше нет, даже когда мир рушится вокруг него. Он знал, что эта молитва - единственное, что он может дать брату, единственное, что он может сделать для него, единственное, что он может оставить после себя, когда его не станет.

В здании военкомата, в той комнате, где стоял репродуктор, люди всё ещё ждали. Время текло медленно, каждая минута казалась часом, каждый час - вечностью. Но никто не уходил,

никто не сдавался, никто не отступал, потому что они знали, что должны быть здесь, что они должны ждать, что они должны идти до конца.

Александр стоял у окна и смотрел на небо. Оно было ясным, голубым, с редкими облаками, которые, казалось, плыли куда-то далеко, туда, где не было войны, где не было смерти, где не было страданий. Он думал о Насте, о детях, о брате, о берёзе, о той жизни, которая осталась там, за стенами этого здания, и которая уже уходила в прошлое. Он думал о том, что, возможно, он никогда больше не увидит их, что это его последний день в Москве, его последний день на этой земле, его последний день в этой жизни. И в его душе, в той глубокой, тёмной тишине, где жили его страхи, зажигался тот огонь, который не может погаснуть, тот огонь, который был его опорой, тот огонь, который был его светом в темноте и его надеждой в отчаянии.

Он сжал в руке икону, которую дал ему брат, и его пальцы, когда они касались холодного серебра, чувствовали ту связь с прошлым, которая была его опорой, ту память, которая передавалась в их роду из поколения в поколение, ту веру, которая была сильнее любого оружия, сильнее любого врага, сильнее самой смерти:

- Берёза, - прошептал он, и голос его был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его решимость, вся его любовь, - я уйду защищать тебя, защищать Россию, защищать нашу веру, защищать наши семьи. Я не знаю, вернусь ли я, но я знаю, что я не отступлю, потому что за мной - вы, и я не имею права вас предать. Я обещаю тебе, обещаю Насте, обещаю детям, обещаю брату - я буду идти до конца, чего бы это ни стоило. А если я не вернусь - помните, что я любил вас, и что эта любовь сильнее смерти, сильнее войны, сильнее всего, что может встать на её пути.

Через час, как и сказал лейтенант, подъехала машина. Это был старый, потрёпанный грузовик, который, казалось, видел уже не одну войну, не одну зиму, не одну дорогу. Люди начали собираться у выхода, и их лица, бледные и встревоженные, были обращены к той двери, которая вела на улицу, вела в новый мир, вела на войну. Александр стоял в толпе, и его руки, когда он держал свой вещевой мешок, были твёрдыми и уверенными, как руки человека, который знает, что идёт на войну, и который готов к тому, что ждёт его впереди.

К нему подошёл Степан. Лицо парня было бледным, но в его глазах была та решимость, которая рождается из осознания своего долга, из той веры, которая была его опорой, из той любви, которая была его жизнью:

- Дядя, - сказал он, и его голос был твёрд, хотя в нём слышалась та дрожь, которую он не мог скрыть, - я готов идти. Я готов идти до конца, как ты сказал. Я не знаю, что ждёт меня впереди, но я знаю, что я не боюсь. Я знаю, что мы победим, потому что мы не умеем проигрывать, потому что мы - русские, потому что мы - те, кто идёт до конца, даже когда кажется, что надежды больше нет.

Александр посмотрел на него, и в его душе, в той глубокой, тёмной тишине, где жили его страхи, зажигался тот огонь, который не может погаснуть, тот огонь, который был его опорой, тот огонь, который был его светом в темноте и его надеждой в отчаянии. Он положил руку на плечо Степана, и его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась та вера, которая была его опорой, та вера, которая не давала ему упасть духом, та вера, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии:

- Мы победим, Степан. Я знаю это. Мы победим, потому что мы не умеем сдаваться, потому что мы не умеем отступать, потому что мы не умеем предавать. Мы идём до конца, как шли наши предки, как велит нам наша вера, как велит нам наш долг перед Богом и перед Россией. И мы вернёмся, Степан. Мы вернёмся домой, к нашим семьям, к нашей земле, к нашей вере. Я обещаю тебе это. Я обещаю тебе, что мы вернёмся.

Они вышли из здания военкомата, и их шаги, когда они ступали на тёплый асфальт, были твёрдыми и уверенными, как шаги людей, которые знают, что идут на войну, и которые готовы к тому, что ждёт их впереди. Солнце светило ярко, и его лучи, тёплые и ласковые, касались их лиц, как будто оно прощалось с ними, как будто оно обещало им, что они вернутся, что они увидят его снова, что они увидят свой дом, свою землю, свою веру, свою надежду, свою любовь.

Александр оглянулся на город, на тот город, который он покидал, на ту жизнь, которая уже уходила в прошлое, на ту Москву, которая ещё не знала, что ждёт её впереди, но которая уже чувствовала дыхание войны. Он подошёл к грузовику, и его рука, когда он коснулся холодного металла, дрожала от той решимости, которая рождается из осознания своего долга, из той веры, которая была его опорой, из той любви, которая была его жизнью. Он забрался в кузов, и его шаги, когда он ступил на тёплое дерево, были твёрдыми и уверенными, как шаги человека, который знает, что идёт на войну, и который готов к тому, что ждёт его впереди.

Он сел на скамейку рядом со Степаном, и его руки, когда он держал свой вещевой мешок, были твёрдыми и уверенными. Он смотрел на город, который медленно удалялся, который становился всё меньше и меньше, который уже не был тем городом, который он знал, а был уже просто точкой на горизонте, просто воспоминанием, просто надеждой. И в его душе, в той глубокой, тёмной тишине, где жили его страхи, зажигался тот огонь, который не может погаснуть, тот огонь, который был его опорой, тот огонь, который был его светом в темноте и его надеждой в отчаянии, тот огонь, который был сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути.

Грузовик тронулся, и его колёса, когда они коснулись асфальта, зашумели, заглушая голоса людей, которые оставались позади. Александр смотрел вдаль, на запад, где уже чувствовалось дыхание войны, и его голос, когда он прошептал, был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его решимость, вся его любовь:

- Берёза, я еду защищать тебя, защищать Россию, защищать нашу веру, защищать наши семьи. Я вернусь или умру за неё, как умирали мои предки, как умирали все, кто был до меня, как умирали все, кто не сдался и не предал, кто сохранил свою веру и свою честь, и передал их нам, чтобы мы могли идти по их следам, чтобы мы могли продолжать их дело, чтобы мы могли передать их веру нашим детям и внукам, чтобы она никогда не угасла.

Он перекрестился широко, размашисто, и его рука, дрожащая и уверенная, коснулась лба, груди и плеч, и он поехал вперёд, в ту неизвестность, которая ждала его, готовый ко всему, что бы ни случилось, с верой и решимостью в сердце, зная, что Берёзовы не сдаются, они не отступают, они не предают, они не теряют веры, они не теряют надежды, они не теряют любви, они идут до конца, как шли их предки, как велит им их вера, как велит им их долг перед Богом и перед Россией.

Глава 12. Эшелон на запад

Грузовик, подпрыгивая на ухабах, отвёз их на железнодорожную станцию, которая находилась на окраине Москвы. Это был не тот вокзал, с которого обычно отправлялись поезда дальнего следования, не тот, где пахло кофе и пирожками, где носильщики в фартуках суетились вокруг пассажиров, где дамы в шляпках махали платочками провожающим. Это была товарная станция - место, где обычно разгружали уголь и лес, где рельсы были залиты мазутом, а воздух пах железом, смазкой и той особенной, тревожной атмосферой, которая бывает там, где людей отправляют на войну. Вдоль путей стояли вагоны - не пассажирские, с мягкими сиденьями и чистыми окнами, а товарные, тёмные, с широкими раздвижными дверями, которые должны были вместить сотни людей и их вещи. Товарные вагоны. Те самые, в которых ехали на войну, в которых умирали и выживали, в которых проклинали и молились, в которых теряли и находили, в которых забывали и вспоминали.

Когда грузовик остановился, Александр прыгнул на землю и огляделся. Вокруг было шумно и тревожно. Сотни людей - солдаты, офицеры, добровольцы - двигались вдоль путей, неся на плечах вещевые мешки, винтовки, скатки шинелей. Гремели колёса, где-то кричали, кто-то отдавал приказы, кто-то плакал. Паровоз, чёрный и огромный, стоял у состава, и его котёл, казалось, дышал тем же напряжением, что и люди вокруг. Из трубы валил белый, густой пар, который, смешиваясь с пылью и дымом, создавал ту особую, тревожную атмосферу, которая бывает только там, где люди отправляются на войну.

Александр стоял среди этой суеты, и его глаза, когда он смотрел на этот хаос, на этот шум, на эту тревогу, были широко открыты, как у человека, который видит что-то страшное, что-то, что невозможно понять, что-то, что не должно было случиться, но что уже случилось. Он слышал, как кто-то рядом молится, как кто-то плачет, как кто-то смеётся - тем нервным, истерическим смехом, который бывает у людей, когда они уже не могут контролировать свой страх. Он видел, как мать обнимает своего сына, который уходит на фронт, и как она не хочет отпускать его, как будто если онапустит его, он исчезнет навсегда, как будто если она непустит его, он останется живым. Он видел, как отец сжимает руку своего сына, и в его глазах - та же боль, та же любовь, тот же страх, который живёт в душе каждого, кто провожает своих близких на войну. Он видел, как жёны обнимают мужей, как дети цепляются за руки отцов, которые уходят, и как они не хотят отпускать их, как будто они чувствуют, что это - последнее прощание, что они никогда больше не увидят их, что они останутся одни в этом мире, который рушится на их глазах.

И среди всего этого шума, среди всего этого хаоса, среди всей этой боли и надежды, он стоял и думал о Насте, о детях, о брате, о берёзе, о той жизни, которая осталась там, за стенами этого хаоса, за этими рельсами, за этим городом. Он думал о том, что он может никогда не увидеть их снова, что он может умереть на этой войне, что он может не вернуться, что он может остаться лежать на чужой земле, которую он должен был защищать, но которая не будет его родной землёй. И в его душе, в той глубокой, тёмной тишине, где жили его страхи, зажигался тот огонь, который не может погаснуть, тот огонь, который был его опорой, тот огонь, который был его светом в темноте и его надеждой в отчаянии.

В то же время, когда Александр стоял на товарной станции среди сотен других мужчин, ожидающих отправки на фронт, в Богоявленском соборе отец Николай молился. Он знал, что его брат уже уезжает, что его эшелон уже стоит на путях, что через несколько часов он будет далеко от Москвы, на той войне, которая уже началась, на той войне, которая уже требовала своих жертв и своей крови, на той войне, которая должна была стать самой страшной в истории человечества. Он знал, что он не может остановить его, не может защитить его, не может спасти его, и это знание, как холод, как тот ледяной ветер, который дует с севера и проникает в каждый дом, проникал в его душу, заставляя её сжиматься от боли и страха.

Он стоял перед иконой Спасителя, и его голос, когда он молился, был тих, но в нём слышалась та вера, которая была его опорой, та вера, которая не давала ему упасть духом, та вера, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии, та вера, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути. Его руки, когда он держал крест, дрожали, но он не позволял себе остановиться, не позволял себе сдаться, не позволял себе потерять веру, потому что он знал, что его брат нуждается в его молитвах, что его брат нуждается в его вере, что его брат нуждается в его надежде, что его брат нуждается в его любви:

- Господи, - шептал он, и голос его, хотя и был тих, был полон той веры, которая была его опорой, той веры, которая не давала ему упасть духом, той веры, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии, - Господи, я молю Тебя о брате моём Александре. Он уходит на войну, он уходит защищать нашу землю, нашу веру, наши семьи. Он уходит туда,

где смерть, где страдания, где боль, где отчаяние. Я не могу быть рядом с ним, я не могу защитить его, я не могу спасти его, но Ты можешь. Ты - Господь Вседержитель, и для Тебя нет ничего невозможного. Сохрани его, Господи, сохрани его от пули и сабли, от голода и холода, от отчаяния и страха, от потери веры и надежды. Сохрани его для нас, для нашей семьи, для нашей веры, для нашей надежды, для нашей любви. Я знаю, что он не один, что Ты с ним, что Ты не оставишь его, что Ты защитишь его, что Ты дашь ему силы идти до конца, не останавливаясь, не падать, не сдаваться, не терять веры, даже когда всё будет против него, даже когда смерть будет стоять за его плечом, даже когда казаться, что надежды больше нет, даже когда мир рушится вокруг него.

Он замолчал, и в храме, в той тишине, которая была его опорой, его убежищем, его домом, он чувствовал, как его душа, уставшая и встревоженная, наполняется той тихой, спокойной силой, которая была его опорой, той силой, которая помогала ему жить и служить, даже когда всё вокруг рушилось, даже когда смерть смотрела ему в глаза, даже когда казаться, что надежды больше нет, даже когда мир рушился вокруг него. Он поднял глаза к иконе, и его голос, когда он заговорил снова, был тих, но в нём слышалась та вера, которая была его опорой, та вера, которая не давала ему упасть духом, та вера, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии:

- Матерь Божия, Пресвятая Богородица, заступница рода нашего, защитница земли русской, защити моего брата Александра. Защити его от всех бед и напастей, от войны и смерти, от голода и холода, от отчаяния и страха, от потери веры и надежды. Сохрани его, сохрани его для нас, для нашей семьи, для нашей веры, для нашей надежды, для нашей любви. Я не знаю, что будет завтра, я не знаю, увижу ли я его снова, я не знаю, вернётся ли он живым, но я знаю, что Ты с ним, что Ты не оставишь его, что Ты защитишь его, что Ты дашь ему силы идти до конца, не останавливаясь, не падать, не сдаваться, не терять веры, даже когда всё будет против него, даже когда смерть будет стоять за его плечом, даже когда казаться, что надежды больше нет. Я верю в Тебя, я надеюсь на Тебя, я люблю Тебя, и я знаю, что Ты услышишь меня, что Ты не оставишь меня, что Ты дашь мне силы ждать и верить, даже когда всё вокруг рушится, даже когда смерть смотрит мне в глаза, даже когда казаться, что надежды больше нет.

Он перекрестился широко, размашисто, и его рука, дрожащая и уверенная, коснулась лба, груди и плеч. Он стоял в храме, и его молитва, как свеча, горела в этой кромешной тьме, как тот свет, который не может погаснуть, который всегда светит, даже когда кажется, что вокруг одна тьма, даже когда кажется, что надежды больше нет, даже когда мир рушится вокруг него. Он знал, что эта молитва - единственное, что он может дать брату, единственное, что он может сделать для него, единственное, что он может оставить после себя, когда его не станет.

Они стояли в очереди у вагона, и их шаги, когда они двигались вперёд, были медленными, но уверенными, как шаги людей, которые знают, что идут на войну, и которые готовы к тому, что ждёт их впереди. Вокруг них шумела толпа - сотни людей, которые ждали своей очереди, чтобы зайти в вагон, чтобы сесть на деревянные нары, чтобы поехать на войну. Кто-то молился, и его голос, тихий и хриплый, смешивался с шумом толпы, создавая ту особую, тревожную атмосферу, которая бывает в местах, где люди прощаются со своей жизнью. Кто-то плакал, и его слёзы, горячие и солёные, падали на асфальт, оставляя тёмные пятна. Кто-то смеялся - тем нервным, истерическим смехом, который бывает у людей, когда они уже не могут контролировать свой страх, когда они уже не могут справиться с той болью, которая живёт в их душе.

Александр стоял в этой очереди, и его руки, когда он держал свой вещевой мешок, были твёрдыми и уверенными, как руки человека, который знает, что идёт на войну, и который готов к тому, что ждёт его впереди. Он смотрел на людей вокруг, и в каждом из них он видел себя - того себя, который тоже боится, но не показывает страха, который тоже хочет жить, но

готов умереть, потому что это единственный способ сохранить то, что ему дорого, потому что это единственный способ доказать свою любовь, потому что это единственный способ быть достойным тех, кто был до него, и тех, кто будет после него.

Когда подошла его очередь, он поднялся по лестнице в вагон. Внутри было темно и тесно, пахло деревом, мазутом и теми, кто уже был здесь до него. Деревянные нары стояли вдоль стен, и люди сидели на них, прижимаясь друг к другу, как будто они искали защиты, как будто они боялись остаться одни, как будто они знали, что только вместе они могут выжить. Александр нашёл себе место у окна - маленького, зарешёченного окошка, через которое можно было увидеть только кусочек неба и часть станции. Он сел, положил свой вещевой мешок рядом, и его руки, когда он сжимал их, дрожали от той решимости, которая рождается из осознания своего долга, из той веры, которая была его опорой, из той любви, которая была его жизнью.

Рядом с ним сел Степан. Его лицо было бледным, но в глазах его была та решимость, которая рождается из осознания своего долга, из той веры, которая была его опорой, из той любви, которая была его жизнью. Он смотрел в окно, на тот город, который медленно исчезал за дымкой, и его глаза, когда он смотрел на него, были наполнены той смесью страха и надежды, которая бывает у молодых, когда они идут на войну в первый раз, когда они не знают, что ждёт их впереди, но знают, что они должны идти, потому что иначе нельзя.

- Дядя, - сказал он, и его голос был твёрд, хотя в нём слышалась та дрожь, которую он не мог скрыть, - мы едем на войну. Мы едем туда, где стреляют, где убивают, где умирают. Я никогда не думал, что это случится со мной, что я поеду на войну, что я буду защищать свою страну, что я буду видеть смерть, что я буду держать в руках оружие и стрелять в людей. Я думал, что это случится с кем-то другим, но не со мной. А теперь это происходит со мной. Это происходит с нами. И я не знаю, смогу ли я.

Александр посмотрел на него, и в его душе, в той глубокой, тёмной тишине, где жили его страхи, он вспомнил себя в молодости, когда он тоже боялся, когда он тоже не знал, сможет ли он, когда он тоже сомневался и колебался. Он знал, что Степану нужно сказать что-то важное, что-то такое, что даст ему силы идти дальше, что-то такое, что поможет ему выстоять, когда станет трудно:

- Ты сможешь, Степан, - сказал он, и его голос был тих, но в нём слышалась та вера, которая была его опорой, - ты сможешь, потому что ты сильнее, чем ты думаешь. Ты сможешь, потому что за тобой стоит твоя семья, твоя вера, твоя страна. Ты сможешь, потому что ты не один. Мы все вместе, и мы все идём до конца, как шли наши предки, как велит нам наша вера, как велит нам наш долг перед Богом и перед Россией. Ты сможешь, Степан. Я знаю это. Я верю в тебя.

В то же время, когда эшелон Александра уже готовился к отправке, в коммунальной квартире на улице Горького Настя сидела у окна и смотрела на небо. Она знала, что её муж уже уезжает, что он уже на станции, что его поезд уже стоит на путях, готовый отправиться на запад, на ту войну, которая уже началась, на ту войну, которая уже требовала его жизни и его крови. Она знала, что она не может остановить его, не может защитить его, не может спасти его, и это знание, как холод, как тот ледяной ветер, который дует с севера и проникает в каждый дом, проникал в её душу, заставляя её сжиматься от боли и страха.

Её руки, когда она держала чашку с остывшим чаем, дрожали. Она не плакала - слёзы высохли, и осталась только та тихая, спокойная решимость, которая приходит к человеку, когда он понимает, что у него ничего не осталось, кроме веры, кроме надежды, кроме любви. Она думала о муже, о его лице, о его улыбке, о его руках, которые были такими сильными и надёжными, о его голосе, который всегда успокаивал её, о его обещании вернуться, которое она хранила в своём сердце, как хранят самую дорогую драгоценность.

Катя подошла к ней и обняла её за плечи. Её глаза были красными от слёз, но она уже не плакала - она была сильной, как её мать, как все женщины в их роду, которые умели ждать и верить. Она прижалась к матери, и её голос, когда она заговорила, был тих, но в нём слышалась та детская вера, которая способна сдвинуть горы:

- Мама, папа уже уехал? Он уже на войне? Он уже там, где стреляют, где умирают, где воюют? Он вернётся, правда? Он обещал, что вернётся, он никогда не нарушает своих обещаний, он всегда возвращается домой, он всегда приходит к нам, когда мы ждём его, он не может оставить нас одних, он не может не вернуться, потому что мы - его семья, мы - его жизнь, мы - его вера, мы - его надежда, мы - его любовь!

Настя обняла дочь, и её голос, когда она заговорила, был мягким и тёплым, как тот летний ветер, который касается лица и приносит с собой запах цветов и травы, но в нём слышалась та дрожь, которую она не могла скрыть:

- Да, дочка, он уже уехал. Он уже на войне, он уже защищает нашу страну, нашу землю, нашу веру, наши семьи, наши дома. Но он вернётся, он обязательно вернётся, потому что он обещал нам, потому что он любит нас, потому что мы - его семья. Он вернётся, Катя, он вернётся, потому что мы будем ждать его, потому что мы будем молиться за него, потому что мы будем верить в него, потому что мы будем надеяться на него, потому что мы будем любить его больше жизни, больше смерти, больше всего, что есть на свете.

Катя подняла голову, и в её глазах, мокрых от слёз, была та детская вера, которая способна сдвинуть горы, ибо она чиста и не знает сомнений, ибо она доверяет своим родителям, доверяет Богу, доверяет тому свету, который всегда побеждает тьму:

- Я буду молиться за него, мама, я буду молиться каждый день, каждую минуту, каждое мгновение, каждое дыхание, я буду просить Бога, чтобы он сохранил его, чтобы он защитил его, чтобы он вернул его домой, чтобы мы снова были вместе, чтобы мы снова могли быть семьёй, как раньше, как всегда, как должны быть. Я буду молиться за него, мама, я буду молиться за всех наших солдат, за всех, кто защищает нашу страну, за всех, кто ушёл на войну, за всех, кто не знает, когда вернётся, за всех, кто не знает, увидит ли он своих близких снова.

Настя прижала дочь к себе, и её голос, когда она заговорила, был тих, но в нём слышалась та вера, которая была её опорой, та вера, которая не давала ей упасть духом, та вера, которая была её светом в темноте и её надеждой в отчаянии:

- Мы будем молиться, дочка, мы будем молиться все вместе, мы будем просить Господа о защите, о помощи, о спасении. Мы будем молиться за твоего отца, за всех, кто ушёл на войну, за всех, кто ждёт своих близких, за всех, кто верит и надеется, за всех, кто любит и ждёт. Мы будем молиться, и Господь услышит нас, потому что Он слышит каждую молитву, каждое слово, каждое дыхание, каждое сердцебиение, каждое желание, каждую надежду, каждую веру, каждую любовь.

Она подошла к иконе Богородицы, которая висела в углу, и стала на колени. Её голос, когда она молилась, был тих, но в нём слышалась та вера, которая была её опорой, та вера, которая не давала ей упасть духом, та вера, которая была её светом в темноте и её надеждой в отчаянии, та вера, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на её пути:

- Матерь Божия, Пресвятая Богородица, заступница рода нашего, защитница земли русской, защити моего мужа Александра. Защити его от пули и сабли, от голода и холода, от отчаяния и страха, от потери веры и надежды. Сохрани его, сохрани его для нас, для нашей семьи, для нашей веры, для нашей надежды, для нашей любви. Я не знаю, что будет завтра, я не знаю, увижу ли я его снова, я не знаю, вернётся ли он живым, но я знаю, что Ты с ним, что Ты не оставишь его, что Ты защитишь его, что Ты дашь ему силы идти до конца, не останавливаясь, не падать, не сдаваться, не терять веры, даже когда всё будет против него, даже когда смерть будет стоять за его плечом, даже когда казаться, что надежды больше нет. Я верю в Тебя, я

надеюсь на Тебя, я люблю Тебя, и я знаю, что Ты услышишь меня, что Ты не оставишь меня, что Ты дашь мне силы ждать и верить, даже когда всё вокруг рушится, даже когда смерть смотрит мне в глаза, даже когда казаться, что надежды больше нет.

Коля стоял в дверях, прислонившись к косяку, и смотрел на мать. Его лицо было бледным, но в глазах его была та решимость, которая рождается из осознания своего долга, из той веры, которая была его опорой, из той любви, которая была его жизнью. Он не плакал - он был мужчиной, старшим мужчиной в доме, и он знал, что должен быть сильным, что он не имеет права показывать свою слабость перед матерью и сестрой, что он должен защищать их, даже если это будет стоить ему жизни:

- Мам, - сказал он, и его голос был твёрд, хотя в нём слышалась та дрожь, которую он не мог скрыть, - я буду помогать тебе. Я буду защищать Катю. Я буду делать всё, что нужно. Я буду ждать папу и верить, что он вернётся, потому что если мы перестанем верить - мы потеряем всё. А мы не можем потерять всё, потому что у нас есть друг у друга, есть наша вера, есть наша надежда, есть наша любовь, и это сильнее любой войны, сильнее любой смерти, сильнее любой разлуки. Я буду ждать его, мам. Я буду ждать столько, сколько нужно, сколько бы ни пришлось ждать. Я буду ждать, потому что я знаю: он вернётся, он не может не вернуться, потому что он любит нас, потому что мы - его семья, потому что мы - его жизнь, мы - его вера, мы - его надежда, мы - его любовь.

Настя поднялась с колен, подошла к сыну и обняла его. Её голос, когда она заговорила, был тих, но в нём слышалась та вера, которая была её опорой, та вера, которая не давала ей упасть духом, та вера, которая была её светом в темноте и её надеждой в отчаянии:

- Спасибо, сын, - сказала она, и её голос дрожал от той любви, которая была её опорой, от той любви, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на её пути, - спасибо, что ты есть у меня. Спасибо, что ты веришь в него. Спасибо, что ты веришь в нас, и в нашу семью, и в нашу веру, и в нашу надежду, и в нашу любовь. Мы выстоим, мы выдержим, мы пройдем через всё это, как проходили наши предки, как проходили все, кто был до нас, и мы сохраним свою веру, свою надежду, свою любовь, и мы передадим их нашим детям и внукам, чтобы они знали, кто мы и откуда мы, чтобы они знали, за что мы сражались и умирали, чтобы они знали, что мы не сдались и не предали, что мы сохранили свою веру и свою честь, и передали их им.

Она обняла детей, и они стояли так, прижавшись друг к другу, в тишине комнаты, где пахло табаком и графитом, где на столе лежали чертежи, которые Александр не успел закончить, и где в ящике стола лежало письмо - то самое, которое он написал брату, то самое, которое она не должна была читать, но которое она прочитает, если не дождётся его. За окнами, над Москвой, уже поднимался новый день, день, который стал началом самой страшной войны в истории человечества, но который также стал началом той борьбы, которая должна была привести к Победе, той борьбы, в которой народ, страна, вера, надежда, любовь должны были выстоять, несмотря ни на что, как выстаивала берёза под ветрами и морозами, как выстаивала Россия под ударами врагов, как выстаивала вера под гнётом репрессий, как выстаивала надежда под тяжестью отчаяния, как выстаивала любовь под ударами смерти.

Паровоз дал гудок - протяжный, тягучий, похожий на вой, на тот вой, который предвещает беду, на тот вой, который заставляет сердца замирать и души сжиматься от страха. Кто-то закричал, кто-то заплакал, кто-то запел - ту песню, которая была их опорой, их надеждой, их верой, их любовью, их жизнью, их смертью, их судьбой, их историей, их вечностью. Поезд медленно тронулся. Колёса закричали, застучали по рельсам, и этот звук, как тот ритм, как тот пульс, который бился в груди каждого, кто ехал в этом поезде, разносился по станции, смешиваясь с криками и молитвами провожающих.

Александр сидел у окна и смотрел на Москву, которая медленно удалялась. Он видел, как станция становится всё меньше и меньше, как здания, которые он знал с детства, превращаются в маленькие точки на горизонте, как город, который он любил, который был его домом, его жизнью, его судьбой, исчезает за дымкой, за туманом, за той пеленой, которая отделяла его от той жизни, которая уже уходила в прошлое. Он смотрел на этот город, и в его душе, в той глубокой, тёмной тишине, где жили его страхи, рождалось то чувство, которое он не мог назвать, но которое было похоже на прощание, на ту грусть, которая бывает у людей, когда они покидают то, что им дорого, когда они оставляют позади свою жизнь, свою веру, свою надежду, свою любовь.

Он подумал о Насе - о её лице, о её улыбке, о её руках, которые были такими тёплыми и родными. Он подумал о Коле - о его серьёзных глазах, о его решимости, о его вере. Он подумал о Кате - о её светлых косичках, о её смехе, который был его радостью, его надеждой, его светом. Он подумал о брате - о его молитвах, о его вере, о той иконе, которая лежала у него в кармане, согревая его сердце своим холодным серебром. Он подумал о берёзе - о той белой, прямой берёзе, которая росла у их дома, и которая была символом их рода, их веры, их надежды, их любви, их жизни, их смерти, их судьбы, их истории, их вечности.

И в его душе, в той глубокой, тёмной тишине, где жили его страхи, зажигался тот огонь, который не может погаснуть, тот огонь, который был его опорой, тот огонь, который был его светом в темноте и его надеждой в отчаянии, тот огонь, который был сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути. Он знал, что он должен быть сильным, что он не имеет права сдать, что он должен идти до конца, как шли его предки, как велит ему его вера, как велит ему его долг перед Богом и перед Россией.

Он сжал в руке икону, которую дал ему брат, и его пальцы, когда они касались холодного серебра, чувствовали ту связь с прошлым, которая была его опорой, ту память, которая передавалась в их роду из поколения в поколение, ту веру, которая была сильнее любого оружия, сильнее любого врага, сильнее самой смерти:

- Господи, - прошептал он, и его голос был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его решимость, вся его любовь, - я еду защищать Тебя и Россию, я еду защищать свою землю и свою веру, я еду защищать свою семью и свой дом. Я не знаю, что ждёт меня впереди, я не знаю, увижу ли я своих близких снова, я не знаю, вернусь ли я живым, но я знаю, что Ты со мной, что Ты не оставишь меня, что Ты дашь мне силы идти до конца, не останавливаясь, не падать, не сдаваться, не терять веры, даже когда всё будет против меня, даже когда смерть будет стоять за моим плечом, даже когда казаться, что надежды больше нет. Я верю в Тебя, я надеюсь на Тебя, я люблю Тебя, и я знаю, что Ты услышишь меня, что Ты не оставишь меня, что Ты дашь мне силы выстоять, не сломаться, не потерять веры, не отчаяться, не предать, не упасть, не сдать. Аминь.

Он перекрестился широко, размашисто, и его рука, дрожащая и уверенная, коснулась лба, груди и плеч. Он посмотрел в окно, на тот город, который медленно исчезал за дымкой, и его голос, когда он прошептал, был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его решимость, вся его любовь:

- Берёза, я еду защищать тебя, защищать Россию, защищать нашу веру, защищать наши семьи. Я вернусь или умру за неё, как умирали мои предки, как умирали все, кто был до меня, как умирали все, кто не сдался и не предал, кто сохранил свою веру и свою честь, и передал их нам, чтобы мы могли идти по их следам, чтобы мы могли продолжать их дело, чтобы мы могли передать их веру нашим детям и внукам, чтобы она никогда не угасла. Я обещаю тебе, обещаю Насе, обещаю детям, обещаю брату - я буду идти до конца, чего бы это ни стоило. А если я не вернусь - помните, что я любил вас, и что эта любовь сильнее смерти, сильнее войны, сильнее всего, что может встать на её пути.

Поезд набирал скорость. За окном проносились поля, леса, деревни, маленькие станции, где люди стояли на перронах и смотрели на проходящий эшелон, и в их глазах - та же тревога, та же боль, та же надежда, которая была в его душе. Они махали руками, они крестились, они молились, они прощались с теми, кто ехал на войну, с теми, кто мог не вернуться, с теми, кто уходил защищать их, защищать их страну, защищать их веру, защищать их семьи, защищать их дома.

Александр смотрел на этих людей, и в его душе, в той глубокой, тёмной тишине, где жили его страхи, рождалось то чувство, которое он не мог назвать, но которое было похоже на гордость, на ту гордость, которая бывает у людей, когда они видят, что их народ не сдаётся, не отступает, не предаёт, а идёт вперёд, несмотря ни на что. Он видел, как старуха крестила уходящий поезд, как ребёнок махал рукой отцу, который уезжал на войну, как женщина, прижимая к груди маленького ребёнка, плакала, но не отчаивалась, потому что знала, что её муж ушёл защищать их, защищать их страну, защищать их веру, защищать их надежду, защищать их любовь.

В вагоне было тихо. Люди сидели молча, и их лица, бледные и встревоженные, были обращены к окнам, к тому небу, которое уже не было мирным. Кто-то молился, и его голос, тихий и хриплый, смешивался со стуком колёс, создавая ту особую, тревожную атмосферу, которая бывает в местах, где люди едут на войну, где они не знают, что ждёт их впереди, где они не знают, вернутся ли они, где они не знают, увидят ли они своих близких снова.

Александр сидел у окна, и его мысли, когда он смотрел на проносящийся за окном пейзаж, возвращались к дому, к Насте, к детям, к брату, к берёзе. Он думал о том, что они делают сейчас, о том, как они переживают этот день, о том, как они ждут его, как они молятся за него, как они верят в него, как они любят его. Он знал, что они - его опора, его надежда, его свет, его жизнь, его смерть, его судьба, его история, его вечность, и что без них он был бы ничем, без них он был бы пустым местом, без них он был бы просто человеком, который идёт на войну, но у которого нет ни причины, ни цели, ни смысла.

Рядом с ним сидел Степан. Парень молчал, но его глаза, когда он смотрел в окно, были наполнены той смесью страха и надежды, которая бывает у молодых, когда они идут на войну в первый раз. Александр знал, что он боится, знал, что он не знает, что ждёт его впереди, знал, что он сомневается в себе, но он также знал, что он сильный, что он выстоит, что он не сдастся, что он пройдёт через всё это, как проходили его предки, как проходили все, кто был до него.

Он положил руку на плечо Степана, и его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась та вера, которая была его опорой, та вера, которая не давала ему упасть духом, та вера, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии:

- Мы справимся, Степан. Мы пройдем через всё это, как проходили наши предки, как проходили все, кто был до нас, и мы сохраним свою веру, свою надежду, свою любовь, и мы передадим их нашим детям и внукам, чтобы они знали, кто мы и откуда мы, чтобы они знали, за что мы сражались и умирали, чтобы они знали, что мы не сдались и не предали, что мы сохранили свою веру и свою честь, и передали их им. Мы справимся, потому что мы - Берёзовы, потому что мы - русские, потому что мы - те, кто не умеет проигрывать, потому что мы - те, кто идёт до конца, даже когда кажется, что надежды больше нет, даже когда смерть смотрит нам в глаза, даже когда мир рушится вокруг нас.

Степан кивнул, и в его глазах, когда он смотрел на Александра, зажигался тот огонь, который не может погаснуть, тот огонь, который был его опорой, тот огонь, который был его светом в темноте и его надеждой в отчаянии, тот огонь, который был сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути:

- Я верю, дядя, - сказал он, и его голос был твёрже, чем минуту назад, в нём уже не было той дрожи, которая была раньше, в нём была та решимость, которая рождается из осознания своего долга, из той веры, которая была его опорой, из той любви, которая была его жизнью, - я

верю. Мы справимся, потому что мы не умеем проигрывать, потому что мы - русские, потому что мы - те, кто идёт до конца, даже когда кажется, что надежды больше нет, даже когда смерть смотрит нам в глаза, даже когда мир рушится вокруг нас. Я верю, дядя, я верю.

Поезд продолжал свой путь, унося их на запад, к той войне, которая должна была стать самой страшной в истории человечества. Но в душе Александра, в той глубокой, тёмной тишине, где жили его страхи, горел тот огонь, который не может погаснуть, тот огонь, который был его опорой, тот огонь, который был его светом в темноте и его надеждой в отчаянии, тот огонь, который был сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути. И он знал, что этот огонь будет гореть в нём всегда, будет освещать его путь в темноте, будет держать его в буре, будет давать ему силы идти до конца, не останавливаться, не падать, не сдаваться, не терять веры, даже когда всё будет против него, даже когда смерть будет стоять за его плечом, даже когда казаться, что надежды больше нет, даже когда мир рушится вокруг него.

Глава 13. Прибытие и распределение

Поезд шёл на запад вторые сутки. За окном мелькали поля, перелески, полустанки, и каждый километр приближал их к той войне, которая уже началась, которая уже требовала своих жертв и своей крови. В вагоне было душно, тесно, пахло потом, махоркой и той особенной, тревожной атмосферой, которая бывает в местах, где люди едут на войну, где они не знают, что ждёт их впереди, где они не знают, вернутся ли они, где они не знают, увидят ли они своих близких снова. Люди сидели на деревянных нарах, прижавшись друг к другу, и их лица, бледные и измождённые от бессонницы и тревоги, были обращены к окнам, к тому небу, которое уже не было мирным, которое уже не было тем небом, под которым они жили ещё вчера.

Александр сидел у окна и смотрел на проносящийся за стеклом пейзаж. Он почти не спал - слишком много мыслей, слишком много тревог, слишком много того, что он должен был обдумать, прежде чем ступить на ту землю, где уже гремели пушки, где уже умирали люди, где уже начиналась та война, которая должна была стать самой страшной в истории человечества. Он думал о Насте, о детях, о брате, о берёзе, о той жизни, которая осталась там, за сотни километров отсюда, и которая уже уходила в прошлое. Он думал о том, что, возможно, он никогда больше не увидит их, что это его последние дни на этой земле, что он может умереть на этой войне, и что он никогда больше не обнимет своих близких, не услышит их голоса, не увидит их улыбки. Он перебирал в памяти их лица, их голоса, их прикосновения, и каждое воспоминание, как тот удар, как тот молот, который бьёт по наковальне, отдавалось в его душе, разбивая её на части, но одновременно и наполняя её той силой, которая была его опорой, той силой, которая помогала ему идти дальше, не останавливаться, не падать, не сдаваться.

Рядом с ним сидел Степан. Парень дремал, привалившись к стене, и его лицо, безмятежное и спокойное, казалось таким молодым, таким беззащитным, таким ещё не тронутым войной. Александр смотрел на него, и в его душе, в той глубокой, тёмной тишине, где жили его страхи, рождалось то чувство, которое он не мог назвать, но которое было похоже на ответственность, на ту ответственность, которая лежит на старших, когда они должны защищать младших, когда они должны быть для них опорой, когда они должны вести их за собой, даже если сами боятся, даже если сами не знают, что будет завтра, даже если сами сомневаются в себе. Он вспомнил, как Степан пришёл к нему в тот день, когда война ещё не началась, но уже стояла на пороге, как он смотрел на него с надеждой и тревогой, как он просил взять его с собой, как он говорил, что хочет защищать свою страну, свою землю, свою веру, свою семью. Он вспомнил, как он согласился, как он обещал быть рядом с ним, как он обещал, что они пройдут через всё это вместе, что они вернутся домой, что они выживут, что они победят.

- Степан, - тихо сказал он, и его голос был тих, но в нём слышалась та вера, которая была его опорой, та вера, которая не давала ему упасть духом, та вера, которая была его светом в

темноте и его надеждой в отчаянии, - просыпайся. Мы скоро приедем. Нас ждёт война. Нас ждёт то, чего мы так боялись и к чему мы так готовились. Нас ждёт наша судьба, наша история, наша вечность.

Степан открыл глаза, и в них, когда он посмотрел на Александра, была та смесь страха и надежды, которая бывает у молодых, когда они идут на войну в первый раз, когда они не знают, что ждёт их впереди, но знают, что они должны идти, потому что иначе нельзя, потому что их страна зовёт их, потому что их вера зовёт их, потому что их долг зовёт их:

- Мы уже приехали, дядя? Мы уже на месте? Мы уже там, где стреляют, где убивают, где воюют, где умирают, где побеждают, где теряют, где находят, где помнят, где забывают?

- Скоро, - ответил Александр, и его голос был ровным, как у человека, который знает, что должен быть сильным для других, даже если ему самому страшно, даже если его сердце сжимается от того, что он видит и чувствует, - скоро мы будем на месте. Скоро мы увидим то, что нам предстоит. Мы должны быть готовы, Степан. Мы должны быть готовы ко всему, что нас ждёт впереди, ко всему, что может случиться, ко всему, что может выпасть на нашу долю. Мы не знаем, что будет завтра, мы не знаем, увидим ли мы своих близких снова, мы не знаем, вернёмся ли мы живыми, но мы знаем одно: мы идём защищать нашу страну, нашу землю, нашу веру, наши семьи. И это единственное, что имеет значение, это единственное, что имеет смысл, это единственное, что останется с нами, даже когда всё остальное уйдёт.

Поезд замедлял ход. За окном уже не было полей и лесов - были разрушенные здания, обгоревшие деревья, воронки от снарядов, которые, как чёрные раны, зияли на земле, напоминая о том, что здесь уже прошла война, что здесь уже была смерть, что здесь уже были страдания, что здесь уже были слёзы и молитвы, что здесь уже были те, кто не вернулся, и те, кто остался ждать, и те, кто верил и надеялся, и те, кто любил и помнил. Люди в вагоне зашевелились, заговорили, и их голоса, смешанные со стуком колёс, создавали ту особую, тревожную атмосферу, которая бывает в местах, где люди въезжают в зону боевых действий, где они уже видят следы войны, где они уже чувствуют её дыхание, где они уже знают, что их жизнь изменилась навсегда, что они уже никогда не будут теми, кем были минуту назад.

Кто-то перекрестился, и его рука, дрожащая и уверенная, коснулась лба, груди и плеч, передавая ему ту веру, которая была его опорой, ту веру, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии. Кто-то заплакал, и его слёзы, горячие и солёные, падали на грязный пол вагона, оставляя тёмные пятна. Кто-то просто стоял молча, глядя в окно, и его глаза, пустые и неподвижные, смотрели на этот пейзаж, который уже не был мирным, который уже был разрушен и искалечен войной, и в этих глазах была та пустота, которая бывает у людей, когда они видят то, что не должны видеть, когда они понимают, что их мир рухнул, и что они уже никогда не будут теми, кем были раньше.

Александр подошёл к открытой двери вагона и выглянул наружу. Воздух был горячим, сухим, пахло гарью, пылью и чем-то ещё, что он не мог определить, но что делало каждый вдох похожим на глоток воды из грязной, стоячей лужи - необходимо, но противно, как тот глоток, который ты делаешь, когда больше нет сил, когда ты понимаешь, что это - единственное, что может спасти тебя, даже если это отвратительно, даже если это приносит боль, даже если это напоминает тебе о том, что ты уже не там, где был раньше, что ты уже не тот, кем был вчера. Вдалеке, за горизонтом, слышался тот глухой, непрерывный гул, который нельзя было спутать ни с чем - ни с грозой, ни с трамваем, ни с заводским гудком. Это был гул артиллерийской канонады, той канонады, которая уже гремела на фронте, которая уже уносила жизни, которая уже меняла судьбы, которая уже переписывала историю кровью и страданиями.

- Мы на месте, - сказал он, и его голос был тих, но в нём слышалась та решимость, которая рождается из осознания своего долга, из той веры, которая была его опорой, из той любви, кото-

рая была его жизнью, - мы приехали. Здесь начинается война. Здесь начинается наша судьба. Здесь начинается наша история. Здесь начинается наша вечность.

Степан подошёл к нему и встал рядом. Его лицо было бледным, с той болезненной бледностью, которая бывает у людей, когда они видят то, что меняет их жизнь навсегда, когда они понимают, что их мир рухнул, и что они уже никогда не будут теми, кем были минуту назад, но в глазах его была та решимость, которая рождается из осознания своего долга, из той веры, которая была его опорой, из той любви, которая была его жизнью:

- Я готов, дядя, - сказал он, и его голос был твёрд, хотя в нём слышалась та дрожь, которую он не мог скрыть, - я готов идти до конца, как ты учил меня, как учили нас наши предки, как велит нам наша вера, как велит нам наш долг перед Богом и перед Россией. Я готов, дядя, я готов.

Александр положил руку на его плечо, и его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась та вера, которая была его опорой, та вера, которая не давала ему упасть духом, та вера, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии:

- Я знаю, Степан. Я знаю, что ты готов. Иди за мной. Мы вместе. Мы идём до конца, как шли наши предки, как велит нам наша вера, как велит нам наш долг перед Богом и перед Россией. Мы вместе, и мы выстоим. Мы не сдадимся, мы не отступим, мы не предадим, мы не потеряем веры, мы не потеряем надежды, мы не потеряем любви.

Поезд остановился. Это была не станция, а просто насыпь, рядом с которой стояли палатки, машины, грузовики с боеприпасами, люди в военной форме, которые суежились, отдавали приказы, кричали, бегали. Где-то рядом, за холмом, рвались снаряды, и их вспышки освещали небо багровыми, рваными всполохами, которые на мгновение выхватывали из тьмы деревьев, дома, лица людей, стоящих рядом. Здесь уже не было Москвы, не было той мирной жизни, которая осталась там, за сотни километров отсюда. Здесь была война - со всей её жестокостью, со всей её болью, со всей её бессмысленностью и со всей её необходимостью, со всей её тьмой и со всем её светом.

Люди начали выходить из вагонов, и их шаги, когда они ступали на тёплую, пыльную землю, были твёрдыми и уверенными, как шаги людей, которые знают, что идут на войну, и которые готовы к тому, что ждёт их впереди, готовы к смерти и к жизни, к победе и к поражению, к радости и к горю, ко всему, что может случиться, ко всему, что может выпасть на их долю. Кто-то плакал, кто-то молился, кто-то просто стоял молча, глядя на этот пейзаж, который уже был не тем, что они видели раньше, и который уже стал их новой реальностью, их новым домом, их новой судьбой.

Александр спрыгнул из вагона, и его ноги, когда они коснулись земли, почувствовали ту вибрацию, которая передавалась от земли к ногам, от ног к телу, от тела к сердцу, и заставляла его биться быстрее, громче, как будто оно хотело вырваться из груди и убежать от того, что должно было случиться. Он огляделся вокруг, и его глаза, когда он смотрел на этот хаос, на этот шум, на эту тревогу, были широко открыты, как у человека, который видит что-то страшное, что-то, что невозможно понять, что-то, что не должно было случиться, но что уже случилось, и что ничего нельзя изменить, ничего нельзя остановить, ничего нельзя предотвратить.

К нему подошёл офицер. Лицо его было обветренным, с той обветренностью, которая бывает у людей, которые живут в поле, которые не знают, что такое домашний уют, которые привыкли к постоянному напряжению и тревоге, которые привыкли к тому, что каждый день может стать последним, что каждый час может принести смерть, что каждая минута может изменить всё. Он посмотрел на Александра, и его голос, когда он заговорил, был твёрд, но в нём слышалась та усталость, которая бывает у людей, которые уже прошли через войну, которые уже видели смерть, которые уже потеряли товарищей, которые уже не верят в чудеса, но всё ещё верят в победу:

- Товарищ Берёзов? - спросил он, и его голос был ровным, как у человека, который привык выполнять приказы, даже когда они тяжелы, даже когда они приносят боль, даже когда они меняют чью-то жизнь навсегда.

- Да, - ответил Александр, и его голос был твёрд, как сталь, как тот металл, который он обрабатывал на заводе, как та вера, которая была его опорой, как тот клинок, который никогда не подводит своего хозяина, - я Александр Берёзов. Инженер-конструктор, доброволец. Готов к выполнению любого задания.

- Хорошо, - сказал офицер, и его голос был спокойным, но в нём слышалась та твёрдость, которая бывает у людей, когда они знают, что должны делать, даже если это тяжело, даже если это приносит боль, даже если это меняет чью-то жизнь навсегда, - Вы направлены в 247-й стрелковый полк. Пехота, товарищ Берёзов. Окопы, траншеи, атаки, оборона, кровь, грязь, смерть. Ваше инженерное образование пригодится - будете помогать строить укрепления, рыть окопы, возводить заграждения. Но в основном - вы будете воевать. Вы будете стрелять, вы будете идти в атаку, вы будете держать оборону, вы будете умирать и выживать, как все мы. Это война, товарищ Берёзов, и на войне все равны. Вы готовы?

Александр слушал, и в его душе, в той глубокой, тёмной тишине, где жили его страхи, рождалась та решимость, которая рождается из осознания своего долга, из той веры, которая была его опорой, из той любви, которая была его жизнью. Он знал, что это - его война, его судьба, его история, его вечность, и что он должен идти до конца, не останавливаться, не падать, не сдаваться, не терять веры, даже когда всё будет против него, даже когда смерть будет стоять за его плечом, даже когда казаться, что надежды больше нет, даже когда мир рушится вокруг него:

- Готов, товарищ офицер, - сказал он, и его голос был твёрд, как сталь, как тот клинок, который никогда не подводит своего хозяина, как та вера, которая была его опорой, как тот свет, который не может погаснуть, - я сделаю всё, что в моих силах. Я не подведу. Я не подведу свою страну, свою веру, свою семью, своих товарищей. Я буду идти до конца, как шли мои предки, как велит мне моя вера, как велит мне мой долг перед Богом и перед Россией.

Офицер посмотрел на него, и в его глазах мелькнула та искра уважения, которая бывает у людей, когда они встречают человека, готового пожертвовать собой ради общего дела, человека, который не боится смерти, потому что знает, что есть вещи, которые сильнее смерти, - вера, надежда, любовь:

- Хорошо, товарищ Берёзов. Располагайтесь. Ваш полк вон там, за теми палатками. Явитесь к командиру полка, он даст вам дальнейшие указания. Удачи вам, товарищ. Мы все здесь - одна семья, одна страна, одна вера, одна надежда, одна любовь. Мы выстоим, мы победим, мы вернёмся домой. А теперь - идите, вас ждут.

Александр направился к палаткам, которые стояли за холмом. За ним шёл Степан, и его шаги, когда он ступал по тёплой, пыльной земле, были твёрдыми и уверенными, как шаги человека, который знает, что идёт на войну, и который готов к тому, что ждёт его впереди. Вокруг них суетились люди, и их голоса, смешанные с шумом моторов и взрывов, создавали ту особую, тревожную атмосферу, которая бывает в местах, где люди готовятся к войне, где они не знают, что ждёт их впереди, где они не знают, вернутся ли они, где они не знают, увидят ли они своих близких снова.

Он вошёл в палатку, где сидел командир полка - подполковник с усталым лицом и глазами, которые видели слишком много смерти, чтобы удивляться чему-то новому, слишком много боли, чтобы бояться её, слишком много потерь, чтобы считать их. Он посмотрел на Александра, и его голос, когда он заговорил, был твёрд, но в нём слышалась та усталость, которая бывает у людей, которые не спали несколько ночей, которые слишком много пережили, которые слишком много видели, которые слишком много потеряли:

- Товарищ Берёзов? 247-й стрелковый полк, пехота. Добро пожаловать в пекло, товарищ. У нас нет времени на церемонии - фронт приближается, и нам нужно готовиться к обороне. Ваше первое задание: занять позиции на переднем крае, вон там, за теми холмами. Рыть окопы, строить укрепления, устанавливать заграждения. Немцы уже близко, и они будут наступать. Ваша задача - держаться, сколько сможете, задержать их любой ценой, дать время подтянуть резервы. Вы понимаете, что вас ждёт? Вы понимаете, что многие из вас не вернутся?

Александр слушал, и в его душе, в той глубокой, тёмной тишине, где жили его страхи, рождалась та решимость, которая рождается из осознания своего долга, из той веры, которая была его опорой, из той любви, которая была его жизнью. Он знал, что это - его война, его судьба, его история, его вечность, и что он должен идти до конца, не останавливаться, не падать, не сдаваться, не терять веры:

- Понимаю, товарищ подполковник. Я готов приступить немедленно. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы удержать позиции. Я не подведу, я не предаю, я не сдамся, я не потеряю веры, я не потеряю надежды, я не потеряю любви. Я буду идти до конца, как шли мои предки, как велит мне моя вера, как велит мне мой долг перед Богом и перед Россией.

Подполковник посмотрел на него, и в его глазах мелькнула та искра уважения, которая бывает у людей, когда они встречают человека, готового пожертвовать собой ради общего дела, человека, который не боится смерти, потому что знает, что есть вещи, которые сильнее смерти:

- Хорошо, товарищ Берёзов. Ваш взвод вон там, за теми кустами. Явитесь к старшине, он даст вам оружие и боеприпасы. Удачи вам, товарищ. Мы все здесь - одна семья, одна страна, одна вера, одна надежда, одна любовь. Мы выстоим, мы победим, мы вернёмся домой. А теперь - действуйте.

Александр вышел из палатки, и его шаги, когда он шёл по тёплой, пыльной земле, были твёрдыми и уверенными, как шаги человека, который знает, что идёт на войну, и который готов к тому, что ждёт его впереди. Он подошёл к старшине, который раздавал оружие, и его руки, когда он взял винтовку, дрожали от той решимости, которая рождается из осознания своего долга, из той веры, которая была его опорой, из той любви, которая была его жизнью. Он чувствовал тяжесть оружия в руках, и это чувство, как-то прикосновение, как тот холод, который проникает в самую душу, напоминало ему о том, что он теперь - солдат, что он теперь - защитник, что он теперь - тот, кто должен убивать, чтобы защищать, кто должен умирать, чтобы жили другие.

Он подошёл к окопам, которые уже рыли его товарищи, и его глаза, когда он смотрел на эту землю, на эти траншеи, на эти укрепления, были широко открыты, как у человека, который видит что-то страшное, что-то, что невозможно понять, что-то, что не должно было случиться, но что уже случилось. Он сжал в руке винтовку, и его пальцы, когда они касались холодного металла, чувствовали ту связь с прошлым, которая была его опорой, ту память, которая передавалась в их роду из поколения в поколение, ту веру, которая была сильнее любого оружия, сильнее любого врага, сильнее самой смерти.

- Берёза, - прошептал он, и его голос был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его решимость, вся его любовь, - я здесь. Я на той войне, которую мы так долго ждали и так боялись. Я буду защищать тебя, защищать Россию, защищать нашу веру, защищать наши семьи. Я не знаю, вернусь ли я, но я знаю, что я не отступлю, потому что за мной - вы, и я не имею права вас предать. Я обещаю тебе, обещаю Насте, обещаю детям, обещаю брату - я буду идти до конца, чего бы это ни стоило. А если я не вернусь - помните, что я любил вас, и что эта любовь сильнее смерти, сильнее войны, сильнее всего, что может встать на её пути.

Он перекрестился широко, размашисто, и его рука, дрожащая и уверенная, коснулась лба, груди и плеч. Он повернулся к Степану, который стоял рядом, и его голос, когда он загово-

рил, был тих, но в нём слышалась та вера, которая была его опорой, та вера, которая не давала ему упасть духом, та вера, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии:

- Мы начинаем, Степан. Мы начинаем нашу войну, нашу судьбу, нашу историю, нашу вечность. Мы идём до конца, как шли наши предки, как велит нам наша вера, как велит нам наш долг перед Богом и перед Россией. Мы вместе, и мы выстоим. Мы не сдадимся, мы не отступим, мы не предадим, мы не потеряем веры, мы не потеряем надежды, мы не потеряем любви.

Степан кивнул, и в его глазах, когда он смотрел на Александра, зажигался тот огонь, который не может погаснуть, тот огонь, который был его опорой, тот огонь, который был его светом в темноте и его надеждой в отчаянии, тот огонь, который был сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути:

- Я готов, дядя, - сказал он, и его голос был твёрд, хотя в нём слышалась та дрожь, которую он не мог скрыть, - я готов идти до конца, как ты учил меня, как учили нас наши предки, как велит нам наша вера, как велит нам наш долг перед Богом и перед Россией. Я готов, дядя, я готов.

Александр спрыгнул в окоп, и его ноги, когда они коснулись сырой, глинистой земли, почувствовали тот холод, который исходил от неё, тот холод, который передавался от земли к ногам, от ног к телу, от тела к сердцу, и заставлял его биться быстрее, громче, как будто оно хотело вырваться из груди и убежать от того, что должно было случиться. Он огляделся вокруг - в окопе уже были солдаты, и их лица, бледные и измождённые, с той усталостью, которая бывает у людей, которые не спали несколько ночей, которые слишком много пережили, которые слишком много видели, были обращены к нему, как будто они ждали от него чего-то важного, чего-то такого, что даст им силы идти дальше, что-то такое, что поможет им выстоять, когда станет трудно, что-то такое, что будет их опорой в те дни, когда всё будет против них.

Он подошёл к своему месту, к тому участку окопа, который был ему выделен, и его руки, когда он начал углублять его, расширять его, укреплять его, дрожали от той решимости, которая рождается из осознания своего долга, из той веры, которая была его опорой, из той любви, которая была его жизнью. Он работал молча, сосредоточенно, и его движения были точными и уверенными, как движения человека, который знает, что от его работы зависят жизни других, что от его работы зависит судьба его страны, его веры, его семьи, его товарищей.

Он думал о Насте, о детях, о брате, о берёзе, о той жизни, которая осталась там, за сотни километров отсюда, и которая уже уходила в прошлое. Он думал о том, что, возможно, он никогда больше не увидит их, что это его последние дни на этой земле, что он может умереть на этой войне, и что он никогда больше не обнимет своих близких, не услышит их голоса, не увидит их улыбки. Но он не позволял себе отчаиваться, не позволял себе сдаваться, не позволял себе терять веру, потому что знал, что он должен быть сильным, что он не имеет права сдать, что он должен идти до конца, как шли его предки, как велит ему его вера, как велит ему его долг перед Богом и перед Россией.

Солнце уже садилось за горизонт, окрашивая небо в багряные и золотые тона, создавая ту картину, которая была как символ того, что день заканчивается и наступает вечер, что жизнь заканчивается и наступает смерть, что мир заканчивается и наступает война. Александр поднял голову, посмотрел на это небо, и в его душе, в той глубокой, тёмной тишине, где жили его страхи, зажигался тот огонь, который не может погаснуть, тот огонь, который был его опорой, тот огонь, который был его светом в темноте и его надеждой в отчаянии, тот огонь, который был сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути.

- Завтра мы будем воевать, - сказал он, и его голос был тих, но в нём слышалась та уверенность, которая рождается из веры, из той веры, которая не нуждается в доказательствах, из

той веры, которая была сильнее любого оружия, сильнее любого врага, сильнее самой смерти, - завтра мы будем защищать нашу землю, нашу веру, наши семьи. Это не просто окопы, Степан, это не просто траншеи, это не просто укрепления - это наша судьба, наша история, наша вечность. Мы будем стоять здесь, мы будем сражаться, мы будем умирать и выживать, как шли наши предки, как велит нам наша вера, как велит нам наш долг перед Богом и перед Россией. Мы выстоим, мы победим, мы вернёмся домой. Я обещаю тебе это. Я обещаю тебе, что мы вернёмся.

Степан стоял рядом, и его глаза, когда он смотрел на заходящее солнце, были наполнены той смесью страха и надежды, которая бывает у молодых, когда они идут на войну в первый раз, когда они не знают, что ждёт их впереди, но знают, что они должны идти, потому что иначе нельзя:

- Я верю, дядя, - сказал он, и его голос был твёрд, хотя в нём слышалась та дрожь, которую он не мог скрыть, - я верю, что мы выстоим, что мы победим, что мы вернёмся домой, к нашим семьям, к нашей земле, к нашей вере. Я верю, дядя, я верю.

Ночь опустилась на их позиции, и в этой ночи было всё - и страх, и надежда, и вера, и любовь, и жизнь, и смерть, и судьба, и история, и вечность. Александр стоял у края окопа, и его глаза, когда он смотрел на тёмное небо, на котором уже зажигались первые звёзды, были открыты, и он чувствовал, как его душа, уставшая и встревоженная, наполняется той тихой, спокойной решимостью, которая была его опорой, той решимостью, которая не знала страха, и той надеждой, которая была сильнее любого сомнения, и той верой, которая была сильнее любой смерти.

Он сжал в руке икону, которую дал ему брат, и его пальцы, когда они касались холодного серебра, чувствовали ту связь с прошлым, которая была его опорой, ту память, которая передавалась в их роду из поколения в поколение, ту веру, которая была сильнее любого оружия, сильнее любого врага, сильнее самой смерти:

- Берёза, - прошептал он, и его голос был тих, но в нём слышалась вся его вера, вся его решимость, вся его любовь, - я здесь. Я на той войне, которую мы так долго ждали и так боялись. Я буду защищать тебя, защищать Россию, защищать нашу веру, защищать наши семьи. Я не знаю, вернусь ли я, но я знаю, что я не отступлю, потому что за мной - вы, и я не имею права вас предать. Я обещаю тебе, обещаю Насте, обещаю детям, обещаю брату - я буду идти до конца, чего бы это ни стоило. А если я не вернусь - помните, что я любил вас, и что эта любовь сильнее смерти, сильнее войны, сильнее всего, что может встать на её пути.

Он перекрестился широко, размашисто, и его рука, дрожащая и уверенная, коснулась лба, груди и плеч. Он повернулся и пошёл вглубь окопа, к своим товарищам, к своей войне, к своей судьбе, к своей истории, к своей вечности. Он знал, что завтра будет новый день, завтра начнётся новая битва, завтра начнётся новая страница его жизни, и он был готов к тому, что ждёт его впереди, готов ко всему, что бы ни случилось, потому что за ним стояла его вера, его семья, его Россия, и потому что он знал, что Берёзовы не сдаются, они не отступают, они не предадут, они не теряют веры, они не теряют надежды, они не теряют любви, они идут до конца, как шли их предки, как велит им их вера, как велит им их долг перед Богом и перед Россией.

КНИГА 2. СКВОЗЬ АД»

Пролог.

Письмо пришло на третий день после того, как Настя перестала считать дни. Она уже сбилась со счёта, перестала отмечать на календаре чёрточки, потому что каждая чёрточка была ударом - напоминанием о том, что его нет, что он там, где гремят взрывы, где земля встаёт дыбом, где люди падают и не встают, где смерть не выбирает, кого забрать, а просто пожинает

свою жатву, как косарь пожинает пшеницу, не разбирая, где колос спелый, а где зелёный. Она перестала считать дни, но не перестала ждать. Ждать - это было её единственное дело, её единственная работа, её единственная молитва. Она просыпалась с этим ожиданием, засыпала с ним, и даже во сне её душа продолжала прислушиваться к шагам на лестнице, к скрипу дверей, к тому далёкому, неясному звуку, который мог быть шагом почтальона, а мог быть только ветром, играющим в старых, расшатанных рамах.

День был жарким, тем июльским, душным жаром, который бывает в Москве, когда солнце висит над городом, как расплавленная медь, и даже тень не приносит пролады, а только подчёркивает тяжесть воздуха, делая каждый вдох усилием, каждое движение - подвигом. Настя сидела у раскрытого окна, но ветра не было, и занавеска висела неподвижно, как полотно, которое забыли снять с верёвки. Она держала в руках чашку с остывшим чаем, но не пила - просто держала, потому что руки должны были чем-то заниматься, чтобы не дрожать, чтобы не показывать детям, что внутри неё происходит что-то, что она не может контролировать, что она не может назвать, но что живёт в ней и растёт с каждым днём, как чёрный цветок, как тот страх, который не имеет имени, но который есть у каждой женщины, провожающей на войну.

Коля сидел на подоконнике - он любил это место, откуда была видна вся улица, где можно было разглядеть каждую машину, каждого прохожего, каждого почтальона с сумкой через плечо. Он сидел там уже второй час, и его ноги, ещё детские, но уже не такие тонкие, как до войны, свешивались вниз и слегка покачивались в такт какой-то внутренней мелодии, которую слышал только он. Он смотрел на улицу, и в его глазах была та серьёзность, которая появляется у детей, когда они понимают, что мир, который они знали, рухнул, и что теперь они должны быть взрослыми, даже если им всего двенадцать. Он уже не бегал, не играл, не смеялся тем звонким, беззаботным смехом, который был его главным оружием против страха. Он стал другим - старше, тише, сосредоточеннее. Он помогал соседям, носил воду, ходил в булочную, стоял в очередях и не жаловался, потому что знал: его отец там, на войне, и если отец не жалуется, то и он не имеет права.

Катя сидела на полу, у ног матери, и рисовала в своей старой, потрёпанной тетрадке. Она рисовала цветными карандашами - теми самыми, которые отец купил ей перед войной, в тот самый день, когда они гуляли в парке, и мир казался таким большим и безопасным, что никто не мог бы представить, что через несколько дней он рухнет. Она рисовала домик - маленький, с окошками, из которых валил дым, и трубу, из которой тоже шёл дым, и забор, и дерево рядом с домом. Дерево было белым, с зелёной кроной, и Катя старательно выводила каждую веточку, каждую чёрточку на стволе, потому что это дерево было для неё не просто деревом - это была та самая берёза, которая росла у их дома, та самая берёза, которую любил папа, та самая берёза, которая была символом всего, что осталось от той жизни, которую они потеряли, но которую они ещё могли вернуть, если будут ждать и верить.

- Мама, - сказала Катя, не поднимая головы, и голос её был тихим, но в нём слышалась та детская настойчивость, которая бывает у детей, когда они хотят знать правду, даже если эта правда страшна, - а когда папа напишет? Он же обещал писать, он же сказал, что будет писать, что мы будем получать письма, что мы будем знать, что он жив, что он цел, что он помнит нас. Почему он не пишет? Он забыл нас? Он не хочет писать? Он не может писать?

Настя вздрогнула, и чашка в её руках качнулась, расплескав несколько капель тёмного, остывшего чая на подоконник. Она поставила чашку на стол и обняла дочь, прижав её к себе, чувствуя тепло её тела, её дыхания, её жизни. Она хотела сказать что-то успокаивающее, что-то такое, что развеяло бы страхи Кати, но слова застревали в горле, потому что она сама задавала себе эти вопросы каждую ночь, когда оставалась одна, когда дети засыпали, когда тишина в комнате становилась такой плотной, что её можно было резать ножом, когда она слышала

только своё дыхание и биение своего сердца, которое стучало так громко, что, казалось, его слышно на всю улицу.

- Он напишет, дочка, - сказала она, и голос её дрожал, но она старалась говорить твёрдо, как стараются говорить женщины, когда они должны быть сильными для своих детей, когда они не имеют права показывать свою слабость, потому что если они покажут слабость, то дети испугаются ещё больше, и тогда никто не сможет их успокоить, никто не сможет дать им надежду, никто не сможет сказать им, что всё будет хорошо. - Он обязательно напишет. Он не забыл нас, он помнит нас, он любит нас. Просто там, где он сейчас, нет почты, нет связи, нет возможности отправить письмо. Но как только появится возможность - он напишет, я знаю это, я верю в это, я чувствую это. Ты должна верить, Катя, ты должна верить, что он вернётся, что мы снова будем вместе, что мы снова будем семьёй, как раньше.

Катя подняла голову, и в её глазах, больших и влажных, с той детской доверчивостью, которая бывает у детей, когда они верят своим родителям, потому что не знают, что родители тоже могут ошибаться, тоже могут сомневаться, тоже могут бояться, была та искра надежды, которая не давала ей плакать. Она кивнула, прижалась к матери и снова взялась за карандаш, чтобы дорисовать домик, который она начала, чтобы закончить то, что начала, чтобы завершить тот мир, который она создавала на бумаге, потому что в этом мире всё было правильно, всё было на своих местах, всё было мирно и спокойно.

В этот момент в дверь постучали.

Три удара - коротких, настойчивых, как стук сердца, как тот ритм, который отбивает время и неумолимо движется вперёд. Коля спрыгнул с подоконника и побежал к двери, его босые ноги громко шлёпали по деревянному полу, который был тёплым от солнца, но казался холодным, потому что в доме было тихо, и тишина эта была как предчувствие, как ожидание того, что должно случиться, как тот миг, когда ты знаешь, что что-то важное происходит, но ещё не знаешь, что именно. Он открыл дверь, и на пороге стоял почтальон - пожилой мужчина в потёртой гимнастёрке, с сумкой через плечо, с лицом, обветренным и усталым, на котором были написаны все те войны, которые он видел, все те письма, которые он носил, все те похорожки, которые он вручал, и все те слёзы, которые он видел за свою долгую жизнь.

- Вам письмо, - сказал он, и голос его был хриплым от пыли и жары, но в нём слышалась та особая, человеческая теплота, которая бывает у людей, когда они понимают, что несут не просто бумагу, а надежду, или горе, или то, что может изменить жизнь человека навсегда. - С фронта. От мужа, наверное.

Коля схватил конверт, даже не поблагодарив, и побежал обратно в комнату, размахивая им как знаменем, как победой, как тем доказательством, что его отец жив, что его отец помнит их, что его отец пишет им, что его отец - герой. Он кричал, и его голос, звонкий и радостный, разносился по квартире, проникая в каждую комнату, в каждый угол, в каждое сердце:

- Мама! Мама! Письмо от папы! Папа написал! Он жив! Он жив!

Настя вскочила так резко, что чуть не опрокинула стул. Её руки дрожали, когда она взяла конверт, и она не могла разорвать его, потому что пальцы не слушались, потому что она боялась, что внутри может быть не то, что она хочет увидеть, не те слова, которые она хочет услышать, а что-то другое, что-то страшное, что-то, что разрушит её мир, её надежду, её веру. Она смотрела на конверт, на свой адрес, на военный штемпель, на те буквы, которые были написаны рукой её мужа, и чувствовала, как её сердце бьётся так сильно, что, кажется, оно хочет вырваться из груди и улететь к нему, туда, где он сейчас, туда, где он воюет, туда, где он защищает их, туда, где он живёт и умирает каждый день.

- Мама, читай! - кричал Коля, и его голос был нетерпеливым, как у всех детей, когда они хотят знать что-то важное, когда они хотят услышать слова, которые скажут им, что всё хорошо, что их отец вернётся, что они снова будут вместе. - Читай скорее! Что он пишет? Он здоров? Он цел? Он скоро вернётся?

Катя подбежала и встала рядом, прижавшись к матери, и её руки, когда она держала свою тетрадку с рисунком, дрожали от того же волнения, которое охватило всех. Она смотрела на конверт, на те буквы, которые были написаны рукой её отца, и ей казалось, что она видит его лицо, его руки, его улыбку, его глаза, которые всегда смотрели на неё с такой любовью, что она чувствовала себя самой счастливой девочкой на свете.

Настя глубоко вздохнула, разорвала конверт и вытащила письмо. Бумага была тонкой, почти прозрачной, с казённым штампом, и на ней были написаны слова, которые она потом будет перечитывать сотни раз, которые она выучит наизусть, которые она будет знать на память, как знают «Отче наш», как знают те слова, которые спасают, когда кажется, что спасения нет, когда тьма стужается, когда надежда умирает:

«Настя, моя родная, моя единственная, мой свет в этой тьме. Пишу тебе из первого окопа, из первого боя, из первого ада, который я увидел. Я жив. Я цел. Я не ранен. Мы вышли из окружения, мы пробились, мы держим оборону, мы не сдаёмся. Война страшнее, чем я мог себе представить, страшнее всех чертежей, всех расчётов, всех заводов, где я работал. Здесь смерть не выбирает - она просто приходит, как туман, как дождь, как холод. Я видел, как умирают товарищи, как горят танки, как земля встаёт дыбом от разрывов. И в этом аду я вспоминал тебя, детей, брата, берёзу у дома. Я молился - впервые за много лет - и мне стало легче. Я знаю, что ты ждёшь меня, что ты молишься за меня, что ты веришь в меня. Не переставай верить, Настя. Я вернусь. Я не знаю, когда, но я вернусь. Мы победим, потому что мы не умеем проигрывать. Это пишет тебе твой Саша, капитан сапёрного взвода. Целую вас, люблю вас больше жизни. Жди меня, Настя. Я обязательно вернусь».

Настя читала, и слёзы текли по её щекам, горячие и солёные, но она не вытирала их, потому что в этих слезах была та радость, которая не требует слов, та благодарность, которая не нуждается в доказательствах, та любовь, которая сильнее смерти, сильнее войны, сильнее всего, что может встать на её пути. Она прижала письмо к груди, к тому месту, где билось её сердце, и прошептала, и голос её был тих, но в нём слышалась вся её вера, вся её надежда, вся её любовь:

- Слава Богу. Слава Богу, он жив. Он жив, он вернётся, он обещал, он не может не вернуться, потому что он - Берёзов, потому что Берёзовы всегда возвращаются.

Коля обнял мать, и его лицо, когда он прижимался к ней, было мокрым от слёз, но он не плакал - он был мужчиной, старшим мужчиной в доме, и он знал, что должен быть сильным, что он не имеет права показывать свою слабость, что он должен защищать мать и сестру, даже если это будет стоить ему жизни. Катя тоже обняла их, и они стояли так, втроём, в той комнате, где пахло табаком и графитом, где на столе лежали чертежи, которые Александр не успел закончить, и в этом объятии было всё - и радость, и страх, и надежда, и вера, и любовь, которая была их опорой, их общей силой, их общей защитой, их общей жизнью, их общей смертью, их общей судьбой, их общей историей, их общей вечностью.

В тот же день, когда Настя получила письмо от мужа, в Богоявленском соборе отец Николай служил молебен о здравии воинов. Храм был полон, как не был полон много лет, потому что война вернула людей к вере, потому что страх смерти оказался сильнее страха репрессий, потому что когда человек стоит на краю пропасти, он ищет руку, которая может удержать его, даже если он не верит, что эта рука существует. Свечи горели в каждом подсвечнике, их огоньки, жёлтые и трепетные, отражались в золоте икон и в глазах молящихся, и этот свет, смешанный с запахом ладана и воска, создавал ту особую, благоговейную атмосферу, которая бывает в храмах, когда люди молятся не по привычке, не по обязанности, а потому, что им некуда больше идти, потому что у них ничего не осталось, кроме веры, кроме надежды, кроме любви.

Отец Николай стоял у алтаря, облачённый в свою старенькую, но чистую рясу, которую он надевал в самые важные дни, которая была его боевым облачением, его формой, его доспе-

хом. Его голос, когда он читал молитвы, был тих, но в нём слышалась та вера, которая была его опорой, та вера, которая не давала ему упасть духом, та вера, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии. Он молился о всех воинах, но в его сердце, в той глубокой, тёмной тишине, где жили его страхи, была одна молитва, которая была сильнее всех других, одна просьба, которая была важнее всех остальных, одно имя, которое он повторял мысленно снова и снова, как заклинание, как мантру, как тот звук, который должен был дойти до неба и вернуться ответом:

- Господи, сохрани моего брата Александра. Сохрани его от пули и сабли, от голода и холода, от отчаяния и страха, от потери веры и надежды. Сохрани его для нас, для нашей семьи, для нашей веры, для нашей надежды, для нашей любви. Я не знаю, что будет завтра, я не знаю, увижу ли я его снова, я не знаю, вернётся ли он живым, но я знаю, что Ты с ним, что Ты не оставишь его, что Ты защитишь его, что Ты дашь ему силы идти до конца, не останавливаясь, не падать, не сдаваться, не терять веры, даже когда всё будет против него, даже когда смерть будет стоять за его плечом, даже когда казаться, что надежды больше нет.

Он перекрестился широко, размашисто, и его рука, дрожащая и уверенная, коснулась лба, груди и плеч. В этот момент в храм вошла женщина. Она была в чёрном платке, и лицо её было бледным, как полотно, и её глаза, когда она смотрела на иконы, были пустыми и неподвижными, как у человека, который потерял всё, что у него было, всё, что составляло смысл его жизни, всё, что он любил, всё, что он защищал. Она шла медленно, как будто каждый шаг стоил ей невероятных усилий, и в руках она держала похоронку - тот казённый лист бумаги, который был страшнее любого оружия, страшнее любой пули, страшнее самой смерти, потому что он нёс весть о том, что её сын больше не вернётся, что её сын остался там, где гремят взрывы, где земля встаёт дыбом, где люди падают и не встают, где смерть пожинает свою жатву, не разбирая, кто перед ней - молодой или старый, верующий или неверующий, русский или немец.

Она подошла к иконе Богородицы, и её голос, когда она заговорила, был тих, но в нём слышалась та боль, которая не находила слов, та боль, которая была сильнее любого крика, сильнее любого плача, сильнее любой молитвы, потому что это была боль матери, потерявшей сына, боль, которая не проходит со временем, которая не смягчается, которая становится только острее и острее с каждым днём:

- Матерь Божия, Пресвятая Богородица, заступница рода нашего, защитница земли русской, зачем ты забрала моего сына? Зачем ты оставила меня одну? Зачем ты позволила ему умереть? Он был так молод, он даже не успел жениться, он даже не успел построить дом, он даже не успел завести детей, он даже не успел ничего, что делает жизнь человека полной и осмысленной. Он просто ушёл, растворился в этом аду, в этом огне, в этой тьме, и всё, что от него осталось, - это бумага, казённая бумага, в которой сказано, что он «героически погиб», защищая рубежи нашей Родины. Но я не хочу героически погибшего сына, я хочу моего живого мальчика, который звал меня мамой, который улыбался по утрам, который мечтал стать учителем, который был полон жизни и надежд. Я хочу его вернуть, я хочу обнять его, я хочу сказать ему, как я люблю его, но я не могу, я никогда не смогу, потому что его больше нет, и ничего не вернёт его мне, ничего - ни молитвы, ни слёзы, ни жертвы, ни вера.

Она заплакала, и её слёзы, горячие и солёные, падали на холодный каменный пол, оставляя тёмные пятна, как следы её боли, как следы её любви, как следы её надежды. Она стояла на коленях, и её плечи вздрагивали от рыданий, тех рыданий, которые она сдерживала все эти дни, все эти недели, все эти часы, когда она ждала, что её сын вернётся, когда она не верила, что может случиться самое страшное, когда она надеялась до последнего, когда она молилась до последнего, когда она верила до последнего.

Отец Николай подошёл к ней, и его шаги были тихими и мягкими, как шаги человека, который знает, что должен быть осторожным, что он не должен нарушить ту хрупкую гармонию, которая ещё осталась в душе этой женщины, что он должен быть с ней, должен разделить

её боль, должен нести её крест вместе с ней. Он опустился на колени рядом с ней, и его голос, когда он заговорил, был тих, но в нём слышалась та вера, которая была его опорой, та вера, которая не давала ему упасть духом, та вера, которая была его светом в темноте и его надеждой в отчаянии:

- Не плачь, дочь моя, не отчаивайся, не позволяй горю сломить тебя, не дай печали завладеть твоим сердцем. Твой сын жив, он жив не той смертной, преходящей жизнью, которой мы живём здесь, на земле, но той вечной, бессмертной жизнью, которую дарует нам Господь тем, кто верует в Него. Ты не видишь его сейчас, но он видит тебя, он слышит твои молитвы, он знает твою любовь, и он ждёт тебя там, в Царствии Небесном, где нет ни печали, ни воздыхания, ни страданий, ни смерти, ни разлуки, а только вечная радость, вечный свет, вечная любовь. Он ушёл на войну, чтобы защитить нашу землю, нашу веру, наши семьи, и он отдал свою жизнь за то, чтобы мы могли жить, чтобы мы могли дышать, чтобы мы могли видеть солнце, чтобы мы могли любить, чтобы мы могли надеяться, чтобы мы могли верить. И его жертва не напрасна, его смерть не бессмысленна, его подвиг не забыт. Он - герой, и его имя будет жить в веках, будет жить в памяти народа, будет жить в сердцах тех, кто помнит, будет жить в вечности, которая не знает конца.

Женщина подняла голову, и в её глазах, влажных и испуганных, с той глубокой, искренней верой, которая живёт в сердце каждого русского человека, мелькнула та надежда, которая бывает у людей, когда они слышат слова утешения, когда они понимают, что они не одни, что их не оставили, что их не забыли. Она перекрестилась, и её рука, дрожащая и уверенная, коснулась лба, груди и плеч, и она прошептала, и голос её был тих, но в нём слышалась та вера, которая была её опорой, та вера, которая не давала ей упасть духом, та вера, которая была её светом в темноте и её надеждой в отчаянии:

- Спасибо, батюшка, спасибо, что не отверг меня, что не прогнал, что нашёл слова для моего сердца. Я буду молиться, я буду молиться за него, я буду верить, что он жив, что он с Богом, что он ждёт меня там, где нет ни войны, ни холода, ни смерти. И, может быть, когда-нибудь, когда Господь призовет меня, я увижу его снова, и мы будем вместе навсегда, как и должны быть.

Она встала, перекрестилась ещё раз, поклонилась иконам и тихо вышла из храма, оставляя за собой запах ладана и молитвы. Отец Николай смотрел ей вслед, и в его душе, в той глубокой, тёмной тишине, где жили его страхи, рождалась та тихая, спокойная уверенность, которая была его опорой, та уверенность, которая не знала сомнений, та уверенность, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на его пути. Он знал, что война будет долгой и страшной, что многие из тех, кто стоит перед ним, потеряют своих близких, что многие из тех, кто ушёл на фронт, не вернуться, что многие из тех, кто остался, будут плакать и молиться. Но он также знал, что вера - это то, что не может быть уничтожено ни одной войной, ни одной смертью, ни одним страданием, и что пока есть те, кто молится, пока есть те, кто верит, пока есть те, кто надеется, пока есть те, кто любит, Россия не будет побеждена, она не будет сломлена, она не будет уничтожена, потому что она - та земля, которая не сдаётся, которая не падает, которая не предаёт, которая всегда побеждает.

В тот же вечер, когда дети уже спали, а за окнами сгущалась та особенная, июльская темнота, которая бывает только в Москве, когда город затихает и только ветер гуляет по пустым улицам, Настя села за стол и взяла в руки лист бумаги. Перед ней лежало письмо мужа - то самое, которое она перечитывала уже десятый раз, которое она знала наизусть, которое она держала у сердца, которое было её опорой, её надеждой, её верой. Её руки, когда она обмакнула перо в чернильницу, дрожали, но она не позволяла себе остановиться, потому что знала: он ждёт её ответа, он ждёт её слов, он ждёт её любви, он ждёт её веры, он ждёт её надежды.

Она начала писать, и её голос, когда она произносила слова про себя, был тих, но в нём слышалась та любовь, которая была её опорой, та любовь, которая была сильнее любого страха, сильнее самой смерти, сильнее всех тех врагов, которые могли встать на её пути:

«Саша, мой родной, моя кровиночка, мой свет в этой тьме. Я получила твоё письмо, я прочитала его, я перечитала его много раз, я знаю его наизусть, я буду хранить его всегда, как самую дорогую драгоценность, как ту реликвию, которая напоминает мне о том, что ты жив, что ты цел, что ты помнишь нас, что ты любишь нас. Ты не знаешь, что такое счастье получить письмо с фронта, когда ты не знаешь, жив ли твой муж, когда ты не знаешь, увидишь ли ты его снова, когда ты не знаешь, что ждёт тебя завтра. Ты не знаешь, что такое радость, когда ты видишь знакомый почерк, когда ты читаешь слова, которые написал человек, которого ты любишь больше жизни, больше смерти, больше всего, что есть на свете. Мы ждём тебя, Саша. Катя пошла в первый класс. Коля помогает соседям, он стал таким серьёзным, таким взрослым, таким ответственным. Он говорит, что хочет быть лётчиком, как ты, чтобы защищать нашу страну, чтобы быть таким же смелым и сильным. Я работаю в госпитале, вижу раненых, вижу смерть каждый день, но я молюсь за каждого из них, я молюсь за всех, кто воюет, я молюсь за тебя. Молись и верь, Саша, молись и верь, что ты вернёшься, что мы снова будем вместе, что мы снова будем семьёй, как должны быть, как были раньше, как будем всегда. Я люблю тебя, Саша, я люблю тебя больше жизни, больше света, больше всего, что есть на свете. Жди меня, Саша, я буду ждать тебя, я буду ждать столько, сколько нужно, сколько бы ни пришлось ждать, потому что я - Берёзова, и я не сдаюсь, я не отступаю, я не предаю, я не теряю веры, я не теряю надежды, я не теряю любви. Твоя Настя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.